ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Скобликов Сергей Владимирович

Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX – начале XX века (по материалам Западной Сибири)

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Гончаров Юрий Михайлович

Барнаул – 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ…….. **3**

ГЛАВА 1. Формирование категории нижних воинских чинов

1.1. Социально-правовое положение нижних воинских чинов и комплектование нижними чинами русской армии…… **33**

1.2. Состав и численность нижних воинских чинов Западной Сибири……. **54**

ГЛАВА 2. Повседневная жизнь нижних воинских чинов

2.1. Условия действительной воинской службы…… **67**

2.2. Роль унтер-офицерского корпуса в жизни армии…… **79**

2.3. Воинская дисциплина и система наказаний в российской армии……... **91**

2.4. Санитарное состояние и медицинское обслуживание……... **115**

ГЛАВА 3. Мировоззрение, культура и традиции нижних воинских чинов

3.1. Обучение и воспитание……..…… **126**

3.2. Традиции и ценностные ориентации……. **151**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… **166**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…...…… **171**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…… **194**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

В настоящее время, – время серьезных геополитических вызовов, стоящих перед Россией, – периода сложной внешнеполитической обстановки, российская армия становится важным объектом реформирования. Выработка новых принципов военного строительства невозможна без обращения к историческому опыту взаимоотношений государства, общества и армии.

Кроме того, в отечественной историографии в целом недостаточно разработана проблема изучения отдельных социальных страт и сословных состояний Российской империи. В советские годы историки уделяли внимание, прежде всего, процессам классообразования, оставляя в тени сословную специфику населения. Среди российского социума наиболее изученными являются сословия дворян и крестьян. В последние десятилетия интенсивно изучается купечество и мещанство. В то же время, некоторые значительные слои населения долгие годы оказывались вне внимания исследователей.

Интерес к изучению военных, наметившийся в последние годы, как раз и продиктован тем, что историческая наука до сих пор уделяла этой категории явно недостаточное внимание.

В постсоветские десятилетия наметилась переоценка этих позиций, что проявилось как в переосмыслении социально-экономических процессов, протекавших в русском пореформенном обществе, так и в изменении взглядов на военных и их роли в обществе.

Изучение истории нижних воинских чинов Западной Сибири, обладавшего «своим лицом», определявшимся спецификой региона и сибирских городов

(поздний генезис, удаленность от центра, особенности состава населения и т.д.), позволит более полно выявить общее и особенное в экономической и социокультурной жизни русского провинциального общества второй половины XIX – начала XX в. Очевидно, что необходимо комплексное изучение нижних воинских чинов, как особой социальной группы, выявление его роли и места в социальной и экономической системе общества.

Степень научной разработанности.

В исторической литературе можно найти лишь отдельные сюжеты и публикации, касающиеся нижних воинских чинов Сибири.

Изучение истории русской армии находилась главным образом в сфере влияния военных историков. В дореволюционный период изучались лишь отдельные проблемы образа жизни солдат. Внимание исследователей было в основном сосредоточено на таких проблемах, как история войн, военных реформ, военного искусства. Лишь в отдельных работах, носящих в основном публицистический и воспитательный характер, рассматривались некоторые социокультурные аспекты жизни армии: традиции, элементы военной культуры, офицерство как социальный слой и т.д.[1]

Большое внимание интересующей нас проблематике уделялось на страницах такого периодического издания, как «Военный сборник» – ежемесячный военный журнал на русском языке, официальный орган Военного министерства Российской империи, который выходил в 1858–1917 годах. Программа журнала состояла из 4 отделов: 1) официальный (извлечения из Высочайших приказов, приказы военного министра и прочие официальные документы; 2) военные науки (тактика, военная администрация, фортификация и артиллерия); 3) литературный (рассказы из военного быта, мемуары, путешествия, биографии); 4) смесь (открытия и опыты разного рода, библиографические известия и прочее). «Военный сборник» был подчинён общей

[1] Риттих А.Ф. Русский военный быт в действительности и в мечтах. СПБ., 1893; Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 72–112; и др.

цензуре; предписывалась обязательная подписка для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов.

Значительный интерес для нашей работы представляет многотомная «Военная энциклопедия», издававшаяся известным издателем И.Д. Сытиным в 1911–1915 гг. под редакцией полковника Генерального штаба В.Ф. Новицкого. В связи с Первой мировой войной и последующей Октябрьской революцией, издание осталось не завершено; всего вышло 18 томов, последнее слово 18-го тома – «Порт-Артур». Каждый том сопровождался большим количеством схем, географических и топографических карт, планов, портретов и рисунков, включённых как в основной текст, так и расположенных на вклейках. Композиционно энциклопедия составлена по алфавиту статей, однако составители выделили четыре главных отдела по содержанию энциклопедии: первый отдел — специальных военных знаний (стратегия, тактика, военная история, военная статистика, военная география, военная топография, воспитание и обучение войск, сведения о вооружённых силах иностранных государств), второй отдел – военно-технических знаний и специальных родов войск (артиллерия, стрельба, баллистика, взрывчатые вещества, материальна часть артиллерии, ручное оружие, военно-инженерное дело, фортификация и т.д.), третий отдел – общих военных знаний (военная администрация, военное право и законодательство, военное хозяйство и служба тыла, военно-санитарное дело, спорт и военная литература, выдающиеся военные деятели и ученые, четвертый отдел – военно-морских знаний[1].

«Военная энциклопедия» ставила целью объединить и органически связать воедино все важнейшие сведения по различным отраслям военного и военно-морского дела, которые в преемственной связи настоящего с прошлым осветили бы все вопросы, связанные с бытием вооруженных сил, популяризируя знания, необходимые как воину, так и гражданину. Таким образом энциклопедия Сытина предназначалась не только для военных, но и для каждого

[1] Военная энциклопедия. Т. I–XVIII. СПб., 1911–1915.

интересующегося военным делом, в ней был заметно расширен круг военных вопросов. Особое значение придавалось включению сведений, воспитывающих любовь к военному делу, армии и флоту.

Быт сибиряков, в том числе и солдат в дореволюционной историографии изучался в основном усилиями местных краеведов. Их работы носили преимущественно описательный характер и способствовали, в основном, лишь накоплению источникового материала. Одним из ярких примеров является Н.А. Абрамов, которого впоследствии назвали «неутомимым летописцем Сибири»[1]. Сибиряк по рождению, живший и работавший во многих городах региона, Н.А. Абрамов опубликовал около сотни работ посвященных родному краю.

В своей книге «Описание Западной Сибири» И.И. Завалишин приводит разнообразные сведения о регионе середины XIX в. Обращался И. Завалишин и к сословному составу городского населения[2].

Во второй половине XIX в. сибирское краеведение активно развивалось. Краеведы работали во всех значительных городах региона (можно назвать А.В. Адрианова, Н.И. Виноградского, Г. Колмогорова, Н.С. Щукина и многих других). Ими был охвачен широкий тематический спектр.

Работы авторов, которых в советской историографии было принято относить к официально-правительственному направлению, а именно К. Голодникова, Н. Кострова, Н. Турчанинова, Н. Путинцева[3], были написаны в связи со служебной деятельностью авторов. Так, например, К. Голодников заведовал Тобольским губернским статистическим комитетом, Н. Костров – Томским, Н. Путинцев собирал сведения для изыскательских работ при

---

[1] Беспалова Л.Г. Живое прошлое: писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987. С. 30.

[2] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. С. 82.

[3] Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882; Он же. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк. Тобольск, 1887; Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872; Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. I. СПб., 1914. С. 285–360; Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892.

строительстве Сибирской ж.д. Главным источником для них служили данные официальной статистики. Кроме того, эти авторы использовали сведения городских переписей, податной статистики, собственные наблюдения. Главной целью их работ было дать фактическую сводку о населении и состоянии экономики Западной Сибири, что обусловило в определенной степени их описательность, отказ от сопоставления и анализа фактического материала.

Отсутствие у авторов научной методологии привело к непониманию описывавшихся ими социально-экономических процессов. Большой фактический материал, содержащийся в данных работах, позволяет их рассматривать также в качестве источников. В наибольшей степени это относится к работам Н. Кострова, во многих из которых содержится только краткий анализ приводимого обширного фактического материала.

Областники (С.С. Шашков, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.) отражали в своих исследованиях различные стороны развития Сибири. Однако для них была характерна обличительная направленность, истоки всех бед областники видели в «колониальном» положении Сибири, в «мануфактурном иге Москвы», в злоупотреблениях властей. Они недооценивали уровень экономического развития региона, результаты его промышленного освоения и, наоборот, переоценивали специфические черты сибирского населения[1].

В частности, Г.Н. Потанин, при характеристике сибирских городов, писал об Омске как типичном военно-чиновничьем городе. Преобладание военных в городском населении, по мнению Потанина, предопределило отсталость экономической жизни города, состав верхушки городского общества и даже своеобразие архитектурного облика[2].

---

[1] Паршукова Н.П. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин о городах Сибири // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2001. С. 147–152.

[2] Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 234–259.

В это время формируется локальное направление в истории, уделявшее главное внимание к истории региона[1]. На рубеже XIX–XX вв. усиливается интерес к прошлому Сибири. В газетах, а также отдельными изданиями, уже в массовом порядке появлялись работы о церквях, монастырях, учебных заведениях, выдающихся сибирских деятелях, зарисовки бытового характера[2].

В дореволюционный период исследование образа жизни военных и их роли в жизни региона было связано с изучением истории различных воинских частей и воинских учебных заведений Западной Сибири, которые чаще всего осуществлялись в рамках самого военного ведомства[3]. Такие издания подготавливались, как правило, к юбилеям воинских формирований и учреждений по инициативе командования или отдельных офицеров. Авторами обычно выступали офицеры и военные чиновники. Источниковой базой таких изданий служили официальные документы (приказы, формулярные списки, отчеты и т.п.). Часть таких работ представляли собой только краткое изложение основных фактов истории воинской части, некоторые были более пространны. В этих трудах описывались главные этапы истории части, описывались быт, традиции, состав и «духовный облик» солдат и офицеров, помещались различные статистические таблицы и списки военнослужащих[4].

Названными авторами не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении истории нижних воинских чинов Сибири. Однако большинство дореволюционных публикаций представляют собой довольно поверхностные очерки, основанные на ограниченной документальной базе. Тема сословий вообще, и нижних воинских чинов, в частности, практически не изучалась, хотя, отдельные ее аспекты и

---

[1] См. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.

[2] Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске в связи с историей города. Томск, 1904; и др.

[3] Мамеев С.Н. Краткий исторический очерк Тобольского резервного пехотного батальона (с 1711 г.). Тобольск, 1886; Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса 1813–1913. Омск, 1913; и др.

[4] См., например: Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. 131 с.

были затронуты. В этот период шло накопление и обобщение архивных документов и личных наблюдений.

В 1920–1950-е гг. работы, посвященные истории Сибири, затрагивали лишь отдельные аспекты истории региона, такие как революционное движение и политическая ссылка, и нередко носили популяризаторский или пропагандистский характер. Усилилась тенденция рассматривать «бытовую историю» как нечто второстепенное. Невысокий уровень знаний этого периода по истории населения региона отразила четырехтомная «Сибирская советская энциклопедия» (Новосибирск, 1929–1932).

В советской военной историографии этого периода история нижних воинских чинов практически не изучалась. Это было связано в основном с тем, что в официальной идеологии и общественном сознании русская армия рассматривалась как часть аппарата угнетения рабочих и крестьян и ассоциировалась с контрреволюционными, буржуазными силами.

Частичная реабилитация истории русской армии происходит в историографии 1940-х гг, что было связано, в первую очередь, с Великой Отечественной войной, обусловившей новую идеологическую политику государства, востребованность идей патриотизма, необходимость опоры на воинские традиции, уходящие своими корнями в дореволюционное прошлое[1].

С середины 1950-х гг. начинается новый этап отечественной историографии, формируются новые подходы к исследованию, расширяется источниковая база, повышается уровень научных работ[2]. Работы этого времени по своим теоретическим подходам, по богатству фактического материала выгодно отличаются от работ предыдущего периода.

---

[1] Баяндин В.И. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода // Пишем времена и случаи материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 31–33.

[2] См.: Советская историография. М., 1996. С. 349–400.

Необходимо отметить монографию Л.Г. Бескровного «Очерки военной историографии России», в которой исследователь проанализировал труды по военной истории, подготовленные русскими офицерами, и сделал вывод об их значительном вкладе в отечественную историографию[1].

На роль и место военных в социальной структуре населения Сибири обращали внимание такие исследователи как Р.М. Кабо, А.Д. Колесников, И.А. Коновалова, М.Г. Рутц[2].

В эти годы возникают несколько направлений и в сибиреведении: собственно историческое, экономико-географическое, историко-архитектурное и др. Уровень изученности многих проблем региональной истории продемонстрировали соответствующие главы пятитомной «Истории Сибири» (Л., 1968). И хотя интересующая нас проблематика на страницах «Истории Сибири» практически не нашла отражения, однако подготовка этого издания в значительной степени активизировала изучение региональной истории в целом и сибирского социума, в частности[3].

Эта активизация отчетливо проявилась в 70–80-х гг. прошлого века, когда появляется ряд работ, посвященных социально-экономическому и культурному развитию Сибири. Для этого периода можно отметить расширение источниковой и историографической базы исследований, повышение теоретического уровня работ. В эти годы исследователи обращались к различным сюжетам истории

---

[1] Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

[2] Кабо Р.М. Города Сибири. М., 1949; Колесников А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 231–252; Коновалов И.А. Население Омска в первой половине XIX в. // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-лектию города Омска. Омск, 1991. С. 28–30; Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1977. С. 91–105; Сигутов П.Т. Население Омска в конце XIX в. // Известия Омского отделения географического общества СССР. Омск, 1966. Вып. 8 (15). С. 31–38.

[3] См.: Горюшкин Л.М., Кудрявцев Ф.А., Тюкавкин В.Г. Изучение истории Сибири эпохи капитализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 175–189.

населения региона. Большой вклад в изучении сибирского региона внес В.А. Скубневский[1].

В 1970–1980-е гг. в отечественной науке начинает складываться направление, посвященное историко-этнографическому изучению региона, представители которого рассматривали в своих работах различные стороны бытовой культуры сибиряков. Происходило постепенное преодоление представления об истории сословий, культуры и быта как второстепенной проблематике. Однако работы этого направления были посвящены преимущественно европейской части страны[2].

В целом отечественными историками был накоплен определенный опыт в изучении населения: определены основные источники, методы и подходы, создано достаточно четкое представление о характерных чертах быта и культуры различных сословий[3].

Советская историография, несмотря на ее значительные достижения, вынуждена была развиваться в жестких идеологических рамках, и, в силу этого, базировалась на концепциях и терминологии, разработанных во второй половине XIX в., в отличие от западной науки, где вопросы социальной стратификации, терминологии и моделей социальных изменений были предметом постоянных дискуссий.

В центре внимания советской историографии были проблемы классообразования классов буржуазного общества и разложения сословной

---

[1] Скубневский В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 84–97; Он же. Города Алтая – центры торговли // Города Алтая. Барнаул, 1986. С. 135–149; Он же. Грамотность городского населения Сибири // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Вып. 3. Барнаул, 1994. С. 242–248; и др.

[2] Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Некрылова А.Н. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XIX – начало XX в. Л., 1988; и др.

[3] См.: Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989. С. 7–12; Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 3; и др.

структуры[1], при этом сами термины «класс» и «сословие» использовались в том же понимании, какое в них вкладывали классики марксизма более сотни лет назад. Кроме того, следуя концепциям марксизма, советские ученые неохотно употребляли юридические термины для описания социальных и экономических групп и ввели гибридный термин «класс-сословие» чтобы подвести «экономический фундамент» под традиционную сословную модель общества.[2] Исследователи обращали внимание, прежде всего, на «разложение сословий», нередко относя этот процесс еще к дореформенному периоду[3].

Вплоть до начала 1990-х гг. интерес к социокультурным и бытовым аспектам истории русской армии в целом, и образа жизни нижних чинов, в частности, не получил развития. Затрагивались в основном лишь отдельные проблемы истории офицерского корпуса[4]. Особый вклад в изучения русского офицерства внес П.А. Зайончковский. Помимо изучения социальных характеристик офицерства, заслугой историка можно признать то, что он обратился к исследованию идеологии и морали, военного образования, быта, досуга, образа жизни[5]. Проблема же собственно истории нижних воинских чинов Сибири в эти годы поставлена не была.

В 90-е гг. прошлого века начинается новый этап отечественной историографии, что проявилось, в числе прочего, и в расширении проблематики исследований. В последние годы историки обращают внимание и на специфику

---

[1] См.: Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. 1955. С. 239–250; Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312–340.

[2] См., например: Ерошкин Н.П. Крепостное самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 25–26; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1979. С. 54. «Ленинское происхождение» этого термина обосновано в: Блаватский М.Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете Ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия история. 1970. № 2. С. 68.

[3] Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800–1861) // Исторические записки. Т. 102. М., 1978. С. 153–182.

[4] Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

[5] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973; Он. же. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21–29.

быта таких социальных групп дореволюционной Сибири как чиновники[1], духовенство[2], интеллигенция[3]. Активно начинает изучаться общественный быт[4]. Различные аспекты повседневной жизни рассматриваются исследователями в курсе изучения культуры городов Сибири[5].

Из монографических работ этого периода можно выделить монографию А.И. Куприянова «Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири» (М., 1995). В центре внимания автора – житель Сибири в его повседневной общественной жизни. Новизна проблематики книги нашла отражение в расширении традиционного для советской историографии круга источников, в частности, в широком привлечении нарративных материалов. Несомненным достоинством книги является и попытка синтезировать исследовательские подходы, которые в отечественной исторической науке сложились на базе историко-этнографического и историко-культурного изучения русского города. А.И. Куприянов осветил вклад военных в праздничную культуру городов Западной Сибири.

---

[1] См., например: Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1985; Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998; Она же. Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX века: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 13–17 и др.

[2] Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … к.и.н. Курган, 2002; Гончаров Ю.М. Материальное положение городского духовенства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. Барнаул, 2003. С. 184–188.

[3] Лисичникова А.В. Образ жизни учительской интеллигенции Иркутска второй половины XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Вып. 2. Иркутск, 2000. С. 98–110; Шиловский М.В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 88–101.

[4] Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века. Автореф. дис. … к.и.н. Иркутск, 2002; Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002; Бутакова Н.В. К вопросу изучения общественного быта горожан Алтая (вторая половина XIX в.) // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 101–108; и др.

[5] Резун Д.Я. Новации и традиции в городской культуре Сибири XVIII – начале XX вв. // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. Новосибирск, 2001. С. 3–14; Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001; Он же. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начала XX вв.). Омск, 2002; Городская культура Сибири: традиции и новации. Новосибирск, 2002; Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков: Очерки истории и быта. Омск, 2003; и др.

В целом, можно констатировать, что в исторической науке в последние годы значительно усилился интерес к различным сословным группам как к объекту исторического изучения[1]. В последние годы появились и работы, специально посвященные отдельным категориям населения, например, статьи и диссертации Л.В. Останиной, В.П. Клюевой, И.М. Богдашева[2]. Активизируется изучение населения и сословного быта в других регионах.

Для современной историографической ситуации характерно повышение интереса к истории русской армии. Это связано с изменением политической и идеологической ситуации в стране, с необходимостью переосмысления роли государства и его основных институтов в истории, с расширением источниковой базы исследования, публикацией многочисленных документов и материалов, мемуаров военных, большей доступностью архивных источников[3].

Происходит расширение проблемного поля исследований. Все большее внимание историков привлекают социокультурные аспекты жизни армии: быта, традиций, менталитета[4]. Внимание исследователей привлечено к проблемам места военных в структуре общества, системы взаимоотношений с гражданским населением, с властью[5].

Одним из важных итогов развития отечественной военно-исторической науки рубежа XIX–XX вв. стала постановка проблемы влияния военных на развитие отечественной культуры. В работах историков содержатся выводы о

---

[1] См. Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 23.

[2] Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII–60-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1996; Клюева В.П. Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дис. … к.и.н. Тюмень, 2000; Богдашов И.М. Сельские и городские сословия Южного Зауралья во второй половине XVIII – 60 гг. XIX в.: Автореф. дис. … к.и.н. Курган, 2004.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 6.

[4] Гончар А.Е. Традиции русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: сущность, традиции, уроки.: автореф. дис. … к.и.н. М., 1994.

[5] Арзамаскин Ю.Н., Шеин И.А. Российские самодержцы и армия // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 72–76.

духовной, «культуроносной» функции русской армии[1]. Например, в 1995 г. в Новосибирске состоялась Всероссийская научная конференция «Армия и книга», на которой рассматривалась деятельность военных в сфере просвещения и книгоиздательства[2]. Роли военных в образовании и просвещении сельского населения Сибири посвящен ряд работ В.А. Зверева[3].

С 1992 г. издается журнал «Армия и культура». Однако подавляющее большинство историков уделяют внимание, прежде всего, офицерскому корпусу, военным – выдающимся деятелям науки, литературы, просвещения.

Начиная с 1997 г. в Омске периодически проводится Всероссийская научная конференция «Катанаевские чтения», на которой традиционно большое внимание уделяется жизни военных[4].

Отдельными сюжетами, изучавшимися историками региона в последние годы, стали вопросы роли Западной Сибири как тылового региона во время войн начала XX в. Здесь, безусловно можно отметить докторскую диссертацию барнаульского историка И.А. Еремина[5].

Отдельно хочется отметить ряд работ последних лет, посвященных истории Сибирского военного округа. Так, например, в работах В.А. Копылова, В.П. Милюхина, Ю.А. Фабрики, В.И. Баяндина реконструированы основные вехи

---

[1] Золотарев О.В. Армия и культура. М., 1991; Лютов С.Н. Книга в русской армии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2001; Лукьянова Л.С. Военные библиотеки Тобольской губернии // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 152–154; и др.

[2] Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995.

[3] Зверев В.А. «Бравы ребятушки». Землякам в святцы // Советский воин. 1993. № 2. С. 63–65; Зверев В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 109–112.

[4] Алисов Д.А., Томилов Н.А. Проблемы истории, культуры и условий жизни военных на «Катанаевских чтениях – 98» // Всестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 164–165.

[5] Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Дис. ... д. и. н. Барнаул, 2006. 618 с.

военной истории Западной Сибири: военное управление, выдающиеся военные деятели, роль военных в социокультурной жизни региона[1].

В современной сибирской историографии существуют лишь немногочисленные публикации, посвященные повседневной жизни нижних воинских чинов региона. В частности, профессор Ю.М. Гончаров посвятил отдельную статью составу и численности солдат в городах региона[2]. В его многочисленных работах, посвященных повседневной жизни, быту, сословиям Сибири неоднократно упоминались сюжеты, посвященные нижним воинским чинам[3].

Заслугой Юрия Михайловича Гончарова является применение комплексного подхода по изучению истории сословий и сословных групп (купечества, мещанства, духовенства, военных), повседневной жизни[4], социально-экономического положения, образа жизни, менталитета сибиряков, основанного на новейшей методической базе, что проявилось в широком круге его публикаций, а также в многочисленных работах, в том числе и диссертационных, его учеников[5].

---

[1] Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.; Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001; Баяндин В.И. Военное управление Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 39–43; и др.

[2] Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002.

[3] Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004; Гончаров Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). – С. 135–138; Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014; и др.

[4] Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 50–52.

[5] Ю.М. Гончаров: Биобиблиографический указатель. Барнаул: «Азбука», 2008. 46 с.

В русле изучения образа жизни и быта сибиряков отдельные сюжеты, касающиеся нижних воинских чинов, упоминались в работах бийских историков Е.А. Дегальцевой и А.В. Литягиной[1].

В последние годы появляется ряд научных публикаций, посвященных особенностям воинской службы в Западной Сибири, касающихся отдельным сюжетам избранной темы, что подтверждает ее актуальность[2].

В.О. Дубинин специально занимался проблемами воспитания нижних воинских чинов в Западной Сибири в пореформенный период. Историк защитил кандидатскую диссертацию по этой проблеме[3].

Особо необходимо упомянуть работы омского историка Ольги Викторовны Гефнер. Многочисленные публикации автора и ее кандидатская диссертация[4], подготовленная под научным руководством известного сибирского историка Д.А. Алисова, посвящены вкладу военных в культуру региона. В связи со спецификой подходов О.В. Гефнер, в основном она уделяет внимание офицерскому корпусу. Тем не менее, в ряде работ историка были достаточно подробно рассмотрены нижние чины армии. В частности, она изучала такие моменты, как: просвещение нижних чинов[5], патриотическое воспитание[6], участие

---

[1] Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 187 с.; Литягина А.В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 99–110; Литягина А.В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 157–163; Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 331 с.; и др.

[2] Дубинин В.О., Печенкина А.А. Особенности военной службы в Западной Сибири в период 1865–1906 г. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125. С. 712–723.

[3] Дубинин В.О. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири: 1865–1906 гг.: Дис. … к.и.н. Омск, 2006. 246 с.

[4] Гефнер О.В. Военные в социокультурном пространстве г. Омска :1870-е - 1903 гг.: Дис. … к.и.н., Омск, 1999. 287 с..

[5] Гефнер О.В. Просвещение нижних чинов Омского гарнизона в конце XIX – начале XX вв. // Народная культура Сибири. Омск, 1998. С. 189–193.

[6] Гефнер О.В. Патриотическое воспитание нижних чинов в русской армии (конец XIX начало XX в.в.) // Русский вопрос: история и современность. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2005.

участие солдат в воинских праздниках[1], военные библиотеки Омска[2], досуг солдат региона[3] и др. Определенным итогом ее исследовательской работы стала монография «Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в.» (Омск, 2004), в которой содержаться отдельные сюжеты о повседневной жизни солдат региона.

Несомненной заслугой О.В. Гефнер является разработка новаторской для региона проблематики, привлечение широкого круга источников, продолжение традиций школы омской историографии по социокультурному изучению населения Сибири. Ее работы являются серьезной основой историографической базы для нашей диссертации. В то же время нельзя не отметить, что исследователь уделяла внимание лишь отдельным моментам, освещенным в данной работе.

Весьма значительный вклад в историографическое освоение истории военных Сибири и Дальнего Востока внес Владимир Ильич Баяндин. Новосибирский историк в своих многочисленных работах исследовал проблемы историографии и источниковедения военной истории, вопросы комплектации армии, доставки рекрутов к месту службы, систему образование военных, питание русского солдата и др.[4]

---

[1] Гефнер О.В. Воинские праздники в Омске (конец XIX – начало XX вв.) // Катанаевские чтения-98. Омск, 1998. С. 178–181.

[2] Гефнер О.В. Военные библиотеки г. Омска в конце XIX – начале XX в. // Современное общество. Вып. 1. Омск, 1999. С. 196–197.

[3] Гефнер О.В. Солдатский досуг в гарнизонах Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17 ноября 2011 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. С. 143–148.

[4] Баяндин В.И. Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 24–29; Он же. Обучение нижних чинов специальных частей Российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 31–36; Он же. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18–21; Он же. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX – начале XX вв. // Философия образования. 2011. Т. 38. № 5. С. 304-310; Он же. Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX в.) // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию

Таким образом, современная историографическая ситуация делает изучение истории такой категории как нижние воинские чины армии второй половины XIX – начала XX вв. актуальной и научно значимой, в том числе и на материалах Сибири. Повседневная жизнь данной категории изучена недостаточно, что диктует необходимость специального исследования.

Объектом исследования являются нижние воинские чины (солдаты и унтер-офицеры) российской армии во второй половине XIX – начале XX в.

Предмет исследования – специфика образа жизни нижних воинских чинов и их роль в экономических, демографических и социокультурных процессах, протекавших в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Необходимо сделать оговорку, что такая категория «военных», как казачество, нами не рассматривалась, в силу, во-первых, значительной специфики данной категории, а во-вторых, в силу того, что история казачества Сибири, в различных ее аспектах, изучена достаточно хорошо.

Цель и задачи исследования.

Цель работы состоит в комплексном изучении повседневной жизни такой категории населения, как нижние чины армии как особой социальной группы.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд конкретных задач:

– рассмотреть социально-правовое положение нижних воинских чинов;

– реконструировать систему комплектования нижними чинами русской армии;

– определить состав и численность нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.;

– выявить условия действительной воинской службы нижних чинов;

Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 58–61; Он же. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода // Пишем времена и случаи материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 31–33; Он же. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–75; и др.

– дать характеристику роли унтер-офицерского корпуса в жизни армии;

– реконструировать систему поддержания дисциплины и систему наказаний в российской армии;

– провести анализ санитарного состояния и медицинского обеспечения нижних воинских чинов в мирное время;

– рассмотреть систему обучения и воспитания, культурный уровень нижних воинских чинов:

– дать характеристику ценностных ориентаций и традиций сибирских нижних чинов.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа является в отечественной историографии первой работой, специально посвященной истории нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX в. – начале XX в. Часть использованных источников впервые вводится в научный оборот. Многие проблемы, затрагиваемые в диссертации, поднимаются впервые.

Хронологические рамки исследования: 60-е гг. XIX в. – начало Первой мировой войны. Выделять в качестве рубежа начало 1860-х гг. стало традицией в отечественной историографии. В эти годы Сибирь, как и страна в целом, вступает в новый период развития. Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. обусловили значительные изменения во всех сферах жизни общества. В это время Сибирь становится объектом массовых миграций, постоянно увеличивается приток населения в города, претерпевают изменения экономические, правовые, социокультурные основы жизнедеятельности населения. Ключевым моментом в жизни армии стало проведение военной реформы, отмена рекрутских наборов и введение всеобщей воинской повинности. Для социальной сферы армии эти реформы означали прежде всего демократизацию ее структуры. Введение воинской повинности и другие реформы сделали границы, отделяющие армию от общества, более открытыми, прозрачными. Армия и прежде всего, это касается нижних чинов, стала менее замкнутым институтом, ее связи с обществом стали

более разносторонними, более многообразными. Верхняя граница исследования – начало Первой мировой войны, резко изменившей жизнь армии.

Территориальные рамки исследования. Регион исследования охватывает Западную Сибирь. Однако конкретные территориальные границы региона «Западная Сибирь» в исторической литературе достаточно вариативны. В традиционном понимании историков, занимающихся социально-экономической историей региона второй половины XIX – начала XX в., обычно употребляется такое определение, как: «Западная Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, а также Омского уезда Акмолинской области»[1]. Однако специфика предмета нашего исследования предопределяет дефиницию территориальных границ с учетом военно-территориальной организации. В 1864 г. в русской армии была введена военно-окружная система. В ходе реализации реформы в 1865 г. был создан Западно-Сибирский военный округ, с центром в Омске. Округ включал в себя территории Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Округ неоднократно менял свое название. В 1882–1899 гг. он именовался Омским военным округом и включал в себя также территорию Семиреченской области. В 1899–1906 гг. во время очередной реорганизации, округ был переименован в Сибирский (Семиреченская область была исключена, зато добавлены некоторые территории упраздненного Иркутского военного округа). В 1906 г. округ вернулся к своим прежним границам и названию. Он вновь стал называться Омским и включал в свой состав территории Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Главное военно-стратегическое значение округа заключалось в его пограничном положении с Западным Китаем[2].

Таким образом, определяя территориальные рамки нашего исследования как «Западная Сибирь» мы ориентируемся во первых, на границы военных округов (Западно-Сибирского, Сибирского и Омского, в разные годы), во вторых,

---

[1] Гончаров Ю.М. Городская семья….
[2] Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. VI. С. 522.

на значительную специфику службы военных, в том числе нижних чинов, на территории современной Республики Казахстан.

В силу вышесказанного, территориальные границы нашей работы определяются как: Западная Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, а также Омского уезда Акмолинской области, при этом данные по нижним чинам других уездов Акмолинской и Семипалатинской области мы также будем использовать.

Регион исследования представляет значительный интерес, поскольку в указанный период являлся районом интенсивной колонизации и быстрого роста городского населения, особенно после строительства Сибирской железной дороги. В связи с этим демографические и социально-экономические процессы, протекавшие в регионе, имели существенные особенности. Эти особенности также были связаны, по выражению В.А. Зверева, «со специфическим местом Сибири в России: частично русской, частично национальной окраины, колонии в экономическом смысле, района преимущественного развития капитализма вширь»[1].

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что основные положения диссертации и выводы из нее во многом проясняют и уточняют устоявшиеся в научной литературе взгляды и представления, а в ряде случаев позволяют по-новому интерпретировать социально-экономические и демографические процессы в регионе. Эти положения могут быть использованы в трудах обобщающего (общероссийского и общесибирского) и, особенно, сравнительного характера. Фактические данные и материалы диссертации также найдут свое применении при чтении лекционных курсов и в конкретных исследованиях, посвященных отдельных проблемам изучаемого времени.

[1] Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 11.

Источниковая база исследования. Поставленные задачи потребовали привлечения широкого круга архивных и опубликованных источников, часть которых была введена в научный оборот впервые.

В зависимости от происхождения, формы отражения исторических реалий, характера информации, можно выделить следующие их виды: законодательные акты, делопроизводственная документация, акты учета населения, статистические материалы, справочные издания, материалы личного происхождения (мемуары[1], дневники, письма путевые заметки и записки путешественников), а также материалы периодической печати[2].

Из законодательных источников в работе использовались акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, а также в других сводах законов, прежде всего в Своде законов Российской империи (СПб., 1900. Т. IX: Законы о состояниях; Т. X: Свод законов гражданских). Использовались и различные тематические сборники законов, например: «Свод законов о состояниях» (СПб., 1911). Большой интерес представляет также собрание «Российское законодательство X–XX вв.» (М., 1984–1994).

Особо необходимо отметить «Сборник военных постановлений 1869 г., неоднократно переиздававшийся вплоть до 1915 г. В нем содержатся общие сведения о структуре и функциях окружных и местных военных управлений и заведений, устройстве и составе войск, прохождении службы нижними чинами, наказаниях, призрении военнослужащих и т.д.[3]

---

[1] Баяндин В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 30–33.

[2] Баяндин В.И. Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX в.) // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 58–61.

[3] Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. Ч. 1–6. СПб., 1879–1912; Свод военных постановлений 1869 г. 3-е изд. Кн. 1–24. СПб., 1900–1915.

Источниковая ценность законодательных актов заключается в том, что они позволяют судить об изменениях в правовом положении различных категорий военных и о переменах в политике государства.

Чрезвычайно информативна делопроизводственная документация, которая представляет собой один из самых многочисленных и разнообразных типов исторических источников[1]. Она представлена различными отчетами, рапортами, разъяснениями, запросами, протоколами, журналами, перепиской и т.д. Это документы местных органов управления, полиции, местного самоуправления (городских дум и управ), деятельность которых охватывала различные стороны хозяйственной, общественной, культурно-бытовой и повседневной жизни.

Делопроизводственная документация военных учреждений включает в себя своды приказов по военному ведомству, приказы по военному округу, воинским частям и заведениям, отчеты о составе и деятельности воинских частей, официальную переписку, личные дела и послужные списки военнослужащих и другие документы.

В работе использованы архивные документы четырех региональных архивов (Барнаула, Новосибирска, Омска и Томска).

Часть источников делопроизводственного характера было опубликовано еще в дореволюционный период[2]. В данных источниках отражена информация о внутренней жизни военных учреждений Западной Сибири. В них содержится информация о личном составе, быте, традициях, нравственном облике и воспитании нижних чинов.

Важной группой документов являются статистические источники. Состав их довольно разнообразен. Данные о динамике численности и составе городского населения содержатся в широком круге изданий. Ценными источниками являются опубликованные материалы Центрального статистического комитета, в частности

---

[1] Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.

[2] Приказы по войскам Омского военного округа № 1-200 за 1887 г. Омск, 1887; … № 1–248 за 1896 г. Омск, 1896; Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1873 г.. СПб., 1873; и др.

серия «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (СПб., 1897–1905). При проведении переписи единицей наблюдения было хозяйство, на которое и составлялся переписной лист, содержащий 14 пунктов. Проведенная перепись впервые дала возможность получить относительно полные данные обо всем населении России. Информационные возможности этого источника очень высоки. Важно то, что часть данных сгруппирована по сословным категориям, что позволяет выявить специфику солдатского сословия. При этом необходимо отметить, что хотя материалы переписи 1897 г. широко применялись сибиреведами[1], однако ее информационный потенциал очень большой и пока еще не использован полностью.

К числу статистических материалов относятся и опубликованные материалы однодневных городских переписей[2]. С середины 1860-х гг., под влиянием насущных потребностей экономического развития, в России начали проводиться «однодневные» переписи населения в городах. До Первой мировой войны их было проведено не менее 200[3]. В Западной Сибири однодневные переписи проводились в Омске в 1877 г., Тобольске в 1882 г., Томске в 1866, 1880 и 1912 гг., в Барнауле в 1895 гг., в Мариинске в 1876 г. К сожалению, сохранились только обработанные и опубликованные материалы этих переписей[4].

К статистическим материалам относятся также различные ведомости некоторых государственных учреждений: например, о числе жителей по сословиям, а также различные статистические отчеты. Эти источники отложились

---

[1] Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 98–119.

[2] Цепляев Л.Н., Шипилов Б.П. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 45–51.

[3] Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 10.

[4] Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 351–408; Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. Томск, 1880.; Щвецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т. 2. Вып. 1–2. Барнаул, 1898; Мультановский П.М. Население г. Томска по данным переписи 2 декабря 1912 г. Томск, 1915.

в фондах губернских статистических комитетов, городских дум и управ, полицейских управлений.

Статистические материалы периода капитализма имеют значительное число недостатков, которые проявляются как в достоверности, так и в полноте, представительности и сопоставимости источниковой информации. Для того, чтобы правильно обрабатывать и использовать статистические материалы, необходимо тщательно производить отбор и проверку данных, сопоставлять их с информацией других источников.

Сохранился широкий круг справочно-статистических изданий, например, «Памятные книжки» и «Обзоры» губерний, составлявшиеся губернскими статистическими комитетами. Они содержат информацию о численности, сословном и конфессиональном составе горожан и некоторые другие сведения. Среди изданий губернских статкомитетов по своим информационным возможностям выделяются работы Н. Кострова, руководившего статкомитетом Томской губ., в особенности «Историко-статистическое описание городов Томской губернии» (Томск, 1872). Среди прочих изданий ценный статистический материал содержится в книге «Экономическое состояние городских поселений Сибири» (СПб., 1882) и некоторых других.

Существенную роль в исследовании играла периодическая печать. Информационные возможности периодической печати как источника очевидны[1]. В Сибири издавалось довольно большое количество газет, содержащих информацию о разных сторонах жизни горожан. Большой интерес представляют, например, «Губернские ведомости», издававшиеся в Томске и Тобольске с 1857 г.[2] В периодической печати содержится богатый материал по истории населения региона. Для нас наибольший интерес представляют материалы

---

[1] См., например: Паршукова Н.П. Периодическая печать в качестве источника по истории Сибири первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 85–95.

[2] Источниковедческий анализ «Губернских ведомостей» см.: Дейч Г.Д. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX. С. 236–253.

статистического характера, сведения о быте военных, участии их в общественной жизни городов и т.п.

Рассмотренные источники по истории нижних воинских чинов Сибири второй половины XIX в. – начала XX в. содержат информацию о различных сторонах жизни солдат. Информация различных групп документов дает ценный материал для комплексного изучения образа жизни данной категории. Характер рассмотренных исторических источников разнообразен. Многообразие видов, характера, обстоятельств происхождения, информационного потенциала использованных источников позволяет считать источниковую базу исследования достаточно широкой.

Кроме того, необходимо отметить, что существует обширный круг литературы по истории Сибири второй половины XIX – начала XX в.[1] В этой литературе содержится значительный фактический материал, который также может быть использован для решения наших исследовательских задач.

В целом можно отметить, что изучение научной литературы и источников по истории нижних воинских чинов Западной Сибири второй половины XIX в. – начала XX в. позволяет сделать вывод о возможности рассмотреть образ жизни солдат в различных аспектах.

Методология и методы исследования.

Вопросы методологии и методики исторического исследования в наши дни являются весьма важной и сложной проблемой. Утрата марксизмом монопольного положения в общественных науках ставит эти вопросы по-новому. Однако полный отказ от теоретических наработок отечественной историографии советского периода, на наш взгляд не является конструктивным. Не стоит отрицать и ряд марксистских положений, имеющих не идеологический, а общенаучный характер. Задача современного исследователя состоит, как справедливо заметил А.Р. Ивонин, в том, «чтобы на основе синтеза достижений

[1] См.: Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири… С. 6–24.

различных школ и направлений выработать собственное методологическое видение проблем и путей их решения»[1].

В частности, весьма плодотворным подходом для нашего исследования, на наш взгляд, является «новая научная история» – подход, сформировавшийся в 1970–1980-х гг., и одно из его направлений «новая история», которая являлась проявлением формировавшегося в то время междисциплинарного подхода на основе взаимодействия истории, социологии, демографии и экономики. Представители этого направления сосредоточили свои усилия на анализе социальных групп населения и связей внутри общества. При этом в исторических исследованиях сформировалось два подхода к изучению социальных общностей. Первый заключается в рассмотрении проблемы со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность, и имел предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе «социального жизненного пространства». Второй отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования самой социальной среды, микромира семьи, общины, корпорации, всего многообразия городских сообщностей и малых групп и выявляет их соотношение между собой. В целом, бурный рост, как новой истории, так и всей «новой исторической науки» происходил на достаточно эклектичной методологической основе, что проявлялось и в конкретных исследованиях и в многочисленных методологических дискуссиях[2].

В отечественной исторической науке в последние годы становится популярным модернизационный подход. Вышли в свет крупные работы, рассматривающие историю России последних трех столетий в свете теории модернизации. Под модернизацией в исторической литературе понимается

---

[1] Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений. Автореф. дис. … д.и.н. Барнаул, 2000. С. 5.

[2] См. подробнее: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 18–20.

переход от традиционного общества к современному. Существенными признаками модернизма историки называют: возникновение современной личности, утверждение светской системы ценностей, формирование малой демократической семьи, индустриальный и урбанистический образ жизни, гражданское общество, рыночная экономика, складывание нации и т.д.[1]

Активно используют модернизационный подход и сибирские историки. В частности, удачным примером его применения можно признать работы Ю.М. Гончарова[2].

Однако абсолютизировать модернизационные процессы, особенно если речь идет об отдаленной провинции, которой являлась Сибирь, не следует. Так, например, Б.Н. Миронов в своей «Социальной истории России периода империи» (СПб., 1999), показал не только модернизационные процессы, протекавшие в России, но и незавершенность социальной модернизации в начале XX в., что проявлялось в различных сферах жизни общества, в том числе в сохранении сословного строя и сословной парадигмы в общественном сознании, традиционности менталитета и т.д.

В данной работе применяются как общенаучные, так и собственно исторические принципы и методы научного исследования. Сравнительно-исторический метод использовался для определения общих закономерностей и особенностей развития нижних воинских чинов Западной Сибири. Применялись также методы статистического анализа: методы построения динамических рядов, структурных группировок, выборки, метод средних величин. Статистические подсчеты дополняются и корректируются содержательным анализом ситуации с

---

[1] См.: Крупина Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX вв. // История СССР. 1971. № 1. С. 191–205; Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сборник образов. М., 1985; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–206.

[2] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. 384 с.

применением историко-генетического, историко-системного, историко-типологического методов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Военные в российской истории они сформировали особую социокультурную общность, значительно отличавшуюся от других социальных страт, обладавшую специфическими чертами образа жизни, социальной роли, самосознания и корпоративности.

2. В силу действовавшего законодательства существовал целый рад категорий населения, относящихся к военным нижним чинам: нижние воинские чины регулярных войск, члены их семей, бессрочноотпускные солдаты с членами семей, отставные солдаты с членами семей, солдатские дети и кантонисты.

3. Условия жизни различных категорий нижних воинских чинов в России 60-х гг. XIX – начала XX в. были достаточно сложными.

4. Подготовка, обучение и воспитание личного состава в армии всегда представляла собой нелегкую задачу в военном строительстве. Ключевую роль в этом играли унтер-офицеры (старшие солдаты). Унтер-офицерский состав с момента своего появления сыграл важную роль в обучении нижних чинов военному делу, поддержании порядка и дисциплины, образовании, нравственном и культурном их воспитании.

5. Одним из существенных институтов армейской жизни являлась система наказаний и дисциплинарных взысканий, необходимая для поддержания воинской дисциплины и, в конечном счете, боеспособности армии. Система наказаний выстраивалась в соответствии с общегражданским законодательством (принимая во внимание, конечно же, армейские особенности), с учетом тяжести правонарушений военных.

6. Санитарное состояние армии является одним из важнейших условий боеспособности войска. В силу этого, высшее военное командование

предпринимало усилия в улучшении санитарного устройства армии, охране здоровья нижних чинов.

7. Осознание военным командованием необходимости образования солдат в интересах развития военного дела в условиях реформирования и перевооружения армии в изучаемый период очевидно. Необходимость воспитания солдат в духе патриотизма, верности вере, царю и Отечеству, следовании требованиям законопослушного поведения по отношению к старшим начальникам в деле формирования здорового духа войск прослеживается по всем использованным источникам. Стремление прогрессивно настроенных офицеров и представителей общественности к обучению солдат грамоте и повышению грамотности всего населения страны были основными точками опоры развития этого процесса.

8. Нижние воинские чины являлись особой социально-профессиональной группой со своей специфической культурой, ценностями, традициями, нормами поведения и системой взаимоотношений. Для подавляющего большинства военных были характерны религиозность, патриотизм, монархизм. Жесткая иерархичная военная система поддерживала традиционность жизни нижних воинских чинов.

9. Многие военные традиции становились неотъемлемой частью повседневной городской жизни региона.

Степень достоверности и апробация результатов.

Достоверность и обоснованность научных результатов и выводов обеспечена теоретико-методологической основой исследования, широтой и разнообразием использованных исторических источников, апробацией результатов исследования в научных публикациях и выступлениях на научных конференциях.

Материалы диссертационного исследования отражены в 10 публикациях, в том числе в 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК, а также в докладах на 6 всероссийских и международных конференциях (в Барнауле, Тобольске, Пржемысле (Польша), Софии (Болгария).

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, а также списка источников и литературы. Первая глава – «Формирование категории нижних воинских чинов» – состоит из двух параграфов: первый посвящен социально-правовому положению нижних воинских чинов и комплектованию нижними чинами российской армии, второй – составу и численности нижних воинских чинов Западной Сибири. Во второй главе, которая содержит 4 параграфа, рассматривается повседневная жизнь нижних воинских чинов: условия действительной воинской службы, роль унтер-офицерского корпуса в жизни армии, воинская дисциплина и система наказаний в российской армии, а также санитарное состояние и медицинское обслуживание. Третья глава – «Мировоззрение, культура и традиции нижних воинских чинов» включает в себя два параграфа: «Обучение и воспитание» и «Традиции и ценностные ориентации.

Таким образом, диссертация посвящена актуальной теме. Изучение истории нижних воинских чинов во второй половине XIX – начале XX в. предоставляет большие возможности для исследователя. Широкая источниковая база, разнообразие применяемых методологических подходов позволяют провести глубокое комплексное исследование на материалах значительного региона.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ

1.1. Социально-правовое положение нижних воинских чинов и комплектование нижними чинами русской армии

Различные категории военных имели свой специфический правовой статус и нередко составляли значительную часть населения городов Западной Сибири. В исторической литературе содержатся только отдельные заметки, касающиеся военного сословия второй половины XIX в., преимущественно в работах, посвященных численности и составу населения городов.

Вторая половина XIX – начало XX в. – это время быстрого развития капитализма и, как следствие, разложения сословий и формирования классов буржуазного общества. Тем не менее, существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось тем сословием, к которому он принадлежал. Несмотря на то, что сословный строй в значительной степени был разрушен преобразованиями 1860–1870-х гг., самодержавие наперекор объективному ходу событий до конца поддерживало сословную парадигму в российском обществе с помощью законодательных мер.

Законодательство Российской империи (IX том Свода законов, «Законы о состояниях») определяло четыре главных сословия – дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне)[1]. Однако сословных категорий было значительно больше. Особой группой населения были «военные»

[1] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 84.

или, другими словами, солдатское сословие. Оно состояло из нижних чинов армии, как состоящих на службе, так и бессрочноотпускных и отставных солдат с их семьями, а также кантонистов. Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в. При введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий. Нормы рекрутского набора изменялись по годам, но в среднем ежегодно набирали по 1 человеку с 200 ревизских душ. Поскольку действительная служба была сначала пожизненной, с 1793 г. ограничивалась 25 годами, с 1834 г. – 20 годами, с 1855 г. – 12 годами, то люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним сословием, переходили в состав воинского сословия и свой новый статус передавали жене и детям. Военная служба для этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом па пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат[1].

Дети солдат с 7-летнего возраста забирались из семей и отдавались в специальные военные школы, попадая в категорию кантонистов. Фактически, достигнув 7-летнего возраста, солдатские дети становились собственностью военного ведомства, которое и заботилось об их воспитании и образовании. Достигнув совершеннолетия, солдатские дети поступали на военную службу. Преимущественно из кантонистов заполнялись унтер-офицерские должности в армии.

В силу действовавшего законодательства, существовал целый ряд категорий населения, относящихся к военному сословию, которые выделялись отдельно в

[1] Скобликов С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 215.

дореволюционной статистике: нижние воинские чины регулярных войск, члены их семей, бессрочноотпускные солдаты с членами семей, отставные солдаты с членами семей, солдатские дети и кантонисты, обучавшиеся в специальных учебных заведениях.

Численность армии колебалась в отдельные годы, находясь в зависимости от международной обстановки, масштабов военных действий, соответственно изменялась и численность военного сословия. Однако общая тенденция состояла в уменьшении, как численности армии, так и доли военного сословия в населении. В 1858 г. военное сословие в европейской части России насчитывало 4 млн. 694 тыс. чел., что составляло 7,9% от всего населения, при этом в составе собственно вооруженных сил всего числилось 927 тыс. В 1870 г. – 4 млн. 685 тыс. – 7,1% [1].

Доля горожан, относившихся к различным категориям военных в городах Западной Сибири была весьма значительной. Так, в 1860 г. в Тобольской губернии насчитывалось 22588 чел., или 31,7% горожан. Наиболее «милитаризованным» было население Омске – 12380 чел. (в том числе 5945 чел. – регулярная армия), или 63,3%. В Томской губ. в 1864 г. военные составляли 15,6% городского населения (7864 чел.)[2]. В 1880 г. доля военных в городах Западной Сибири составляла 20%[3].

До середины XIX в. русская армия комплектовалась по принципу рекрутского набора податного сословия, который ввел Петр I своим указом 1705 г. Последующие изменения его носили лишь незначительный характер. При введении рекрутской повинности все сословия (кроме духовенства) обязаны были отбывать службу или по рекрутскому набору, или как дворяне поголовно, все годные к службе, до самой старости, начиная службу с рядовых. В начале царствования императора Николая I были освобождены от воинской повинности – дворяне, купцы и большое число лиц, принадлежащих к семействам

---

[1] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999. С. 129.

[2] Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 79.

[3] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 7–204.

священнослужителей. Причем не только от личной, но и денежной. Кроме освобождений сословных, существовал еще целый ряд привилегий по правам образования, семейному положению. Иногда освобождались от повинности даже целые области. Военная повинность теперь всей тяжестью ложилась на беднейшие классы населения и в 1848 г. из 24475000 чел. жителей Европейской России, без Царства Польского, Финляндии и Кавказа, около 5 миллионов, или 20% имели право на освобождение от повинности[1].

Еще в 1847 г., Николай I хотел распространить воинскую повинность на всех свободных граждан, но наступившая Восточная война и некоторые - другие обстоятельства, оставили этот вопрос не решенным. Рекрутская повинность податных сословий носила характер не личной, а общинной ответственности и в рекруты призывались лица различных возрастов, так как рекрута выставляла очередная семья, которая могла не иметь новобранца требуемого возраста (колебался он в основном от 20 до 35 лет). Такой порядок был неудобен для войск, потому что поступающие на службу уже в зрелом возрасте с большим трудом усваивали требования службы. В связи с этим, в 1854 г. порядок рекрутской повинности был несколько изменен для мещан и государственных крестьян. Сущность его заключалась в следующем: все призывные участки разделялись на три разряда, по числу работников в семьях, затем в участке составлялся призывной список молодых людей, достигших 21 года, который также подразделялся на три разряда – в зависимости от того, в каком разряде состояли сами семейства, к которым принадлежали эти молодые люди. На службу они назначались по жребию, начиная с тех, кто был записан в первый разряд.

Правила рекрутской повинности широко допускали также и замену одних лиц другими и поставку за себя охотников, по частному соглашению. Охотники, или как их прозвал народ «наемщики», в нравственном отношении, представляли ненадежный контингент для войск. В то время существовал даже особый промысел – поставка «охотников». К началу набора, почти в каждый город

[1] Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 423.

являлись поставщики, которые за ничтожное вознаграждение, заручившись согласием нескольких «охотников» поступить на службу, большей частью, из числа людей, которым нечего терять, предлагали заменять ими не желающих быть призванными в солдаты. За это они получали значительные деньги. Нередко, принятый «охотник», попав в часть, бежал и в следующий призыв, являлся «охотником», чтобы проделать то же самое.

Рекрутские наборы объявлялись приказом по войскам Западного Сибирского военного округа, предшествовал ему Высочайший Манифест о производстве рекрутского набора. Прием рекрутов по Западной Сибири производился во всех постоянных рекрутских присутствиях, а именно: по губерниям Тобольской – в Тобольске, Таре, Туринске, Кургане, Ишиме, Ялуторовске и Тюмени. Томской: в Томске, Каинске, Бийске, Кузнецке, Барнауле, Мариинске и Колывани. Акмолинской области: Омске и Петропавловске. Семипалатинской области: в Семипалатинске и Усть-Каменогорске. Определялись места и количество рекрутов, а также места их дальнейшей службы. Например, в 1878 г. рекрутировано 1485 чел. в Томской губернии велено было направить в Иркутск и Красноярск. 500 чел. из Тобольской губернии в Томский губернский батальон и т.д. в местах рекрутирования не служили. В рекрутские присутствия назначались военными приемщиками лица, которые указывались в прилагаемой к приказу ведомости. К военным приемщикам для переписки бумаг командировались грамотные нижние чины от частей войск, расположенных в местах рекрутских присутствий. Наблюдающими за производством набора назначались из чиновников окружного штаба[1].

С целью улучшить качество призывников из числа «охотников», Николай I ввел в практику наем по частным договорам. Всякий желающий служить добровольно, принимался на службу и получал за это установленное вознаграждение от правительства, затем, по числу, добровольно поступивших к определенному сроку на службу, выдавались так называемые зачетные

[1] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–16.

квитанции. Купивший квитанцию, в любое время мог заменить ею как самого себя, так и кого-либо из членов своей семьи. Эти квитанции можно было даже передавать или продавать другим лицам. Но малое число поступающих добровольно на службу только отчасти повело к сокращению числа наемщиков, которых, все-таки, поступало ежегодно в войска армии—около 10–12 тыс. чел.[1]

В 1868 г. была предпринята еще одна попытка ограничить вольный наем, правительство снова установило прием на службу заместителей. Заместителями могли быть частные лица и нижние чины, которые за свое добровольное поступление на службу или отказ на год от увольнения в бессрочный отпуск, получали единовременное денежное вознаграждение в 200 руб. На все число заместителей составлялись выкупные квитанции, которые, как и зачетные, продавались правительством, но по ним освобождались от службы только в один набор. Мера эта, также не имела большого успеха, вследствие незначительного числа, желавших служить заместителями.

С целью равномерного распределения воинской повинности на все податное население государства, Император Николай установил ряд правил, касающихся порядка производства наборов. Он разделил государство на две половины – восточную и западную, каждая должна была поставлять рекрут через год. Для пополнения армии, ежегодно требовалось около 80000 чел. (только в последний набор 1874 г. население выставило 150000 чел.) по числу жителей этих полос, ежегодно приходилось выставлять в каждой из них около 2,5 рекрут с тысячи, что не должно было излишне обременять население. Набор с одной полосы назывался частным, с обеих – общим. Во время очередной русско-турецкой войны России пришлось выставить небывало большое число войск, и потому в три года войны, произведено было 8 наборов. По окончании войны населению предоставлен был отдых: до 1863 г. рекрутских наборов вовсе не производилось. Затем, в последующие годы, наборы стали производиться ежегодно со всей империи в числе пяти или шести человек с тысячи.

---

[1] Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 424.

О порядке и времени отправления и о числе партий главный воинский начальник должен был сообщать своевременно с приложением маршрутов: «Окружному интенданту, надлежащим губернаторам, а об отправленных в Восточную Сибирь Начальнику Штаба Восточного Сибирского Округа и Енисейскому Губернскому Воинскому начальнику. По окончании же набора ГВН были обязаны и Штабы войск Акмолинской и Семипалатинской областей, а также и все военные приемщики немедленно доставить в Окружной штаб ведомости по прилагаемой при сем форме № 1 о числе рекрут, принятых в предстоящий набор. Наблюдающим же за набором по окончании оного доставить в окружной штаб копии с отчета, который будет представлять ими Военному Министру. Отправляющих партии и партионных начальников обязан доставлять к Начальнику Штаба вверенного командующего Округа все донесения какие установлены Временным руководством и дополнением к оному и препровождении рекрутских партий. Выписки всем донесениям прилагалась к приказу. Начальникам войск в которые рекруты поступали необходимо было доставлять в Окружной Штаб об отправлении рекрут в войска и распределении на службу, числовые ведомости»[1].

Весьма продолжительные 25-летние сроки службы нижних чинов, – (в 1834 г.) сокращены были с 25 лет действительной службы (в гвардии 22 года) некоторым до 20 лет (музыканты и солдаты из евреев и солдатских детей), а большей части до 15 лет (все строевые и некоторые нестроевые) действительной службы. Все же остальное время, до истечения 25 лет службы, нижние чины числились в бессрочном отпуске. Уволенные в бессрочный отпуск за 15 лет службы, ежегодно собирались к 1-му сентября, на месяц, для «учебных упражнений», а прослужившие 20 лет, от этих учебных сборов совершенно освобождались. Подобная система прохождения службы, впервые создала в русской армии запас[2].

---

[1] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

[2] Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 426.

С 1859 г. для увеличения запаса, введены были временные отпуска, в которые нижние чины увольнялись ранее выслуги установленных сроков в бессрочный отпуск. Для увольнения во временный отпуск, не требовалось выслуги определенного числа лет, – это производилось ежегодно, в зависимости от соображений военного министерства. Новое постановление сократило срок действительной службы до 10 лет.

В этом же году последовало снова изменение сроков службы – общий срок службы определен в 20 лет, из них на действительной службе 15 лет для всех принятых на службу до 8-го сентября 1859 г., а для поступивших после этого – полный срок в 15 лет, из которых на действительной службе 12 лет. А уже в 1868 году состоялось распоряжение об увольнении в бессрочный отпуск поступивших до 8-го сентября 1859 года за выслугу 13 лет, а после этого числа 10 лет. В то же самое время, во временные отпуска стали увольняться люди, прослужившие всего 8 лет[1].

Чрезвычайные обстоятельства войны 1853–1856 гг. заставили военное ведомство, призвать государственное ополчение. Манифестом от 29-го января 1855 г. было определено выставить ополчение великороссийским, малороссийским и белорусским губерниям (всего 31) по 43 чел. с тысячи. Сбор ратников производился на основании особого Положения, согласно которому призыву в ополчение подлежали только податные сословия, а купечество, колонисты и евреи, от поставки ратников хотя и освобождались, но участвовали в денежных сборах на его формирование. В ратники принимались лица от 20 до 45-летнего возраста. Всего было призвано 361487 ратников[2].

В царствование Николая I получили очень большое развитие военные поселения, образованные при Императоре Александре I. Однако, несмотря на ряд преобразований, поселения не освободили государство, как то предполагалось при образовании их, от расходов по содержанию расположенных в них войск, и в

---

[1] Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 426.

[2]. Там же.

1857 г., по повелению Александра II, поселения были уничтожены. Тяжелые условия частной жизни поселян, жестокое обращение с ними и их семьями, непосильные работы и постоянные строевые занятия, лишали их возможности заниматься собственным хозяйством, совершенно разоряли.

Комплектование армии унтер-офицерами, при продолжительных сроках службы, и при тех немногочисленных и несложных требованиях, которые существовали, не встречали никаких затруднений в армии, особенно до Восточной войны. Комплектование войск офицерами производилось в основном выпусками из кадетских корпусов и артиллерийского и инженерного специальных училищ, а также производством поступивших, на службу добровольно дворян. Производились в офицеры и нижние чины из лиц податных сословий, поступивших на службу по наборам. Они могли быть произведены, по выслуге установленного числа лет в унтер-офицерском звании, если притом не подвергались телесному наказанию, и выдерживали при дивизионных штабах несложный экзамен.

С 1862 г. начался ряд коренных преобразований по части военной подготовки, а также изменились и требования для производства в офицеры. К поступлению в юнкерские училища, а затем и в военные, допущены были лица всех сословий и вероисповеданий, за исключением иудейского. Юнкерские училища стали поставлять в армию более половины всего числа ежегодно подготовленных офицеров. Окончившие курс возвращались в свои части и представлялись к производству в офицеры только по представлению своего непосредственного начальства. Поступившие по наборам, производились в офицеры, как и прежде, по экзамену несколько упрощенному, чем выпускной в юнкерских училищах, но с 1869 г. это послабление было отменено, и все нижние чины общих сроков службы, получали право на производство в офицеры не иначе, как по окончании юнкерского училища. К половине шестидесятых годов, почти все кадетские корпуса были переформированы в военные гимназии.

Введение Устава 1874 г. о всеобщей обязательной воинской повинности составляет наиболее значимое явление в истории развития вооруженных сил

России, со времени учреждения регулярных войск императором Петром I[1]. Основной идеей нового закона послужил принцип, защиты Престола и Отечества, как священной обязанности каждого русского подданного, а потому воинской повинности подлежало все мужское население без различия состояний. К этому времени вся тяжесть военной службы лежала на податных сословиях крестьян и мещан, из которых до 1874 г. и комплектовался, исключительно, состав нижних чинов русской армии. Эта часть населения была наиболее бедной и наименее образованной, а при тех строгих требованиях, которые необходимы были каждому рядовому в армии при современном состоянии военного дела, представляла большие затруднения для подготовки из них хороших солдат.

Кроме того, в виду тяжелых условий прежнего военного быта, солдатская служба считалась не священною и почетной обязанностью гражданина, а тяжким наказанием для людей порочных. Помещики, крестьянские и мещанские общества, чтобы отделаться от беспокойных и ненадежных личностей, спешили сдать их в солдаты или, как говорили тогда, – «забрить им лоб». Таким образом, армия являлась собранием наиболее ненадежных, в нравственном отношении, элементов[2].

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, лица, призывавшиеся в армию всего на несколько лет, на время службы и после нее уже оставались в своем прежнем сословии. По новому закону ежегодно в армию призывались лица 20-летнего возраста всех сословий. Срок службы для них назначался не более 6 лет, после чего они зачислялись на 9 лет в запас, а затем, достигнув 40 лет, числились в ополчении. Срок службы сокращался в зависимости от образования, могла даваться отсрочка призыва по семейному положению[3].

Новый порядок означал, что отдельное воинское сословие перестало существовать. Однако вплоть до конца XIX в. продолжали существовать

---

[1] Скобликов С.В. Социально-правовое положение … С. 215.

[2] Состояние вооруженных сил России со времени введения общей обязательной воинской повинности // Русская военная сила. М., 1897. С. 533.

[3] Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18–21.

многочисленные категории отставных солдат с членами их семей, что и отмечалось в материалах учета населения. Поскольку эти категория больше не пополнялась, к концу XIX в. они растворяются среди других групп населения. Перепись 1897 г. уже не выделяла военных в отдельное сословие.

По новому закону, военные силы государства, должны были состоять из армии, ее запаса и ополчения. Срок службы солдата был определен в 15 лет, из них 6 лет действительной службы «под знаменами в рядах армии», и девять лет в запасе. По выслуге этого срока каждый солдат, до сорокалетнего возраста, числился в государственном ополчении, сюда же, и до того же возраста, зачислялись и все лица, почему-либо не попавшие в ряды армии, но способные носить оружие. Призывной возраст был определен в 21 год.

При общей обязательности воинской повинности установлены были также многочисленные льготы, частью продиктованные военной необходимостью, частью общегосударственными интересами. Освобождались от службы, прежде всего, все лица, неспособные к ней по физическим недостаткам, по болезни, малому росту и др. Не принимались в ряды армии все люди, не имеющие достаточный нравственный облик, а именно, лишенные всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных.

В интересах государственных и общественных, пользовались различного рода льготами, в виде освобождения от службы в мирное время, отсрочек призыва и сокращенных сроков службы, лица, занимающие определенные должности. Например, преподаватели правительственных учебных заведений, лица, нуждающиеся в отсрочке для окончания образования и занятые в различных предприятиях торгового и промышленного дела, а также все лица, получившие образование в указанных Уставом учебных заведениях. Льготы, дающие право на освобождение от службы в мирное время, предоставлялись также по семейному положению членам тех семей, которые обладали ограниченным числом рабочих рук[1].

[1] Баяндин В.И. Узаконенное уклонение от военной службы в русской армии в XIX столетии // Восток–Запад: проблемы взаимодействия: Материалы Всероссийской (с

Освобождены были также от службы еще населения различных местностей, где введение воинской повинности представило бы большие трудности: среди кочующих племен на севере Архангельской губернии, отдаленных местах Сибири и т.д. В некоторых же местностях, как в Финляндии и на Кавказе, которые первоначально также освобождены были от обязанности выставлять людей для комплектования армии, впоследствии введены особые условия отбывания воинской повинности[1].

Но, и при льготах, число лиц, подлежащих призыву и способных встать в строй, ежегодно в значительной мере превосходило потребность пополнения армии. Вопрос о том, кто из них должен поступить на действительную службу, решался жребием, все не вынувшие жребия зачислялись прямо в ополчение.

Устав о всеобщей обязательной повинности устранил, таким образом, сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Невозможно стало и освобождение от нее за деньги, так как служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, и никто от нее откупиться не имел права. Тем не менее «уклонисты» от службы были на протяжении всего периода[2].

Кроме чисто государственного значения воинской повинности, она, повлияла и на состояние самой армии, улучшив ее состав, как в качественном, так и в количественном отношениях. В ряды войск стали поступать как бедный, малоразвитый, неграмотный крестьянин, так и человек, получивший высшее образование. Таким образом, образовательный уровень армии стал выше общего уровня всего населения государства. Если же взять во внимание меры, принятые в частях войск для обучения нижних чинов чтению и письму, число грамотных среди солдат оказывалось порой значительно выше, чем среди крестьян и мещан.

международным участием) научно-практической конференции, посвященной 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 99–107.

[1] Состояние вооруженных сил России со времени введения общей обязательной воинской повинности // Русская военная сила. М, 1897. С. 534.

[2] Баяндин В.И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX – начале XX века. // Военно-исторический журнал. 2013. № 3. С. 58–63.

Число людей, получивших основательную военную подготовку, которое может выставить государство, в случае войны, также гораздо возросло. В прежнее время, при продолжительности сроков службы, число людей увольняемых ежегодно в запас, или, в бессрочный отпуск, не могло быть велико. При сокращенных же сроках службы по новому Уставу, предоставлявшего еще военному министру право увольнять в запас старший из состоявших на службе возрастных категорий людей и до выслуги срока, число это значительно возросло, составив от 1/6 до 1/5 всего наличного числа нижних чинов.

Вместе с тем, в виду продолжительного нахождения в запасе лиц, прошедших ряды армии, увеличилось и число заключавшихся в нем возрастных категорий, всего их было девять. Но так, как и при этом условии в запасе не было достаточного числа людей для укомплектования всей армии по штатам военного времени, то впоследствии призывались ежегодно в ряды войск несколько десятков тысяч новобранцев, сверх комплекта, с тем, чтобы увольнять их по выслуге одного только года в запас на 17 лет.

В сравнении с положением 1874 г., в последующем – срок службы в армии был изменен, таким образом, что вся продолжительность его определена была в 18 лет, из которых 5 лет необходимо было прослужить в рядах войск и 13 в запасе. Причем военному министру предоставлялось право увольнять в запас людей, прослуживших «под знаменами» только 4 года, что и делалось в пехоте и пешей артиллерии. Эта мера привела к большему накоплению людей, получивших военную подготовку, так как, сокращая срок действительной службы, она увеличила число увольняемых ежегодно в запас, и, с другой стороны, увеличивая время нахождения в запасе, доводила количество числящихся в нем возраст нужных категорий до 13 или 14.

Сокращенные сроки службы, существенно увеличили запас людей, подготовленных к военной службе, однако имели и негативную сторону. Так как в течение 4–5 лет сложно было из простого крестьянина подготовить человека, могущего, как в мирное время, так и в особенности в боевых условиях, более или менее самостоятельно управлять вверенными ему людьми, они затрудняли

комплектование армии достаточным количеством хорошо подготовленных унтер-офицеров. Если, при необходимых усилиях, это и удавалось, то, как раз к концу службы, когда унтер-офицер уже собирался уходить в запас и когда он мог бы приносить пользу службе своими знаниями и опытом.

Правительство, хорошо осознававшее это, постоянно принимало меры к тому, чтобы удержать достойных из числа выслуживших полный срок службы унтер-офицеров на сверхсрочной службе. Меры эти заключались в добавочном содержании, единовременных денежных выдачах, пенсиях по выслуге лет и различного рода знаках отличия, в виде нашивок (шевронов) и медалей.

Для подготовки будущих унтер-офицеров, учреждены в пехоте и кавалерии, так называемые, учебные команды[1]. В команды эти назначались люди младших сроков службы с тем, чтобы они, по окончании курса, как можно дольше оставались на службе в частях войск. Так как в числе поступающих в войска новобранцев встречалось немного людей, достаточно развитых и грамотных для поступления в учебную команду, то, с целью предварительной их подготовки, учреждены были еще, так называемые, ротные школы.

На подобных же основаниях, как в пехоте и кавалерии, подготавливались фейерверкеры и унтер-офицеры в артиллерии и инженерных войсках. Только, исходя из более сложных требований службы в этих родах войск, программа обучения будущих унтер-офицеров в них была обширнее.

Кроме того, в Риге был учрежден особый унтер-офицерский батальон, в который принимались как состоящие уже в войсках нижние чины, так и молодые люди, не состоявшие на военной службе.

Источники комплектования русской армии офицерами остались, в общем, те же, что и до 1874 г., а именно, главным образом, военные и юнкерские училища. Кроме того, в виду недостатка запаса офицеров, на случай приведения армии на военное положение, разрешено было нижним чинам, как из вольноопределяющихся, так и жеребьевых, обладающим общим образованием не

[1] Скобликов С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 135–139.

ниже среднего, экзаменоваться на чин прапорщика запаса, по особой, сокращенной программе.

Нужно отметить, что состав нижних чинов, поступавших по всеобщей воинской повинности, введенной в 1874 г., к концу XIX столетия по разным причинам ухудшился. Прежде всего, послужили причиной различные льготы по семейному положению, данные населению. Число пользующихся льготами дошло почти до половины состава всех достигающих призывного возраста[1].

В числе льготных по семейному положению дома оставалось много отлично физически развитых людей и приходилось быть снисходительными при приеме из остальной половины контингента, подлежащего призыву. «Число бракованных по физической негодности к службе в армии составляло к концу XIX в. 17% в то время, как в Австрии и в Пруссии, где население физически развито не хуже нашего, бракуют в Австрии 50% и в Пруссии – 37%»[2]. В этот период наблюдалось понижение достатка в деревне, которая была основным поставщиком солдат в армию, что стало причиной снижения физических качеств населения, уменьшения роста, замедления физического развития, большей восприимчивости к болезням. «Усилились процессы перехода крестьян в город, в деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик. Число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами»[3].

При обязательной повинности состав нижних чинов в армии начал, в общем, соответствовать национальному составу всего населения России. «В армии и ее запасе, русских оказалось 75%, из остальных 25%, наиболее видное место занимали поляки – несколько свыше 7% и евреи – 5,5%. Таким образом, только в мирном составе армии находилось свыше 200 тыс. инородческого элемента, да в запасе их было в несколько раз большее число. При долгих сроках

[1] Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии // Военное положение России в конце XIX века. СПб, 1910. С. 121.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 122.

службы, армия справлялась с этим элементом и сообщала ему русский характер, прививала русскую речь и русские мысли»[1].

При коротких сроках службы исполнение этой задача становилось все труднее, особенно в условиях, появившихся в это время «защитников особых прав окраинного населения», которые добились усиления его обособленности и уменьшения преподавания там русского языка. «С ростом сепаратных стремлений разных народностей задача армии по обращению каждого инородца, прежде всего в русского воина стала непосильною»[2].

Наименее пригодными для военной службы из всех национальностей в этот период считались евреи. Хотя при мобилизации (особенно в северо-западных областях) число их в некоторых частях войск, расположенных там, доходило по количеству «…до той цифры, что начальники с основанием тревожились, предвидя понижение боевой годности вверенных им частей, слишком обильно укомплектованных евреями»[3].

В их числе находилось и наибольшее количество уклонистов. «Одной из важных причин уклонения являлось существование таких народностей, которые в силу своего характера, как евреи, или религиозных убеждений, как молокане, — заведомо убегают с военной службы и тем увеличивают процент уклонившихся для всего государства. Наиболее резкий пример этого виден у нас в России, где рядом с незначительным процентом уклонившихся вообще, всего 2,8 всех призывных, уклонение среди собственно евреев доходит почти до 1/3 призываемых; в среднем за восемь лет (1876–1883 г.) уклонившиеся составили 31,7%»[4].

Евреи представляют столь ненадежный, столь дурной контингент для комплектования армии, столь резко выделяются из всех других национальностей, комплектующих нашу армию, что достаточно знать о присутствии их в той или другой губернии, чтобы быть убежденным, что она одна из худших по проценту

---

[1] Куропаткин А.Н. Задачи России… С 122.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 136.

уклоняющихся. «Уклонения среди евреев настолько велики, что, уже спустя два года по введении общеобязательной военной повинности, начали принимать против них исключительные меры, и в то же время с 1876 года для них ведется специальный учет уклоняющихся, так что только по отношению к ним и имеются вполне обстоятельные данные). Из них оказывается, что в среднем за восемь лет (1876–1883 гг.) процент уклонившихся евреев доходил до небывало огромной цифры – 31,6, т.е. из трех призываемых евреев являлись к жеребью только два»[1].

Другой наиболее существенной, причиной уклонений от военной службы была тяжесть военной повинности на конкретное население определенной территории в зависимости от количества призываемых лиц, в ряды войск, а также от размера и характера имеющихся льгот. Влияние это тем значительнее, чем более нуждалось население в льготах от службы, в зависимости от характера деятельности населения и от степени его экономического обеспечения.

Третьей существенной причиной уклонения служила обстановка, в которой жило население, и возможность уклонения от службы. В этом отношении наиболее существенное значение имело проживание населения в городах или в селах и деревнях. «Поселяне представляли всегда более нравственный элемент; отсюда, уже ввиду этого, случаи уклонения между ними должны быть реже; кроме того, для них, прикрепленных к земле и находящихся под большим контролем, для них уклонения и более затруднительны. Обратно, горожане вообще менее нравственны, более подвижны, и для них уклонения сравнительно гораздо легче. Для нашей армии в среднем за 10 лет (1874–1883 г.) уклонившиеся в России вообще составили 2,85% всех жеребьевых. Из отдельных же географических частей России наибольший процент их был в Привислянском крае – 4,96%, в собственно Европейской России – 2,88 и в Азиатской России – 2,24%. Еще больше разнообразия представляют в этом отношении отдельные губернии»[2].

---

[1] Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 138.

[2] Там же.

Наименее часты уклонения в северо-восточных, северных и центральных губерниях Европейской России; наиболее же часты они в северо-западных, западных и юго-западных губерниях и в окраинных – Якутской и Дагестанской.

Также о высоком проценте уклоняющихся говорят статистические данные в отношении румын, литовцев и поляков. Другой причиной уклонения являлись области России, где преобладало в местностях городское население, это касалось Дагестана, Кубанской и Якутской областей, и хотя менее, но тоже значительно, в степных областях: Акмолинской, Семипалатинской и в области Терской. «Расположенные или вблизи малодоступных Кавказских гор с их весьма разноплеменным населением, или в огромных, иногда пустынных, степях Средней Азии, или же разбросанные на огромной площади далекого северо-востока Сибири, в них не только контроль, но и отбывание военной повинности гораздо тяжелее. уклонение же гораздо легче»[1]. Высоким также был процент уклоняющихся в столичных городах Санкт-Петербурге и Москве, где горожане составляли большинство населения. «За исключением же указанных, все остальные части России отличаются гораздо меньшим процентом уклонившихся: в самой худшей из них, Иркутской, он доходит лишь до 2,5, т. е. ниже среднего для всей России вообще»[2].

В архивах Западной Сибири отложилось большое число документов, содержащих переписку между различными учреждениями по поводу набора[3].

Еще одну проблему для войск представляла необходимость проведения хозяйственных работ силами нижних чинов. Это затрудняло поддержание дисциплины в частях. Чрезмерные караульные наряды, препятствовали также качественному обучению нижних чинов по программам подготовки солдат. «Но в особенности вредное влияние на войска производило частое, иногда

[1] Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 140.
[2] Там же.
[3] См., например: ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–51.

совершенно бесцельное, командирование войск для усмирения разных беспорядков».[1]

Если к концу XIX в. качественный состав нижних чинов русской армии требовал от военного ведомства принятия соответствующих мер, чтобы остановить его возможное дальнейшее ухудшение, то состав унтер-офицеров к концу XIX в. внушал еще большие опасения со стороны военных чиновников.

Развитие в России заводской и фабричной промышленности увеличило число новобранцев, работавших уже несколько лет на фабриках и заводах. Увеличилось и количество новобранцев из городского населения. По физическому развитию и нравственным качествам они были хуже новобранцев из крестьян. Но, живя в городах, на фабриках и заводах, они представляли больший процент грамотных и оказывались более способными осилить программу обучения, необходимую для производства в унтер-офицеры. Поэтому часто в унтер-офицеры назначались солдаты из их числа. Попытки же военного министерства подготовить достаточное количество сверхсрочнослужащих унтер-офицеров также не были успешны. К концу XIX столетия русская армия имела лишь 8,5 тысяч сверхсрочных унтер-офицеров, в то время, как в германской армии их было 65000, а во французской – 24000 чел.[2]

При сокращенных сроках службы без значительного числа сверхсрочнослужащих армии уже трудно было обходиться. Но даже, при улучшении условий материального содержания нижних чинов на сверхсрочной службе – в народе к ней относились как наемной. Перед военным ведомством стояла задача переломить отношение к сверхсрочнослужащему «фельдфебелю и унтер-офицеру не только в материальном, но и в духовном отношениях»[3].

Опыт ведения войн XIX столетия показал, что огромные расходы военного ведомства, связанные с содержанием войск в мирное время не гарантируют успешных боевых действий при отсутствии достаточного количества обученного

---

[1] Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии // Военное положение России в конце XIX века. СПб, 1910. С. 122.

[2] Там же. С. 123.

[3] Там же. С. 373.

состава нижних чинов, находящихся в запасе, которыми возможно было пополнить армию в короткий срок. Военные чиновники это хорошо осознавали и пытались принимать для этого необходимые меры. «При нормальных условиях наши заботы в армии должны клониться к тому, чтобы нижний чин, уволенный в запас, прибыл в свою родную деревню или город хорошо дисциплинированным, знающим дело, при котором состоял, гордящимся частью, в которой служил, уважающим начальство, которое им командовало» – так писал в отношении улучшения состав запасных А.Н. Куропаткин[1].

Одной из мер было проведение уездных сборов запасных для нескольких учений, в своем уезде, в наиболее свободное от полевых занятий время (в зависимости от местности). Уездным воинским начальникам, которые были заняты в значительной степени канцелярской работой, предписывалось стать ближе к запасным, «…которые должны видеть в них своего начальника, советника и заступника». Осознавалось также, что улучшения состава запасных возможно достигнуть улучшением жизненных условий всего населения.

Введение всеобщей воинской повинности, которая ознаменовала переход от старой крепостнической рекрутской системы комплектования армии к ново – буржуазной, законодательное уравнение всех сословий в выполнении воинской повинности, сокращение сроков службы нижних чинов в значительной степени сблизило армию и общество. Один из современников, – известный военный деятель генерал-лейтенант Н.Н. Головин отмечал: «Стена, разделявшая армию от народа, таким образом, рушилась, и социальная связь устанавливалась между ними чрезвычайно тесная»[2].

Социальный состав нижних чинов армии становился все более разнообразным, включал представителей практически всех слоев населения. Благодаря военной службе расширялась включенность различных социальных страт в новую систему отношений, усвоение новых норм и ценностей, что

---

[1] Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии… С. 374.

[2] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 71.

оказывало влияние на формирование общественного сознания и мировоззрения. Возрастало влияние армии на формирование социокультурной сферы жизни общества.

Таким образом, всеобщая воинская обязательная повинность, введенная в 1874 г., устранила сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, что исключало освобождение от нее за деньги, обеспечила русскую армию значительным запасом для пополнения штата армии нижними чинами в военное время. Короткие сроки службы не лишали возможности на долгий срок отрывать значительную часть мужского населения от привычного экономического уклада жизни. Вместе с тем, обозначились некоторые проблемы, связанные с военной подготовкой нижних чинов, комплектованием армии качественным унтер-офицерским составом.

1.2. Состав и численность нижних воинских чинов Западной Сибири

Освоение и заселение Западной Сибири, изначально связанное с военными и колонизационными нуждами российского государства привело к формированию на этой территории значительного контингента военных.

В 1864 г. в русской армии была введена военно-окружная система. Военно-окружная реформа входила в состав комплексного плана преобразования российских вооруженных сил, основной идеей которого была децентрализация и упрощение системы военного управления. Западно-Сибирский военный округ был создан на третьем этапе реформы в 1865 г. Центром округа стал г. Омск. Территориально округ совпадал с соответствующим генерал-губернаторством.

Созданный в рамках общероссийской реформы округ с достаточно удачно адаптированной к местным условиям системой военного управления приходилось постоянно реформировать, преобразовывать и по мере возможности, усиливать, следуя за постоянно меняющейся внешнеполитической обстановкой[1].

Округ неоднократно менял названия и территориальные границы. В 1882–1889 гг. он именовался Омским военным округом и включал в себя также территорию Семиреченской области. В 1899–1906 гг. во время очередной реорганизации, округ был переименован в Сибирский (Семиреченская область была исключена, зато добавлены некоторые территории упраздненного Иркутского военного округа). В 1906 г. округ вернулся к своим прежним границам и названию. Он вновь стал называться Омским и включал в свой состав территории Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей.

---

[1] Авилов Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 3–10.

Как отмечал А.В. Ремнев, результатом географического положения региона явилось то, что особенностью административно-территориального устройства Сибири была высокая степень милитаризации управления, значительная его зависимость от военно-политических задач, когда на первый план выходили интересы комплектования и содержания вооруженных границ, а также планы имперской экспансии[1].

Разнообразные военные учреждения округа сосредотачивались в городах региона. О.В. Гефнер отмечала, что «военная инфраструктура региона представляла собой целостную систему»[2]. «Военная энциклопедия», изданная в 1911–1914 гг., классифицировала все военные учреждения на следующие виды: военные управления, военные части, военные заведения (учебные, врачебные, тюремные, хозяйственные)[3].

В Западной Сибири была организована сеть учебных военных заведений, многие из которых находились в Омске[4].

Для нашей темы, прежде всего, представляют интерес военные части. Войска дислоцировались в основном в городах. В Западной Сибири это были местные и конвойные команды[5]. Местные команды были созданы в Тобольской и Томской губернии в 1864 г. из бывших инвалидных команд, а в Акмолинской и Семипалатинской областях только в 1880 г., одновременно с реорганизацией местных частей. Задачами местных команд были: охрана порядка в городах, караульная служба, конвойная служба по сопровождению казенных транспортов, этапирование ссыльных. О состоянии местных команд полагалось составлять ежемесячные отчеты по губерниям[6].

---

[1] Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 6.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 26.

[3] Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. III. С. 110.

[4] ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–11; Д. 246. Л. 1–8; Д. 296. Л. 1–109; и др.

[5] Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб., 1907. Ч. 2. Кн. 5. С. 26.

[6] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–70.

Местные команды размещались в уездных и окружных городах. Например, в 1880 г. в Западной Сибири насчитывалось 26 местных команд: в Тобольской губернии – 8 (Голотуповская, Ишимская, Курганская, Тарская, Туринская, Тюкалинская, Тюменская, Ялуторовская); Томской – 8 (Барнаульская, Бийская, Вознесенская, Каинская, Каргатская, Колыванская, Кузнецкая, Мариинская); в Акмолинской области насчитывалось 4 местных команды, в Семипалатинской – 6. По штатам в команде полагалось от 1 до 3 офицеров и от 33 до 431 нижнего чина. Количество местных команд постоянно менялось: в 1895 г. в округе числилась 31 команда, в 1906 г. – 24, в 1914 г. – 25[1].

Конвойные команды занимались сопровождением арестантов всех категорий на поездах, пароходах и этапных трактах, конвоировании арестантов при следовании от мест заключения к станциям и пристаням, препровождении арестантов в суды, охране мест заключения гражданского ведомства[2]. В 1880 г. в Западной Сибири насчитывалось 9 конвойных команд: 1 в Тобольской губернии – Тюменская пароходно-конвойная, и 8 – в Томской: Ишимская, Итатская, Краснореченская, Подъельничная, Почитанская, Сусловская, Томская, Халдеевская. По штатам в них полагалось от 1 до 4 офицеров и от 65 до 95 нижних чинов.

В степных областях находились линейные батальоны, главной функцией которых являлась пограничная служба. В 1876 г. в регионе числилось 3 линейных батальона, в 1894 г. – 2, в начале XX в. – 1. Они дислоцировались в разное время в Семипалатинске, Усть-Каменогорске и Зайсане[3].

Крупнейшие воинские части, которые квартировали исключительно в городах региона, – это резервные батальоны. Тобольский резервный батальон «вел свое старшинство» от Санкт-Петербургского гарнизонного полка, сформированного еще в 1711 г. в г. Тобольске. Томский резервный батальон – от Московского гарнизонного полка, также сформированного в 1711 г. в Тобольске.

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 31.

[2] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 48. Л. 1– 62.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 32.

В Томске эта воинская часть разместилась с 1816 г. под наименованием Томский гарнизонный батальон. Омский пехотный резервный батальон № 71 был сформирован в 1865 г. В этот же год Томский и Тобольский батальоны были переименованы в губернские батальоны, под номерами, соответственно 51 и 50.

В дальнейшем эти части неоднократно переименовывались. С 1882 г. они назывались резервными кадровыми пехотными батальонами. В указанном году в Западной Сибири насчитывалось 4 резервных батальона: в Омске, Семипалатинске, Тобольске и Томске. В 1899 г. из местной команды был сформирован резервный батальон в Барнауле. С 1902 г. резервные батальоны Западной Сибири получили новую нумерацию: Томский резервный батальон стал именоваться 8-м Томским резервным пехотным батальоном, Тобольский – 9-м, Омский – 10-м, Семипалатинский – 11-м, Барнаульский – 12-м[1].

Резервные батальоны были крупнейшими по численности нижних чинов военными частями. Например, в 1882 г. по штатному расписанию в резервных батальонах полагалось: в Тобольском – 22 офицера и 1080 нижних чинов, Томском – 23 офицера и 1096 нижних чина, Омском – 24 офицера и 1302 солдата. Кроме того, ежегодно к батальонам прикомандировывалось значительное количество новобранцев, обучавшихся здесь военному делу, которые пополняли впоследствии другие части, – это была одна из основных функций резервных батальонов. Например, О.В Гефнер указывает, что в через Омский резервный батальон проходило до 1200 новобранцев, в основном из Семиреченской области[2].

Кроме основной функции – обмундирование и обучение новобранцев, резервные батальоны несли конвойную службу (сопровождение арестантов и казенных транспортов), исполняли караульную службу по охране порядка в городах.

---

[1] Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 177.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 33.

В связи с началом Русско-японской войны в 1904 г., произошла кардинальная реорганизация войск, квартировавших в регионе. 3-я Сибирская резервная бригада была развернута в 3-ю Сибирскую пехотную дивизию, в составе которой из резервных пехотных батальонов были сформированы Сибирские пехотные полки. Дивизия вошла в состав 4-го Сибирского армейского корпуса, штаб которого располагался в Омске[1].

По окончанию войны, в 1906 г. 4-й Сибирский армейский корпус был расформирован. 3-я Сибирская пехотная дивизия была преобразована в 3-ю Сибирскую резервную бригаду. Сибирские пехотные полки вновь получили название резервных, и вернулись в места прежней дислокации: Барнаул, Омск, Тобольск, Томск[2].

Впоследствии, в 1910 г., по инициативе военного министра В.А. Сухомлинова, в России была проведена очередная реформа по реорганизации русской армии. По этой реформе, резервные войска были признаны слабыми в военном отношении и расформированы, а их состав был использован при формировании новых пехотных и стрелковых дивизий. В том числе, в Западной Сибири были расформированы: 3-я Сибирская пехотная резервная бригада, Сибирские резервные полки и другие специальные воинские части (саперные, инженерные, артиллерийские). Вместо них была учреждена 11-я Сибирская стрелковая дивизия в составе 41-го, 42-го, 43-го и 44-го Сибирских стрелковых полков, различные подразделения которых располагались в Барнауле, Новониколаевске, Омске, Семипалатинске, Тобольске и Томске[3].

Нижние воинские чины, конечно же, составляли большую часть военных. При этом большинство нижних чинов происходили из крестьянского сословия. После принятия закона о всеобщей воинской повинности 1874 г. служба в армии стала обязательной, всесословной и личной, т.е. в соответствии с законом все

---

[1] Краткое расписание сухопутных войск, исправленное по 1 марта 1904 г. СПб., 1904. С. 20.

[2] Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Сибирского военного округа, исправленное к 1 февраля 1906 г. Омск, 1906. С. 4.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 35–36.

сословия в отношении воинской повинности уравнивались. В силу этого доля лиц некрестьянского происхождения в армии стала постепенно увеличиваться. Тем не менее, в силу значительно преобладания крестьян в населении империи, подавляющее большинство нижних чинов составляли выходцы из крестьян. О.В. Гефнер указывает, что в Западной Сибири среди призывников крестьяне составляли в 1872 г. 96,2%, в 1877 г. – 95,2%, в 1881 г. – 94%[1].

По своей конфессиональной принадлежности большинство нижних чинов были православными. Например, в Омском резервном батальоне в 1877 г. православными были 96,8%, в 1887 г. – 94,5, а в 1897 г. – 85%. . Среди солдат-сибиряков были представители и других конфессий: католики, лютеране, иудеи, однако их удельный вес был незначительным. Постепенно происходило уменьшение доли православных за счет увеличения доли мусульман. В указанной части мусульмане составляли в 1877 г. – 1,8%, в 1887 г. – 5,3, в 1897 г. – 11,1%[2]. В 1899 г. в Томском резервном батальоне из числа проходивших службу нижних чинов 23,9% были татарами. Это объясняется, на наш взгляд, не только потребностями армии в личном составе, но и национальной политикой империи, направленной на аккультурацию, ассимиляцию и русификацию. При этом армейская служба рассматривалась как один из инструментов русификации многочисленных народов Российской империи.

Возрастной состав нижних чинов в Западной Сибири определялся, конечно же, исходя из условий призыва. Призывной возраст по закону 1874 г. составлял 21 год, продолжительность службы для большинства призываемых – 6 лет до 1888 г., впоследствии – 5, а с 1906 г., в зависимости от рода войск, 3–4 года[3]. В силу этого, основная масса нижних чинов попадала в возрастную категорию 21–30 лет.

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 62.

[2] Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. С. 333–334.

[3] См.: Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18–21.

Например, в Омске в 1877 г. среди нижних чинов 90,1% относились к этой категории[1].

По месту рождения нижние чины происходили преимущественно из селений региона. Основную массу новобранцев, призывавшихся в войска, составляли уроженцы Западной Сибири и Степного края. Например, в 1877 г. в Омске таковых насчитывалось 68,1% (64,4% из Тобольской губернии), а 31% солдат происходили из губерний Европейской России[2].

В 1860-е гг. военные являлись второй по численности после мещан категорией населения в городах региона. На примере этой категории населения, которая, кстати, не относилась ни к одному из юридически существующих четырех сословий, можно продемонстрировать сложность и разнообразие социальных категорий населения страны. В таблице 1 приведена численность военных по категориям во всех городах региона в 1860/63 гг.

Самая большая численность военных была в это время в Омске –12380, Тобольске – 3314, Барнауле –2851 и Томске – 2834. Именно эти города имели в регионе наибольшее административное значение: центры генерал-губернаторства, двух губерний и горного округа. Большая часть военных Западной Сибири была сосредоточена в городах Тобольской губ. – 22588 чел., что составляло почти треть городского населения губернии – 31,7%. Наиболее «милитаризованным» было население Сургута (79,3%), Омска (63,3%) и Березова (38,5%). Однако в Сургуте и Березове высокая доля военных объясняется значительным количеством казаков, где казаки по традиции были практически единственным видом вооруженных сил, кроме того, многие из них службы не несли и относились к данному сословию в силу традиции. Омск же был настоящим военным лагерем. Только к регулярной армии здесь относилось 5945 чел. Самой многочисленной в регионе была в Омске и категория казаков – 3610 чел. Как отмечали современники, военные играли главенствующую роль в жизни города: «Военные

[1] Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Т. 2. Омск, 1880. С. 30.

[2] Словцов И.Я. Материалы по истории… Т. 1. С. 80.

являлись, так сказать, «первым сословием», державшим в руках власть. … Офицерство и военное чиновничество составляли «общество», которое создавало «общественное мнение» города;[1] «население его (Омска) почти все состоит из служащих или имеющих прикосновение к служащим – вот громадная разница между ним и всеми прочими губернскими городами сибирскими»[2].

Таблица 1

Военные в городах Западной Сибири в 1860/63 гг.*

Город	Регулярные войска		Иррегулярные войска и казаки		Бессрочно-отпускные		Отставные с членами семей		Солд. дети и канто-нисты	Всего воен-ных	Всего насе-ления	% воен-ных
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
Омск	4913	1032	2377	1233	171	139	513	1527	475	12380	19565	63,3
Тобольск	1189	274	434	329	93	61	377	446	115	3318	16977	19,5
Тюмень	224	105	288	284	60	27	149	232	133	1502	11436	13,1
Тара	143	63	36	48	16	11	157	113	24	611	5113	11,9
Туринск	184	97	165	220	6	4	102	209	25	1012	4249	23,8
Курган	210	151	9	3	16	11	157	113	40	710	3471	20,5
Ишим	299	230	12	5	12	11	82	93	–	744	2924	25,4
Ялуторовск	285	61	28	–	4	1	58	123	31	591	2901	20,4
Тюкалинск	–	–	–	–	–	–	98	92	36	226	1424	15,9
Березов	–	–	277	289	–	–	2	3	–	571	1458	39,2
Сургут	–	–	505	394	–	–	–	–	–	899	1334	67,4
Тобольская губ.	*7447*	*2013*	*4131*	*2805*	*378*	*265*	*1695*	*2951*	*879*	*22564*	*70852*	*31,8*
Томск	1771	460	–	–	64	48	163	268	114	2888	21182	13,6
Барнаул	–	–	–	–	22	19	1083	1547	180	2851	10312	27,6
Бийск	–	–	–	–	12	9	96	115	89	321	5152	6,2
Мариинск	–	–	162	57	–	–	19	30	3	271	4470	6,1
Каинск	243	110	47	36	3	–	107	92	205	843	3244	26,0
Колывань	46	21	–	–	–	–	18	32	–	117	2879	4,1
Кузнецк	247	112	16	6	2	4	48	102	26	563	1915	29,4
Нарым	–	–	54	10	–	–	–	–	–	64	1381	4,6
Томская губ.	*2307*	*703*	*279*	*109*	*103*	*80*	*1534*	*2186*	*617*	*7918*	*50535*	*15,6*
Западная Сибирь	9754	2716	4410	2914	481	345	1703	5137	1496	30482	121387	25,1

Источники: Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 80; Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. С. 3–76.

* Данные по Тобольской губ. за 1860 г., по Томской – за 1863 г.

[1] Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн.1. Путешествие в прошлое. М., 1964. С.40.

[2] Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 150.

Омск в середине XIX в. был главным опорным пунктом русского продвижения в Среднюю Азию, что и объясняет его военизированность.

В городах Томской губ. различных категорий военных насчитывалось 7864 чел. или 15,6% городского населения. Наибольшую долю горожан военные составляли в Кузнецке – 29,4%, Барнауле – 27,8% и Каинске – 26,0%. При этом в Барнауле, по-видимому, доля военных была на самом деле выше, поскольку в использованном источнике не приводятся данные о численности регулярных войск в городе, а их в центре Алтайского горного округа было несколько сотен человек. Имеющиеся у нас данные по Барнаулу расходятся с цифрами за 1860 г., которые приводит в своей статье В.А. Скубневский (всего 1462 чел., что составляло 12,6% населения города).[1] Как показывают данные за последующие годы (см. таблицу 3), доля различных категорий военных в населении Барнаула была весьма значительной, более 1/4 населения и горнозаводской центр можно отнести к числу «милитаризованных» городов. Наибольший процент населения Барнаула военные составляли в 1876 г. Тогда в городе числилось регулярных войск (с членами семей) – 758 чел., казаков – 13, бессрочноотпускных – 671, отставных – 2520, солдатских детей – 17, всего военных 4079 чел. или 29,6% населения[2].

В целом в городах Западной Сибири проживало в начале 1860-х гг. более 30 тыс. военных, что составляло 25% всего населения. Для сравнения можно сказать, что в городах Европейской части страны в 1858 г. процент военных составлял 14,1%[3]. Однако, необходимо признать, что средние цифры по региону сильно поднимал военизированный Омск, а в городах Томской губ. доля военных была немногим выше, чем в среднем по стране. Это объясняется тем, что Томская губ. была внутренним районом Западной Сибири, значительно удаленным от

---

[1] Скубневский В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 122.

[2] Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 81.

[3] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 120.

возможных театров военных действий и держать здесь крупные воинские формирования не имело смысла[1].

В отношении второй по численности в городах сословной группы – военных, к 1880 г. положение изменилось незначительно. Можно отметить, что за 20 лет общая численность военных немного выросла, но их доля в населении городов региона упала с 25 до 20%. По-прежнему наибольшее число лиц военного сословия сосредотачивалась в Омске (13319), Тобольске (4054), Барнауле (3988) и Томске (2701). Однако доля военных заметно снизилась. Так, в Омске они составляют уже меньше половины населения – 45,1%. На снижение доли военных в Омске, по-видимому, повлиял вывод ряда частей омского гарнизона в 1870-х гг. в Среднюю Азию. По данным статистики, в первой половине 1870-х, вследствие перевода воинских частей на юг, численность жителей в Омске заметно сократилась. Так, если в 1863 г. в нем проживало 19,5 тыс., в 1870 г. – 30,5 тыс., то в 1877 г. – лишь 25 тыс. чел.[2] При этом, хотя по данным однодневной городской переписи 1877 г., в Омске к военному сословию относились 5447 мужчин и 2848 женщин (33,4% населения), а казаков начитывалось соответственно 1115 муж. и 1150 жен. (9,1%), значительная часть их была представлена отставными, солдатскими и казачьими вдовами и детьми.[3]

Из других городов региона высокой долей военных в населении в 1880-м выделялись в Тобольской губ.: Сургут (57,9%), Березов (35,5%), Тобольск (23,2%), Ишим (22,7%). Сургут и Березов по-прежнему выделялись благодаря высокой численности казаков. Однако уже в 1882 г., «высочайше утвержденным 19 мая» мнением Государственного Совета казачьи команды в Сургуте, Березове и Нарыме были упразднены, казаки же этих городов, не желающие зачислиться в Сибирское казачье войско, должны были перейти в мещане тех городов, «где они

[1] Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 129–130.

[2] Миненко Н.А., Федоров С.В. Омск в панораме веков. Омск, 1999. С. 164.

[3] Состав населения трех наиболее значительных городов Сибири по последним однодневным переписям // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1880. Кн. 2. С. 63.

имеют оседлость»[1]. Казачьи команды в других городах региона были ликвидированы еще в 1868 г., а сами казаки причислены к городским (а отчасти и сельским сословиям)[2]. В Томской губ. в 1880 г. наиболее «военизированными» были города Алтайского горного округа: Барнаул (27,3%), Кузнецк (19,3%) и Бийск (15,0%). Средняя доля военных в городах Тобольской губ. снизилась до 16,3%, Томской губ. – до 13,2%.

Таблица 2

Доля военных в составе населения городов Западной Сибири в 1880 г.

Город	**Военные**		**Всего населения**
	абс.	%	
Томск	2701	8,0	33800
Омск	13319	45,1	29546
Тобольск	4054	23,2	17503
Тюмень	1128	6,8	16664
Барнаул	3988	27,3	14594
Бийск	1020	15,0	6797
Тара	616	9,4	6571
Мариинск	714	12,9	5550
Каинск	513	9,4	5450
Курган	799	14,7	5430
Ялуторовск	735	14,2	5182
Туринск	726	17,0	4265
Колывань	307	7,9	3900
Кузнецк	582	19,3	3020
Ишим	680	22,7	3001
Нарым	60	3,0	2000
Березов	671	35,5	1888
Сургут	757	57,9	1308
Тюкалинск	116	9,9	1170
Итого:	33486	20,0	167639

Источник: Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 7–204.

Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. означала отмену правовой базы для существования особого военного сословия, так как призывавшиеся в армию всего на несколько лет на время службы и после нее сохраняли свое

[1] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 70.

[2] Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского линейного казачьего войска. Омск, 1891. С. 229.

прежнее сословное звание. Категории отставных и бессрочноотпускных солдат, солдатских детей и кантонистов перестают пополняться и к концу XIX в. почти исчезают из документации по учету населения. Так, в переписи 1897 г. эти категории уже не учитывались. Остатки военного сословия растворились среди городского населения. Тем не менее, в отдельных городах региона различные категории военных продолжали существовать и учитываться в административном учете населения. Так, например, в «Обзоре Акмолинской области за 1896 г.» по городу Омску значилось казаков служилых и в запасе – 1630 (151 муж. и 1452 жен.), отставных казаков с женами и детьми – 1384 (629 муж. и 755 жен.), регулярных войск – 2928 (все – мужчины), нижних чинов запаса – 806 (все – мужчины), отставных нижних чинов с семьями – 2632 (736 муж. и 1896 жен.), всего военных – 9380 чел. или 19,7% от населения города (47576).[1] В 1909 г. в Омске числилось казаков 5602 (3128 муж. и 1934 жен.) и солдат (без разделения по категориям) – 5635 (2700 муж. и 2935 жен.), всего военных 10697, удельный вес – 12,2%[2].

По Первой всеобщей переписи 1897 г. в Западной Сибири отмечено 384 офицера, 238 военных чиновников и 11602 чел. нижних воинских чинов[3].

В начале XX в. военного сословия как такового уже не существовало. К категории военных в эти годы относились, кроме офицерства, только нижние чины воинских команд, расквартированных в городах региона. Численность их была небольшой. Так, например, в 1910 г. в городах Тобольской губ. насчитывалось 2354 солдат, что составляло 2,8% от общего числа горожан[4].

Согласно «Ведомости о числе жителей г. Бийска по сословиям и вероисповеданиям за 1915г.» в городе насчитывалось: военных: регулярные

---

[1] Обзор Акмолинской области за 1896 г. Омск, 1898. (Приложение 3).

[2] Статистические сведения по г. Омску. Омск, 1911. С. 3.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам. СПБ., 1905. Т. IV. С. 66-67, 82–83, 226–227, 246–247, подсчет.

[4] Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 83.

войска 1456 9 (только муж.), чины запаса: 778 (муж.), 755 (жен.), отставных нижних чинов: 490 (муж.), 473 (жен.)[1].

«Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г.» указывал следующую численность военных в регионе: офицеры – 685, военные чиновники – 219, нижние чины – 17037[2].

Интенсивная колонизация Западной Сибири, протекавшая в начале XX в. не могла не повлиять на роль и место военных в жизни региона. Новые волны массовой миграции, развитие экономики, быстрый рост городов делали роль военным все менее значимой. Даже в самом военизированном городе региона, – Омске, – как показывают подсчеты О.В. Гефнер, доля военных в населении достаточно быстро сокращалась: с 1875 по 1914 г. процент военных снизился: среди мужского населения с 13,3 до 3,5, среди всех горожан – с 7,4 до 3,5[3]. Это замечали и современники. Так, Г.Н. Потанин писал в 1908 г.: «Из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакгауз, дробь барабана хочет смениться щелканьем счет»[4].

Таким образом, процесс формирования категории нижних воинских чинов в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. определялся географическим положением региона, внешнеполитической ситуацией, а также социально-экономическими и демографическими процессами, протекавшими в окраинном районе империи, интенсивно колонизируемом на рубеже веков.

---

[1] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 141. Л. 60.

[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 19–25.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 50.

[4] Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1908. С. 251.

ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ

2.1. Условия действительной воинской службы

Состоявшие на действительной воинской службе нижние чины составляли менее половины численности воинского сословия. Они занимались в основном непосредственно службой и обеспечением деятельности армии[1].

До отмены рекрутской повинности в 1874 г., принятых в уездных городах рекрут полагалось «довольствовать пищей от обывателей с уплатою кормовых денег населению». В приказах по округу утверждалось: «При несогласии обывателей довольствовать на кормовые деньги или когда Губернские Военные Начальники найдут более удобным продовольствовать их из общего котла, то довольствие устраивать при местных командах. Рекрут, принятых в губернских городах, а также прибывающих в эти города из Округов довольствовать пищей непременно из общего котла при сборных командах под ведением хозяйственных комитетов по установленной раскладке. Рекрут, подлежащих отправлению в войска в собственной одежде принимать, по возможности, в исправной теплой одежде соответствующей зимнему времени и в исправной обуви. Тем же рекрутам, которые не будут иметь собственной одежды, достаточной для предстоящего похода, выдавать обмундирование, при соблюдении правил, указанных в приказах по Военному ведомству 1867 г. № 353 и 407. Кроме того,

[1] Скобликов С.В. Быт солдат Западной Сибири во второй половине XIX в. // Тобольск научный – 2011: Матер. VIII Всерос. научно-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 212.

отправляемым рекрутам на основании приказа 1870 г. № 170 выдавать суконные портянки и шерстяные носки»[1].

Нижние чины жили в суровой и бедной обстановке. Сохранилось достаточно много документов о «неудовлетворительном расквартировании» войск в Сибири в городских казармах в начале XX в. Обстановкой казарм служили всего лишь деревянные нары с соломенными тюфяками и соломенным же подушками, к которым наволочек не полагалось. Укрывались солдаты обычно шинелями. Снабжение войск одеялами и постельным бельем было организовано только в 1905 г. Пища солдат была скудной. Питание было двух- или трехразовым и разносолами не отличалось, хотя и было достаточно калорийным: утром – чай с черным хлебом, в обед – борщ или суп с полуфунтом мяса или рыбы и каша, на ужин – жидкая кашица, заправленная салом[2]. Например, в конце XIX в. нижние чины Омского резервного батальона получали в день по ½ фунта мяса (примерно 200 г), 3 фунта хлеба (1,2 кг)[3]; Омской конвойной команды – ¾ фунта мяса (300 г); Томского резервного батальона – 5/8 фунта мяса (250 г), 3 фунта хлеба (примерно 1,2 кг)[4].

Размеры продуктового довольствия нижних чинов были небольшими. Продуктов на 1 солдата в день полагалось: печеного хлеба – 3 фунта, крупы – 32 золотника (136,5 гр.), чая – 0,48 золотника (2 гр.), мяса – 3/4 фунта, сахара – 6 золотников (25,6 гр.), на закупку овощей и прочих продуктов – 2,5 коп.[5] О достаточно скромном питании солдат писал и В.И. Баяндин[6].

Зачастую у солдат образовывались излишки хлеба, которые они продавали горожанам, а затем покупали на вырученные деньги чай. Для улучшения

---

[1] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 14–15.

[2] Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 85.

[3] Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907.

[4] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 66.

[5] Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. СПб., 1913. С. 127.

[6] Баяндин В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–75.

продовольственного обеспечения воинские части нередко организовывали огороднические хозяйства. Так, командование Омского резервного батальона выхлопотало у города землю вблизи своего лагеря, где солдаты выращивали овощи[1].

Питание нижних чинов являлось особой заботой командования, в воинских частях регулярно проводились пробы пищи. Например, 21 марта 1888 г., по приказанию командующего войсками округа, состоявшими при нем офицерами был проведен контроль солдатского рациона в Омском гарнизоне. Проверяющими был сделан вывод, сто «горячая пища – вполне удовлетворительна. Квас в 1-й и 2-й ротах Омского резервного батальона – жидок»[2].

Денежное довольствие нижних чинов было мизерным. Рядовой армейской пехоты получал в конце XIX в. 2 руб. 70 коп. в год[3]. В начале XX в. рядовой получал 6 руб. в год, младший унтер-офицер – 12, старший унтер-офицер – 48, фельдфебель – 72 руб.[4] При низком уровне доходов и тяжелых условиях службы только небольшая часть солдат (в основном унтер-офицерский состав) могли позволить себе обзавестись семьями. Так, например, из числа нижних чинов Омского резервного батальона, находящихся на службе в 1877 г. доля холостых составляла 88,5%, женатых и вдовых, имевших семьи – 11,5, в 1887 г., соответственно 62,5 и 37,5%, в 1897 г. – 72,7 и 27,3%[5].

При призыве на службу, как указывалось в документах: «Не дозволялось согласно п. 4 приказа по Военному ведомству 1866 г. № 173 женатым рекрутам

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 66.

[2] Приказание по войскам омского военного округа № 5. 5 апреля 1888 г.

[3] Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 362.

[4] Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. СПб., 1913. С. 127.

[5] Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907.

брать с собой семейства т.к. отдельных помещений им не будет предоставляться, а также не будет выплачиваться пособие»[1].

Солдаты, имевшие детей, также получали паек на них, но только на сыновей. При этом на содержание дочерей паек не полагался. Обеспечение обмундированием и амуницией производилось по так называемой «срочной» системе. Каждая вещь, выдаваемая солдату, имела срок носки, до истечения которого солдат не имел права требовать замены. Солдат получал шапку и кафтан на 2 года, шинель на 4, на один год пару сапог и башмаков, к ним еще две пары подметок, холст на две рубахи. Также на срок выдавались прочие, более мелкие предметы обмундирования и амуниции: пуговицы, крючки, тесьма, ремни, пряжки. По истечении срока носки вещи переходили в собственность солдата, и он мог их продать[2].

Большинство нижних чинов проживало в казармах, но иногда они могли расселяться и на обывательских квартирах в городе. Летом воинские части обычно выводились в лагеря (отсюда – Лагерный сад в Томске[3]). Семейные нижние чины пользовались правом получения квартирных денег. Отсутствие достаточного количества казарменных зданий создавало серьезную проблему для российской армии, оказывало негативное влияние на условия быта нижних чинов[4].

Как отмечено в источнике: «Что же касается семейств нижних чинов, уволенных после призыва в кратковременный отпуск за ранами или для поправления здоровья, то семейства эти должны пользоваться призрением,

---

[1] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

[2] Очерки истории города Омска. Т. 1. Омск, 1997. С. 82.

[3] Лясоцкий И. Прошлое Томска (в названиях его улиц, построек и окрестностей). Томск, 1952. С. 12.

[4] Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 51.

согласно указанных выше правил до совершенного увольнения сих чинов от службы на тех или иных условиях»[1].

Необходимо отметить, что в Сибири, в частности в Омском военном округе, положение с расквартировкой нижних чинов было лучше, чем в европейской части страны. Так, например, согласно отчету командующего округом генерал-лейтенанта Г.В. Мещеринова, в 1880 г. практически все войска были расквартированы в казармах, в то время как в Харьковском военном округе всего 23%, в Киевском – 26,6%[2]. Командующий отмечал: «Казарменные помещения инженерного ведомства можно признать удовлетворительными, исключая казармы в Зайсанском посту и в Акмолинске, которые тесны, сыры и холодны… Казармы гражданского ведомства, в которых помещаются некоторые части местных войск Тобольской и Томской губерний, также удовлетворительны, кроме казарм, занимаемых Тобольским местным батальоном и Барнаульской местной командой. Первые до такой степени ветхи, что пребывание в них нижних чинов не только не удобно, но даже опасно»[3].

Нуждающимся семьям нижних чинов, участвующих в военных действиях, полагались квартирное пособие. Например, в Государственном архиве Алтайского края отложилось дело по вопросу об удовлетворении квартирным пособием от Бийского общественного Управления солдаток Чумериной и других. В нем указывалось: «Слушали: жены запасных чинов, призванных на действительную службу во время последней войны на Дальнем Востоке, Чумерина, Позднякова, Дуленина и другие, проживающие в г. Бийске, обратитесь к Томскому Губернатору с телеграммой, в которой жалуются на неудовлетворение их Бийской Городской Управой полагающимся квартирным довольствием. Вследствие сего от бийского Городского Головы по означенной телеграмме были затребованы разъяснительные сведения Городской Голова,

[1] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498.

[2] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 270.

[3] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 65–66.

представляя список солдатских жен, проживающих в г. Бийске во время нахождения мужей их на военной службе, донесть, что некоторые солдатки за прежнее время действительно неудовлетворенны квартирным пособием за неимением у города денежных средств, а также вследствие циркуляра Министерства внутренних дел от 28 января с.г. за № 8»[1].

Существовали также Комитеты по сбору пожертвований для семейств запасных солдат. Так, в «Приходно-расходной книге Бийского Комитета по сбору пожертвований для семейств запасных солдат за 1904–1905гг.» указывалось: «34 попечителя занимались выдачей денег, 212 человек запасных солдат (нижних чинов). По удостоверению Бийского воинского начальника … Деньги выдавались ежемесячно по специальным постановлениям Комитета и траты расписывались на несколько месяцев вперед. Например, постановлением от 26 июля 1904г. деньги выдавались с августа 1904г. по февраль 1905г.

За июнь-июль отдельно по постановлению от 26 мая 1904г. – размер вполовину меньше от пособий в мае.

Были случаи отказов по выплатам, для выплат предоставлялись специальные книжки, потом могли их все-таки выплатить (за апрель 1904г. таких было 13 человек, кому ранее было отказано).

Семьям ратников ополченцев выплачивались пособия не ежемесячно, от случая к случаю. Сумма колебалась от 80 копеек до 1 рубля 80 копеек.

Запасным солдатам от 80 коп. (в редких случаях) и до 5 рублей (в редких случаях).

Были исключительные случаи (стр.31) когда Моисеевой Анастасии выплачена сумма в 20 рублей в апреле, 15 рублей в мае.

Однако это выплачивалось из адресных пожертвований 14 апреля от Виктории Викторовны Прибытковой поступили деньги 86 рублей на

[1] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498.

пожертвование от вырученных от детского спектакля для выдачи солдатке Моисеевой с 1 мая по 15 рублей.

От Ивана Кондратьевича Остаркова вырученные деньги от спектакля 66 рублей 15 копеек.

Пожертвования из Городской Управы из пожертвований разными лицами по распискам в книге Управы 600 рублей.

Пожертвования составляли от 5–15 копеек от неизвестного и до 1000 рублей от Конторы Елены Григорьевны Морозовой, её служащих 304 руб. 78 копеек.

От спектаклей налоговый сбор через уездного исправника в 50 рублей.

От Бийской городской Управы по отношению за № 909 от 1 мая перечислено 2225 руб.

Из полицеского Уездного Управления вырученных от спектаклей денег 70 рублей.

Из кружек В.М. Рыбакова, находившемся в Ленском погребе.

Из кружки капельмейстера Мерца.

При извещении Его Превосходительства Господина Томского губернатора 136,41 руб.

Из отделения Сибирского Банка 38 руб. 11 коп.

Всего же 5825 рублей»[1].

Осмотр войск Сибирского военного округа, произведенный в 1899 г. военным министром А.Н. Куропаткиным, показал следующую картину: «Размещение войск не всюду удовлетворительное; есть казармы очень хорошие…, но есть и очень плохие – как, например, в Петропавловской местной и конвойной командах и в Томском резервном батальоне». По отзывам министра, в Омском резервном батальоне «помещения батальона хорошие, светлые, просторные, хотя не все еще должным порядком отремонтированы». Омская

[1] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 210.

дисциплинарная рота «содержится в отличном порядке; помещения просторные и содержатся в большом порядке и безукоризненно чисто. Рота имеет прекрасную светлую церковь, столовую и зал для гимнастики и занятий». В то же время в Петропавловской местной и конвойной команде помещения «совершенно запущены; полы частично сгнили, так что видна земля; на стенах замечена сырость; вентиляция в казармах не устроена…»[1].

Нижним чинам полагалось также вещевое довольствие, с которым также иногда возникали проблемы. Так, значительную трудность в русской армии составляло обеспечение солдат постельными принадлежностями. Как мы уже отмечали выше, до 1905 г. казенного снабжения постельным бельем не существовало[2], лишь некоторые военные части обзаводились им за счет собственных средств. В данной ситуации все во многом зависело от командиров. Как писал уже неоднократно упоминавшийся нами Фукин, во время смотра генерал-адъютанта Свистунова в 1884 г. , нижние чины Омского резервного батальона были «бельем снабжены достаточно и даже в изобилии»[3].

Омский уездный воинский начальник подполковник В.А. Павлушин, осмотревший Омскую дисциплинарную роту 14 декабря 1889 г., писал: «Я нашел на всех заключенных в мундиры, шинели, обувь и белье исправными». Военный министр А.Н. Куропатки отмечал во всеподданнейшем отчете об осмотре войск Сибирского военного округа в 1899 г.: «Обмундирование во всех войсковых частях имеется в изобилии и сохранено хорошо… Белье и обувь содержится в исправном виде и у большинства нижних чинов в достаточном количестве»[4].

Лишения армейской жизни подталкивали солдата к тому, чтобы воспроизвести деревенское общество в иной форме. Поэтому в жизни солдата

---

[1] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 66.

[2] Скобликов С.В. Быт солдат Западной Сибири во второй половине XIX в. // Тобольск научный – 2011: Матер. VIII Всерос. научно-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 213.

[3] Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907. С. 81.

[4] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура… С. 67.

весьма важную роль играла солдатская артель, обычно она соответствовала взводу из 20–30 чел., во главе ее стоял избранный солдатами артельщик. При этом, как было отмечено, «низкая оплата заставляет рядовых солдат напрягать воображение и заниматься самообеспечением во всех отношениях. Они сами становились для себя пекарями, сапожниками, столярами, кузнецами, художниками, пивоварами, мясниками, медниками, шорниками и колесными мастерами – иными словами, занимались всем, что приходило в голову. Нигде в мире нет столь же находчивых людей»[1]. Военная артель, структурой напоминавшая сельскую общину, возникла под давлением обстоятельств и взяла на себя, прежде всего экономические функции. Артельная система организации жизни нижних чинов была причиной тому, что в армии царила атмосфера сплоченности и взаимной солидарности.

Достаточно широкое распространение получила практика так называемых «вольных работ» нижних чинов в летнее время. Солдаты, отпущенные командование, занимались за поденную плату сбором рожая, кошение сена, заготовкой дров, строительством, ремесленными работами. Заработанные деньги поступали в артельные суммы частей, или раздавались нижним чинам на руки[2].

Нередко нижние чины «подрабатывали» самовольно, без разрешения начальства. Так, например в Государственном архиве Томской области отложилось дело о нарушении караульной службы начальником конвоя Дмитрием Грязновым и др. (Герасим Коротаев, Николай Дедюхин, Иван Грамотчиков, Петр Пиляев при конвоировании каторжного арестанта, которые «Следовали из Барнаула в Змеиногорск и по пути нанялись на работу к крестьянину д. Плотава Ивану Пермякову за 40 копеек. Вследствие этого арестованы и осуждены военным судом к 3-м годам старший и 1-му году каждый – направлены в Омскую дисциплинарную роту»[3].

---

[1] Duffy Ch. Russia’s Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power. London, 1981. P 134.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 67.

[3] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 204. Л. 15.

В резервных батальонах Западной Сибири действовали оружейные мастерские, швальни, в которых производился пошив обмундирования для новобранцев, хлебопекарни, учебные и охотничьи команды, библиотеки, храмы, больницы.

Занятия отставных и бессрочноотпускных солдат, составлявшие значительную часть населения городов региона в 1860–1880-х гг., были во многом схожими с занятиями большинства горожан – мещан, цеховых и крестьян. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они являлись особой категорией отставных солдат, но могли и записаться в какое-нибудь податное сословие, а в случае дряхлости или неспособности к труду получали небольшую пенсию – 36 руб. в год. Нередко отставные продолжали службу у своего офицера в качестве кучера, слуги по дому или искали сходную работу в городе[1].

Так как в армии обучали грамоте, некоторые из отставных могли подрабатывать, обучая детей небогатых родителей элементарной грамотности. Так, например, у отставного солдата в юношеском возрасте обучался грамоте будущий купец Н.М. Чукмалдин[2].

Отставные и бессрочноотпускные солдаты занимались ремеслами, промыслами, поденной работой, мелкой торговлей и т.п. В переписных листах переписи 1897 г. указываются такие занятия отставных солдат Тары: Ключкин служил караульным, Менданов работал плотником, Воробьев – жил благотворительностью, Севастьянов значился земледельцем. В Тюкалинске отставные также занимались земледелием, служили сторожами, торговали; в Ялуторовске были плотниками, чернорабочими, каменщиками, ямщиками, пимокатами, держали постояльцев, в Тобольске – служили надзирателями тюремного замка, курьерами, кучерами, разводили огороды, изготовляли гребни.

---

[1] Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 51.

[2] Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб, 1899. С. 12.

Вдовы, жены и дочери солдат чаще всего работали прачками, кухарками и швеями[1].

Существовала также система поддержки семей нижних чинов: «Для правильного и успешного наблюдения за общим ходом в Империи дела по призрению нуждающихся семейств нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных в действующую армию по случаю на Дальнем Востоке министерству внутренних дел периодически необходимы подробные и точные сведения о мерах по призрению и расходах, как по призрению жен и детей воинских чинов, так и их престарелых родителей и других родственников, существующих иждивением призванных на службу и оставшихся вследствие этого без достаточных средств к жизни. Лица эти, по точному смыслу закона, поступают на призрение земств городских и сельских обществ в порядке, определенном действующими об общественном призрении узаконениями и с соблюдением правил, приложенных в 38 статье 4 тома 1 части Устава о воинских повинностях и издания 1897 г. В этих правилах между прочим изложено, что в дополнение к установленному законом довольствию, земства и общества принимают и другие возложенные по обстоятельствам и средствам меры для лучшего обеспечения семейств людей, призванных на защиту Престола и Отечества, причем определение таких мер предоставляется ближайшему усмотрению земских собраний, городских дум и волостных и сельских обществ по принадлежности»[2].

Существовали и специальные документы, например, такие как «Предписание Министерства Внутренних Дел Томского губернского правления о материальной помощи семьям нижних чинов»[3].

Сходство условий жизни отставных и бессрочноотпускных солдат, а также членов их семей, с мещанами, ремесленниками и проживавшими в городах

---

[1] Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 42.

[2] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498.

[3] ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–144.

крестьянами привело к тому, что в начале XX в. остатки военного сословия слились с основной массой горожан[1].

Материальное благосостояние и бытовое положение нижних чинов Западной Сибири было различным в разное время и в разных воинских частях и зависело, как от финансового положения частей, так и от деятельности и компетентности командного состава. Нижние чины жили в скромной и суровой обстановке, что соответствовало характеру воинской службы и традициям русской армии.

Условия жизни различных категорий нижних воинских чинов в России 60-х гг. XIX – начала XX в. были достаточно сложными. Нижние чины, находящиеся на действительной воинской службе в это время образовали специфическую социальную общность. В то же время различные категории отставных и бессрочноотпускных солдат постепенно растворялись в социуме, преимущественно городском.

[1] Скобликов С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 215–217

2.2. Роль унтер-офицерского корпуса в жизни армии

В период середины XIX – начала XX вв., несмотря на отмену крепостного права, Россия оставалась преимущественно крестьянской, малограмотной страной, комплектование армии которой ложилось, прежде всего, на плечи деревенской общины. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности нижние чины армии также представлялись в основном выходцами из крестьян. А это означало необходимость в начальном обучении новобранца первичной грамоте, подготовке его в общеобразовательном отношении, а уже затем только непосредственном обучении воинскому делу. В свою очередь для этого требовался подготовленный унтер-офицерский состав в армии, которому требовалась соответствующая подготовка.

Первые унтер-офицеры в России появились еще при Петре I. Воинский устав 1716 г. к унтер-офицерам относил: сержанта в пехоте, вахмистра в кавалерии, каптенармуса, подпрапорщика, капрала, ротного писаря, денщика и ефрейтора. Согласно уставу им вверялось первоначальное обучение солдат, а также контроль за соблюдением нижними чинами внутреннего порядка в роте. В XIX в. появились также звания вице-унтер-офицера, младшего унтер-офицера и старшего унтер-офицера[1].

С 1764 г. законодательство закрепило за унтер-офицером обязанность не только обучать нижних чинов, но и воспитывать их. Однако говорить о полноценном воинском воспитании в тот период нельзя, поскольку в большинстве своем унтер-офицерский корпус был слабо подготовлен и

[1] См.: Скобликов С.В. Роль унтер-офицерского корпуса русской армии середины XIX – начала XX в. // Материали за XIII международна научна практична конференция «Ключови въпроси в съвременната наука – 2017», Volume 1: Философия. Икономики. Закон. История. София: «БялГРАД-БГ», 2017. С. 41–44.

преимущественно неграмотен. Кроме того, основой воспитательного процесса в армии того периода была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого общения с солдатами. В процессе обучения и воспитания преследовалась лишь цель слепого их повиновения. Дисциплинарная практика строилась на жестокости, часто применялись телесные наказания.

Среди унтер-офицерского состава русской армии выделялся фельдфебель. Это - высшее унтер-офицерское звание и должность в пехотных артиллерийских и инженерных частях. Обязанности и права фельдфебеля в русской армии на тот период были гораздо шире, чем в европейских армиях. Вышедшая в 1883 г. инструкция определяла ему в обязанностях быть начальником всех нижних чинов роты. Он подчинялся ротному командиру, являлся его первым помощником и опорой. Отвечал за порядок во взводе, нравственность и поведение нижних чинов, за успехи обучения подчиненных и в случае отсутствия ротного командира его замещал. Фельдфебелю подчинялись все младшие и старшие унтер-офицеры роты. Вторым по значимости являлся старший унтер-офицер – начальник всех нижних чинов своего взвода. Он по приказанию фельдфебеля назначал нижних чинов в наряды на службу и на работы, проводил вечернюю перекличку, взводные унтер-офицеры докладывали фельдфебелю обо всем случившемся за день в расположении вверенных подразделений.

Унтер-офицерский корпус набирался из солдат, изъявивших желание по истечении срока срочной службы остаться в армии по найму, т.е. сверх-срочнослужащими. До появления института сверхсрочнослужащих, из которых формировался унтер-офицерский состав, обязанности помощников офицера выполняли нижние чины срочной службы.

Категория сверхсрочнослужащих, по замыслу военного командования, должна была решить задачи снижения некомплекта рядового состава и формирования резерва унтер-офицерского корпуса[1].

[1] Скобликов С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 136.

Не все унтер-офицеры были образцовыми: «Стрелок не строевой роты 44-го Сибирского стрелкового полка Ксенофонт Бурков, приказом по дивизии с.г. № 11 лишенный унтер-офицерского звания, вследствие возбужденного командиром полка ходатайства, за хорошее поведение и знания службы, переименовывается в унтер-офицерском звании, а младший унтер-офицер того же полка Петр Дербушев лишается унтер-офицерского звания как не соответствующий сему званию. Основание: ст. 78. Кн. VII С.В.П. 1869 г. изд. 2-е и ст. 31 Устава Дисциплинарного»[1].

Руководство военного министерства стремилось оставить в армии как можно больше солдат (ефрейторов), а также срочных унтер-офицеров на сверхсрочную службу, при условии, что по своим служебным и нравственным качествам они будут полезны для армии. В это время в военном ведомстве отмечалась потребность создания в войсках прослойки опытных инструкторов, необходимых при тех коротких сроках службы и больших требованиях, предъявляемых к нижним чинам в армии после военной реформы. «…От хорошего унтер офицера войска потребуют известной доли развитости: хороших служебных знаний, как практических так и теоретических; необходимой нравственности и хорошего поведения; а главное - известного склада характера и способности управлять подчиненными ему людьми и умения вселить в них полное к себе доверие и уважение…»,[2] – так писали на страницах «Военного сборника» офицеры армии, интересовавшиеся проблемой подготовки унтер-офицерских кадров.

По принятии прошения сверхсрочнослужащие начинали выполнять роль младших командиров в строевых частях. Проведя несколько лет в таком качестве и хорошо зарекомендовав себя, они могли надеяться на получение унтер-офицерского звания. Отбор сверхсрочнослужащих в унтер-офицеры производился очень серьезно. На солдата, намеченного в кандидаты, обращалось особое внимание, его испытывали на всех должностях будущей деятельности. «Чтобы

[1] ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
[2] Военный сборник. СПБ., 1887. Т. CLXXVIII. С. 76.

нижние чины получили практическую подготовку в команде, для этого необходимо, чтобы она имела свое отдельное хозяйство, конечно, при этом нужно прибавить в постоянную кадру одного унтер-офицера, исправляющего должность каптенармуса и четырех рядовых на должности писаря, конюха, хлебопека и кашевара; к этим лицам прикомандировываются все нижние чины переменного состава по очереди и исправляют их должности, под наблюдением и ответственностью кадровых чинов. Вообще дело надо вести так, чтобы каждый из нижних чинов переменного состава перешел все должности и назначения, какие только полагается исправлять нижним чинам»[1]. Случалось и по-другому: испытательный срок «сверхсрочнослужащего» заканчивался увольнением, поскольку солдат оказывался непригоден для исполнения обязанностей начального командира. Вплоть до середины XIX века никаких специальных школ или курсов для унтер-офицеров не существовало, поэтому специально обучать их было негде.

С конца 1860-х годов подготовка унтер-офицеров для русской армии осуществлялась в полковых учебных командах со сроком обучения 7,5 месяцев. В эти учебные подразделения направлялись нижние чины, показавшие способности к службе, не имеющие дисциплинарных проступков и по возможности грамотные, а также «получившие отличие в боях». Преподавание носило по преимуществу практический характер. Из каждой роты назначались пять-шесть человек, успешно обучавшихся в ротных школах и подходящих для подготовки в унтер-офицеры. В команду назначались три унтер-офицера, из которых один исполнял должность фельдфебеля, а два других взводных командиров, два ефрейтора – тоже на правах взводных командиров, два обер-офицера – на правах субалтерн-офицеров, и начальник команды, тоже из числа младших офицеров части, на правах ротного командира.

Главную роль в воспитательном процессе унтер-офицера играл офицер. М.И. Драгомиров, военный теоретик и педагог второй половины XIX в., с

[1] Сущинский Ф. Унтер-офицерский вопрос в нашей армии // Военный сборник. СПБ., 1881. № 8. С. 331.

успехом применявший в армии разработанные им принципы обучения и воспитания войск, писал по этому поводу: «Офицеру нужно настойчиво работать; сначала чтобы сформировать унтер-офицеров, а потом для того, чтобы неустанно следить за деятельностью этих малоопытных и беспрерывно меняющихся помощников. Он постоянно должен помнить, что в разъяснениях уставать нельзя. Чего он сам не сделает, не объяснит, не укажет, никто за него не сделает»[1]. По окончании учёбы нижние чины возвращались в свои части. Выдержавшие выпускной экзамен по представлению непосредственных начальников и приказом командира полка производились в младшие унтер-офицеры и назначались на вакантные должности.

В 1887 г. в Риге был создан учебный батальон для более качественной подготовки унтер-офицеров. Подготовка унтер-офицеров в специальных школах вне войск имела свои достоинства и недостатки, которые уже были известны из опыта иностранных армий. Обучение имело 2-годичный срок, из них выпускались преимущественно старшие унтер-офицеры и фельдфебели. Предполагалось со временем создать такие учебные батальоны-школы во всех военных округах, но ввиду большой финансовой стоимости проекта это так и не было сделано. В 1911 г. прекратил своё существование и Рижский учебный батальон. Тем не менее, количество унтер-офицеров быстро росло.

Речь шла в первую очередь о сверхсрочных унтер-офицерах, которые имели несомненные преимущества в сравнении с унтер-офицерами срочной службы. «Сокращенные сроки службы имеют в этом вопросе то громадное значение, что время подготовки унтер-офицера, должно быть, возможно непродолжительно, так как иначе он не успеет вознаградить своею службой потраченных усилий на его подготовку, как уже уходит в запас; да, кроме того, более продолжительная служба безусловно необходима и для самих унтер-офицеров, так как служебный опыт конечно значительно способствует их усовершенствованию. Вот почему две задачи – подготовка унтер-офицеров и сохранение их на действительной службе

[1] Никульченко А. О средствах завести хороших унтер-офицеров // Ориентир. 2013. № 7. С. 77.

сверх срока – всегда идут рука об руку, потому то и заметно стремление к такого рода учреждениям, которые, подготовляя унтер-офицеров, обязывали бы их вместе с тем к известному, более или менее продолжительному сроку службы, сверх обязательной»[1].

Финансовые средства, выделяемые Военным ведомством на создание прослойки сверхсрочных унтер-офицеров являлись сравнительно небольшими. Поэтому отставание в таких кадрах от соседей являлось очень заметным. Так, в 1898 г. сверхсрочных строевых унтер-офицеров насчитывалось: в Германии – 65 тыс., во Франции – 24 тыс. в России – 8,5 тыс. чел.[2]

Вместе с тем, армия была заинтересована в сверхсрочнослужащих, поэтому заботилась о них и с помощью достаточного обеспечения из государственной казны. К примеру, «Положением о сверхсрочной службе нижних чинов в пограничной страже» 1881 г. нижним чинам пограничной стражи, для повышения служебного авторитета сверхсрочнослужащих унтер-офицеров старших званий предписывалось обеспечить их более высокий материальный быт и социальный статус. В соответствии с «Положением», сверхсрочные нижние чины пограничной стражи унтер-офицерского звания, в том числе старшие и младшие вахмистры (фельдфебели) в отрядах и учебных командах, и унтер-офицеров, занимающих должности других младших командиров получали денежное вознаграждение и добавочное жалованье к штатному содержанию. В частности, в первый год по поступлении на сверхсрочную службу – старшему вахмистру полагалось 84 руб., младшему вахмистру – 60 руб.; во второй год – старшему вахмистру – 84 руб., младшему вахмистру – 60 руб.; в третий год – старшему вахмистру – 138 руб., младшему вахмистру – 96 руб.; в четвертый год – старшему вахмистру – 156 руб., младшему вахмистру – 108 руб.; в пятый год – старшему вахмистру – 174 руб., младшему вахмистру – 120 руб.

---

[1] Военный сборник. СПБ., 1887. Т. CLXXVIII. С. 74.

[2] Чиненный С. Унтер-офицеры Русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 61.

При дальнейшем продолжении сверхсрочной службы добавочное содержание не увеличивалось, а производилось в том размере, в каком определено для пятого года сверхсрочной службы. Сверх установленного выше добавочного жалованья каждому старшему и младшему вахмистру, пробывшему в названных должностях непрерывно два года, выдавалось по окончании второго года сверхсрочной службы единовременное пособие в размере 150 руб., а также по 60 руб. ежегодно[1]. Аналогичная же тенденция прослеживается и по другим родам войск.

Расширялись также и права унтер-офицеров, для них устанавливался ряд бытовых льгот. Фельдфебелю, например, в расположении роты предоставлялась отдельная комната, а старшим унтер-офицерам роты – комната на двоих. Им было разрешено жениться и размещать семьи вблизи от гарнизонов. Кроме того, строевые сверхсрочнослужащие за безупречную службу жаловались медалью с надписью «За усердие» и знаком ордена Святой Анны, а по увольнении назначалась повышенная пенсия. Чтобы заинтересовать в службе и подчеркнуть начальствующее положение унтер-офицеров среди нижних чинов, им выдавались необходимое обмундирование и особые знаки различия.

После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. вопрос комплектования армии унтер-офицерами из числа сверхсрочнослужащих стал еще более актуальным. Государство и далее предпринимало шаги по финансовому стимулированию по их привлечению на службу. Ежегодное добавочное жалованье увеличивалось до 400 руб. в зависимости от звания и продолжительности службы, предусматривались другие материальные преимущества; квартирные деньги в размере половины от норм для офицерского состава; пенсия за 15 лет службы в размере 96 руб. в год[2].

В 1911 г. для унтер-офицеров были введены войсковые школы, в которых они готовились к званию подпрапорщика. Там они обучались исполнению

---

[1] Военный сборник. СПБ., 1892. Т. CCV. С. 135.

[2] Оськин М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 46.

должности командира отделения и взвода, чтобы на войне заменять младших офицеров, командовать взводом в боевой обстановке, а в случае необходимости – ротой.

По «Положению о нижних чинах строевой сверхсрочной службы» 1911 г., они разделялись на два разряда. Первый – подпрапорщики, произведенные в это звание из строевых сверхсрочных унтер-офицеров. Они обладали значительными правами и преимуществами. Второй – унтер-офицеры и ефрейторы – пользовался несколько меньшими правами. Подпрапорщики в строевых частях занимали должности фельдфебелей и взводных (старших унтер-офицеров). Ефрейторы производились в младшие унтер-офицеры и назначались командирами отделений. Сверхсрочнослужащие унтер-офицеры производились в подпрапорщики при двух условиях: прослужить в должности взводного в течение двух лет и успешно окончить курс войсковой школы для унтер-офицеров.

Стать унтер-офицером в российской армии могли также вольноопределяющиеся. Вольноопределяющийся – это человек, как правило, со средним, реже с высшим образованием, изъявивший добровольное желание пройти военную службу в армии или во флоте. В российской армии было два разряда вольноопределяющихся. К первому относились студенты, полностью или частично окончившие курс высшего учебного заведения, а также лица, имевшие образование в объеме не менее 6 классов среднего учебного заведения. Срок их службы определялся одним годом. Ко второму относились лица, сдавшие экзамены в объеме 4 классов среднего учебного заведения. Срок службы таких вольноопределяющихся составлял 2 года. Вольноопределяющиеся пользовались рядом льгот, проживали в отдельном помещении, часто в частных квартирах, а не в казарме[1].

Однако настоящим испытанием для корпуса унтер-офицеров русской армии стала первая мировая война. Проблема кадров возникла уже к концу 1914 г., когда

[1] Сборник законоположений по отбыванию воинской повинности вольно-определяющимися и охотниками / Сост. М.В. Андрушкевич. – Кутаис: Тип.-лит. М.И. Гамрекели, 1899.

командование, к сожалению, ещё не задумывалось о сбережении кадров. При первой мобилизации в ряды действующей армии было призвано 97%, обученных военнообязанных, предпочтение отдавалось унтер-офицерам запаса, которые, как правило, имели лучшую подготовку по сравнению с рядовыми запасными. Поэтому в рядовой состав первого стратегического эшелона вливали максимум унтер-офицеров запаса. Необходимо отметить, что в боевой обстановке подавляющее большинство унтер-офицеров отличалось отменной храбростью. Они увлекали за собой солдат, редко в сложной боевой обстановке падали духом. В итоге получилось, что весь ценнейший младший командный состав был почти полностью уничтожен в первых военных операциях[1].

Впоследствии, в условиях войны предпринимались меры по выправлению положения с унтер-офицерским составом. Так, например, осенью 1914 г. при каждой отдельной боевой части для подготовки необходимого числа строевых нижних чинов переменного состава запасных частей к исполнению унтер-офицерских обязанностей создавались т.н. «учебные команды военного времени».

Ещё одной мерой, с помощью которой пытались бороться с нехваткой младшего командного состава, являлось увеличение института вольноопределяющихся, в армию стали набирать так называемых добровольцев-охотников. Согласно императорскому указу от 25 декабря 1914 г. охотниками на службу принимались отставные подпрапорщики и сверхсрочные унтер-офицеры. Отступление русской армии в 1915 г. и связанная с этим убыль унтер-офицеров в боях еще более обострила проблему нехватки младших командиров в боевых частях. Только зимой 1916 г. русская армия получила передышку и стала готовиться к предстоявшей кампании. Немаловажная роль была отведена обучению кадров. Это было уже время, когда все те нижние чины, которые имели командирские задатки, отправлялись в школы младших офицеров – прапорщиков, на долю же унтер-офицерских кадров оставалось совсем немного. Всего в годы

[1] Оськин М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 46.

Первой мировой войны 30 тыс. унтер-офицеров за боевые отличия были произведены в офицеры военного времени – прапорщики.

Состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии во второй половине XIX – начале XX вв. оценивалось как удовлетворительное. Результатом этого явился не только труд офицера, но и усилий унтер-офицерского корпуса.

Основными нарушениями воинской дисциплины в армии в этот период со стороны нижних чинов были побеги, кражи, растрата казенного имущества и нарушения воинского благочиния. Случались оскорбления унтер-офицеров, в редких случаев оскорбления на словах офицеров.

По общему убеждению военных чиновников, проводивших инспектирование армейских частей, следовало, что состояние воинской дисциплины было бы еще более крепким, если бы офицерам и унтер-офицерам удалось изжить среди солдат пьянство. Оно-то и являлось первопричиной многих воинских преступлений и нарушений. Однако, нравственные качества были невысоки и у самих унтер-офицеров. Часть из них тянулась к спиртному, что дурно сказывалось на поведении подчиненных. Также не все они обладали знаниями по руководству подчиненными.

В порядке наложения дисциплинарных взысканий унтер-офицеры имели такие же права, как и обер-офицеры, допускались в офицерские собрания. Лишение этого звания производилось начальником дивизии или лицом равной с ним власти с соблюдением необходимых норм законодательства за совершенные преступления. Также по той же причине, и по приговору суда, могло быть приостановлено и производство в унтер-офицеры – вот выдержка из приговора полкового суда 9-го гренадерского Сибирского полка о рядовом 78-го резервного пехотного батальона «…потому суд приговорил подсудимого рядового Алексеева к аресту на хлебе и воде на три недели с увеличением обязательного пребывания в разряде штрафованных на один год и шесть месяцев и с лишением, на основании

598 ст. I кн. II ч. С. В. П. 1859 года, права быть произведенным в офицеры или унтер-офицеры, за исключением случая особого военного подвига...»[1].

Для более качественного исполнения унтер-офицерами своих обязанностей, военное министерство издавало для них немало различной литературы в виде методик, инструкций, наставлений. В рекомендациях унтер-офицеры призывались «выказывать подчиненным не только строгость, но и заботливое отношение», «не допускать в обращении с подчиненными раздражения вспыльчивости и окриков, а также держать себя на известном расстоянии с подчиненными», «учить своих солдат бережливости к военному имуществу», «быть примером в службе и внешней аккуратности». Призывали «помнить, что русский солдат в обращении с ним любит того начальника, которого считает своим отцом».

Обучение на курсах и в полковых школах приносило пользу. Среди унтер-офицеров было немало одаренных младших начальников, которые умело, в достойной и образной форме разъясняли своим подчиненным основы военной службы, ее ценности, понятие долга и обязанности.

Овладевая знаниями и приобретая опыт, унтер-офицеры становились хорошими помощниками офицеров в решении стоящих перед ротами и эскадронами задач, в частности, укрепления воинской дисциплины, проведения хозяйственных работ, обучению солдат грамоте, а новобранцев национальных окраин - знанию русского языка. Усилия приносили свои плоды - процент неграмотных солдат в армии сокращался. Если в 1881 г. их было 75,9%, то в 1901 г. – 40,3%[2].

Еще одним направлением деятельности унтер-офицерского состава, где они особенно преуспевали, явились хозяйственные работы, или, как их еще называли, «вольные работы». Плюсы состояли в том, что зарабатываемые солдатами деньги шли в полковую казну и даже часть – офицерам, унтер-офицерам и нижним

[1] Военный сборник. СПБ., 1887. Т. CLXXVIII. С. 63.

[2] Никульченко А. О средствах завести хороших унтер-офицеров // Ориентир. 2013. № 7. С. 77.

чинам. Зарабатываемые средства улучшали солдатское питание. Однако негативная сторона хозяйственных работ была значительной. Выходило так, что вся служба многих солдат так и проходила в цейхгаузах, хлебопекарнях, мастерских. Солдаты многих частей, например, Восточно-Сибирского военного округа, нагружали и разгружали суда с тяжелыми интендантскими и инженерными грузами, исправляли телеграфные линии, ремонтировали и строили здания, выполняли работы при партиях топографов. «Все это было далеким от боевой подготовки и не могло не оказывать дурного влияния на ход воинского образования частей», – писал командующий войсками этого округа.

Как бы то ни было, унтер-офицерский состав русской армии сыграл свою положительную роль в подготовке, обучении и боеспособности войск в период середины XIX – начала XX вв. Тот же Г.К. Жуков, который сам в 1914–1916 гг. был унтер-офицером, довольно высоко отзывался о русском унтер-офицерском корпусе и системе его подготовки. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» он говорил: «Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу»[1].

Подготовка, обучение и воспитание личного состава в армии всегда представляла собой нелегкую задачу в военном строительстве. Унтер-офицерский состав с момента своего появления сыграл важную роль в обучении нижних чинов военному делу, поддержании порядка и дисциплины, образовании, нравственном и культурном их воспитании. На наш взгляд, трудно переоценить значение корпуса унтер-офицеров в русской армии в период середины XIX – начала XX вв. когда ему пришлось решать двуединую задачу – помощника офицера и роль ближайшего командира для нижних чинов, особенно в годы суровых военных испытаний. И он с этой задачей справился.

[1] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 54.

2.3. Воинская дисциплина и система наказаний в российской армии

Состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии во второй половине XIX – начале XX веков оценивалось воинскими начальниками того времени как вполне удовлетворительное. По докладным командующих войсками военных округов России во вверенных частях «важных нарушений не было». «Главные нарушения со стороны нижних чинов – побеги, кражи, растрата казенного имущества и нарушения воинского благочиния. Большинство этих происшествий совершается в нетрезвом состоянии. Другие нарушения: оскорбление своих унтер-офицеров, несколько редких случаев оскорбления на словах офицеров» – отмечал Командующий войсками Московского военного округа генерал-адъютант А.И. Гильденштуббе при инспектировании войск[1].

В 1875 г. по докладу командующего войсками Одесского военного округа «воинская дисциплина поддерживалась строго. Число штрафованных нижних чинов составило 675 чел. или 11,03 на 1000 чел. среднего списочного состава»[2].

Вместе с тем, наибольшее число нижних чинов осуждались за преступления по службе. По данным, опубликованным в Военном сборнике за 1890 г. по годам – 1886, 1887, 1888: «за уклонение и побеги из службы соответственно осуждено – 874, 1801, 988, преступления против службы и дисциплины – 1998, 3499, 1798, пьянство растрату, порчу казенных вещей и вообще дурное поведение – 524, 869, 552, преступления против порядка управления – 0, 8, 3; преступления против имущества и доходов казны – 0, 6, 10; преступления против жизни, здоровья и

[1] Чиненный С. Унтер-офицеры Русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 63.
[2] Там же. С. 63.

чести частных лиц – 0, 19, 15; преступления против собственности частных лиц – 52, 93, 64»[1].

Нужно отметить, что ближе к концу XIX в. в структуре судимости нижних воинских чинов происходят некоторые качественные изменения. Анализ судебной практики показал тенденцию к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. Так, если в 1872 г. суд приговорил 137 рядовых и унтер-офицеров к смертной казни, каторжным работам или ссылке, то в 1880 г. был вынесен лишь 61 подобный приговор[2]. В то же время наблюдалась тенденция к совершению большего количества преступлений против собственности. В период с 1889 по1894 г. они составляли 49,8%, преступления против личности – 21,1%, преступления служебные и против порядка управления – 7,4%, религиозные преступления – 0,9%, остальные преступления (бродяжничество, преступления против нравственности и др.) – 20,8%[3]. Это было связано с введением в действие в армии дисциплинарного Устава, позволявшего нарушения по службе регулировать в дисциплинарном порядке и не доводить их до суда.

Одной из причин правонарушений, совершавшихся в войсках современные исследователи правоотношений в армии того времени называют низкую правовую культуру личного состава, а также уровень правовой подготовки многих офицеров, незнание большинством рядовых и унтер – офицеров своих прав и обязанностей[4]. При этом среди нижних чинов преступники составляли менее 1% от всех военнослужащих, среди офицеров значительно меньше – около 0,15%, что свидетельствует об очень низком уровне преступности в вооружённых

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 139.

[2] Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1872 г. СПб., 1874; 1880; 1882 г.

[3] Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / Сост. Е.Н. Тарновский. СПб., 1899. 407 с.; Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 22.

[4] Крылов М.В. Формирование основ правовой культуры в русской армии во второй половине XIX – XX веков // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 41.

силах[1]. Это было возможным, прежде всего, благодаря труду офицеров и унтер-офицерского корпуса. В отчетах инспекторов при проверках воинских частей часто делались отметки, что состояние воинской дисциплины было бы еще более крепким, если бы командирам удалось изжить среди солдат пьянство, которое в большинстве своем и являлось первопричиной всех воинских преступлений и нарушений.

Конечно же, не все нарушения, случавшиеся в армии, фиксировались официальной статистикой, чаще всего, это касалось проступков, связанных со злоупотреблением служебным положением, пьянством и рукоприкладством[2]. Следует отметить, что судебную статистику в России начали вести с 1871 г. С этого времени она стала использоваться в качестве инструмента для анализа состояния, структуры и динамики преступности в армии. В военно-судебном ведомстве сбором и анализом статистических сведений занималось Главное военно-судное управление. Данные поступали из трёх источников: окружных штабов (о работе полковых судов), военно-окружных судов и из Главного военно-судного управления[3].

Немаловажное значение для регулирования уровня преступности в армии играла уголовная политика государства, в том числе, в области военного законодательства. Основным направлением развития военно-уголовного законодательства в первой половине XIX в. являлась кодификация, т.е. издание свода всех военно-уголовных законов на основе Воинского устава Петра I с учётом накопившихся изменений. По мере накопления изменений законодательства, которое фиксировалось ежегодно, переиздавался весь Свод военных постановлений. Всего вышли три редакции Свода военных

---

[1] Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 22.

[2] Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 44.

[3] Статистические сведения о преступности военнослужащих издавались в ежегодном отчёте Главного военно-судного управления. Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства… С. 22.

постановлений: в 1838, 1859 и 1869 гг. Издание 1869 г. представляло собой качественно иное собрание военного законодательства. Свод военных постановлений 1869 г. переиздавался 5 раз, последняя книга была издана в 1918 г.[1] С середины XIX в. в России назрела необходимость унификации и приведения в соответствие уголовного и военно-уголовного законодательства. Эта работа продолжалась в течение 20 лет, начиная с 1846 г.

Целью новой уголовной политики явился переход от карательной направленности уголовной ответственности к исправительной, что выразилось в ограничении смертной казни, отмене пыток. Также были ограничены, а затем и вовсе отменены телесные наказания, распространенные широко в армии почти до середины XIX в.[2]

Воинский устав о наказаниях вошёл в Свод военных постановлений 1869 г., состоял он из 6 частей и 24 книг. Военно-уголовные законы были собраны в отдельной части – «Военно-уголовные уставы», куда входили три устава: о наказаниях, дисциплинарный и военно-судебный. Воинский устав о наказаниях и устав военно-судебный составляли также отдельные книги. Кроме того, в части «Военные заведения» была помещена книга о «Заведениях военно-тюремных»[3]. В 1867 г. был введён также Военно-морской судебный устав, а в 1868 г. – Военно-морской устав о наказаниях взамен Свода морских уголовных постановлений, но полностью он был издан лишь в 1886 г. К нему были изданы 11 продолжений, вплоть до 1917 г.[4]

Военно-морской устав о наказаниях практически полностью повторял Воинский устав о наказаниях с изменениями, характерными для службы в Военно-морском флоте. В нём содержался ряд составов преступлений,

---

[1] Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 12.

[2] Скобликов С.В. Система наказаний в русской армии для нижних воинских чинов во второй половине XIX – начале XX в. // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 5. № 2. С. 5.

[3] Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства… С. 19.

[4] Там же. С. 22.

посягавших на порядок прохождения военно-морской службы. На этом все различия между морским уголовным и военно-уголовным законодательствами заканчивались. Главным различием являлась сфера применения по кругу лиц – чинов военного ведомства и чинов морского ведомства.

Военно-судебная реформа сопровождалась формированием системы органов военной юстиции, которая представляла собой совокупность, военно-судебных органов, военно-полицейской службы и военно-пенитенциарной системы. Военные прокуроры и военные следователи состояли при военных судах.

Военно-окружные суды были учреждены в России Военно-судебным уставом 1876 г. и открывались в округах по мере введения этого устава в действие. В Сибири первый окружной суд появился 1 сентября 1889 г. Им стал Омский окружной суд. Это судебное учреждение, которому были подведомственны дела о преступлениях офицеров, нижних чинов, военных чиновников, а также гражданских лиц, обвиняемых в соучастии с военнослужащими. Во главе его стоял председатель, подчинявшийся непосредственно командующему войсками округа. Местопребывание следователей располагалось наряду с Омском также в Томске, Тобольске и Семипалатинске. При военно-окружном суде существовал военно-прокурорский надзор, возглавляемый военным прокурором. В этом же году были созданы Иркутский и Приамурский военно-окружные суды[1].

В состав военно-пенитенциарной системы входили: 1) дисциплинарные батальоны, роты и команды; 2) военные тюрьмы и тюремные отделения; 3) тюремные заведения морского ведомства; 4) крепости; 5) гауптвахты.

Военно-пенитенциарная политика в отношении рядовых характеризовалась введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых

[1] Гефнер О.В.Военное управление в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начале XX веков)… С. 63.

отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. Все наказания делились на уголовные, исправительные и дисциплинарные.

По воинскому уставу о наказаниях определены был наказания уголовные и исправительные: уголовные–каторжные работы в рудниках на время от 12-ти до 20-ти лет и без срока, каторжные работы в крепостях на время от 8-ми до 12-ти лет и каторжные работы на заводах на время от 4-х до 8-ми лет; ссылка на поселение в Сибирь и заключение в крепости на время от 10-ти до 20-ти лет. Первые два вида наказания, – каторжные работы и ссылка, – сопровождались всегда лишением всех прав состояния; заточение же в крепости, назначаемое исключительно за воинские преступления, не влекло за собой лишения всех прав состояния, но сопровождалось всегда исключением из службы с лишением чинов.[1]. Наказания исправительные, в зависимости от служебного положения виновного и того обстоятельства, сопряжен ли проступок или преступление с нарушением обязанностей военной службы или нет, для нижних чинов назначались за преступления, не сопряженные с нарушением обязанностей военной службы: а) для пользующихся, особенными правами состояния – ссылка на тех же основаниях, что и для офицеров, и одиночное заключение в военной тюрьме, с потерей некоторых прав и преимуществ по службе; б) лишение унтер-офицерского или ефрейторского звания; в) лишение приобретенного прежней службой права на получение прибавочного жалованья; г) лишение права, за исключением лишь случая отличного подвига, на получение знаков отличия впредь до прощения понесенного штрафа, на время от одного до четырех месяцев; д) для не пользующихся особенными правами состояния – отдача на время в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства, с лишением воинского звания, исключением из службы и потерей всех особенных прав и преимуществ лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных; заключение в рабочем доме, с теми же последствиями, и одиночное заключение в

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 114.

военной тюрьме[1]. За преступления по службе назначались те же наказания, указанные выше, но к ним присоединялись еще для нижних чинов, пользующихся особенными правами состояния, а также и не пользующихся ими, отдача в дисциплинарные батальоны и роты, на время от одного года до трех лет, с потерей лишь некоторых прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных или службой приобретенных. Отдача в дисциплинарные батальоны и роты, кроме упомянутой потери некоторых прав и преимуществ, не влекла за собой исключения из военного ведомства, но осужденные лишались знаков отличия, сохраняя лишь медали за участие в войнах и походах и кресты, равного с ними достоинства, а не пользующиеся особенными правами состояния – переводились в разряд штрафованных.

Встречались и отдельные случаи отказа от военной службы. Так, например, в Государственном архиве Томской области сохранилось «Дело по обвинению рядового И. Плотникова в отказе от военной службе и жалобе на офицера»[2].

Смертная казнь, применялась за наиболее тяжкие преступления и практически все преступления, совершенные в военное время. Ссылка, назначалась за тяжкие преступления и при отягчающих обстоятельствах, часто применялось за совершение должностных преступлений. Каторжные работы, назначались бессрочно или на определённый срок с работой в рудниках, крепостях и на заводах за совершение наиболее тяжких преступлений. Также практиковались такие методы наказания как перевод в разряд штрафованных.

В ряду учреждений, служащих для отбывания нижними воинскими чинами наказаний, влекущих за собой лишение свободы, главное место занимали дисциплинарные батальоны, роты и военные тюрьмы. Наиболее распространённым наказанием нижним чинам на практике являлось содержание в дисциплинарной воинской части. Это наказание назначалось за незначительные преступления, связанные с воинской службой «…начальник конвоя Дмитрий

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 114.
[2] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–15.

Грязнов, Герасим Коротаев, Николай Дедюхин, Иван Грамотчиков, Петр Пиляев при конвоировании каторжного арестанта нарушили устав караульной службы, следовали из Барнаула в Змеиногорск и по пути нанялись на работу к крестьянину деревни Плотава Ивану Пермякову за 40 коп. Вследствие этого, арестованы и осуждены военным судом к 3-м годам Дмитрий Грязнов как старший конвоя и 1-му году каждый из конвоиров, следовавшие с ним - направлены для отбывания наказания в Омскую дисциплинарную роту»[1].

Отмечались и случаи побегов: «В ночь с 29-го на 30-е апреля с. г. из общей камеры полковой гауптвахты 42-го Сибирского стрелкового полка бежали содержавшиеся арестованные стрелки того же полка Яков Ляпунов и Федор Панагушин. Через окно камеры у двух арестованных, лежащих на нарах у внутренней стены видны только одни ноги, воспользовавшись этим и сделав чучела из шинелей, стрелки Ляпунов и Панагушин, забрались под нары, оторвали две доски в полу и, подкопав стены, бежали. Виновным в допущении побега является весь состав караула от 6-й роты 42-го Сибирского стрелкового полка, охранявшего арестованных, за что виновные после окончания предварительного следствия понесут должные наказания по суду»[2].

Дисциплинарные бригады впервые были учреждены в 1868 г. и созданы с целью «…выделения порочных нижних чинов, имеющих вредное влияние на других служащих в ротах солдат, и в подчинении этих порочных более усиленным мерам исправления, путем постоянного труда и строгого надзора…»[3]. До этого времени существовала практика определения нижних чинов из гвардии, гренадеров и жандармов в «штрафонные» и перевода их в армию, что носило определенные неудобства с точки зрения поддержания дисциплины в частях, куда они определялись, и назрела необходимость выделения их в отдельные команды. Первоначально они формировались как рабочие бригады для использования в трудных работах в Новороссийском крае и на Кавказе, а затем и в других

[1] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–15.
[2] ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.
[3] Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 257.

местностях по линиям строящихся железных дорог, в том числе и Сибири, при этом учитывались интересы войск, которые могли выделить из своего состава порочных нижних чинов.

На эту тему подготовлен был специальный доклад главного штаба, в котором говорилось, «…что в 1868 году кроме выделенных 8,500 человек штрафованных в рабочие бригады, в среде войск остается еще до 13,500 человек порочных нижних чинов, вредное влияние которых, на безпорочно-служащих, и особенно на молодых солдат, несомненно»[1].

В то же время командование понимало, что большое количество «нравственно-испорченных людей» в рабочих бригадах затрудняет над ними строгий надзор, а, следовательно, и их исправление. Кроме того, существовала проблема обеспечения их постоянной работой. Все это требовало новой организации процесса перевоспитания нижних чинов. На усмотрение окружного руководства, и в соответствии с условиями и потребностями войск, командование военного ведомства предоставляло право отделять штрафованных нижних чинов от строевого состава и определять их в особые дисциплинарные команды для производства работ под руководством офицера и назначенных нижних чинов, чтобы из казны не пришлось выделять дополнительных средств и чтобы число нижних чинов, как «…штрафованных так и выделенных для надзора не наносило ущерба строевому составу при организации гарнизонной службы в городах…»[2].

Дисциплинарные команды размещались при полковых штабах, в домах, нанятых земством, отдельно от караульных и других частей. При строевой роте имелись два состава – наблюдательный для присмотра за «порочными» и переменный из штрафованных нижних чинов. В штатном составе дисциплинарной команды состояли начальник команды, назначавшийся из числа ротных командиров нестроевых частей, субалтерн-офицер полка с правами ротного командира, фельдфебель нестроевой роты, фельдфебель команды. При

[1] Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 255.
[2] Там же С. 257.

необходимости с каждой линейной роты для надзора за штрафованными прикомандировывались по одному унтер-офицеру или рядовому, отличавшихся «умственным развитием и примерною нравственностью, полным сознанием службы, твердым характером и энергией»[1].

Артельщик выбирался из постоянного состава команды. В дисциплинарную команду поступали нижние чины разряда штрафованных, не «подающие надежды к исправлению», военно-срочные арестанты по прибытии в полк и другие, прибывающие штрафованные, чье поведение еще не выяснено. Все чины, содержащиеся там, находились без ограничения времени на усмотрение командира полка. В отношении тех, которые отличились примерным поведением, предусматривались «представления о прощении» или сокращении сроков пребывания в команде. Назначение же в дисциплинарную команду и возвращение назад в роту зависело только от командира полка. Нижние чины, в отношении которых были исчерпаны и безуспешны все меры административного и дисциплинарного воздействия для их исправления предавались военно-окружному суду за «неисправимо-дурное» поведение для перевода в военно-исправительные роты. Для содержащихся в командах нижних чинов предусмотрено было по усмотрению командира полка и командира роты произведение работ под надзором. Они состояли из носки воды для кухни, мытья полов, пилки и рубки дров, топки печей, очистки казарм, дворов и сорных ям, сапожного, портняжного, плотничного производства и т.д. из числа необходимых для жизнедеятельности войск. Кроме того, штрафованные нижние чины определялись и на работы за денежное вознаграждение по особому разрешению командира полка. Вне зависимости от работ, нижние чины должны были упражняться в одиночном обучении, а также в гимнастике и фехтовании, в грамоте и изучении прочих необходимых для солдата сведений, а также наставлялись в религиозном и нравственном отношении полковым священником. В караул, патрули и конвой нижние чины дисциплинарных команд не

[1] Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 257.

назначались, однако участвовали в составе своих рот во время сборов во всех строевых учениях и стрельбах. За проступки во время нахождения в командах подвергались взысканиям, определенным дисциплинарным положением без всяких изменений. Выходных, праздников, увольнений нижним чинам не полагалось, кроме как к обедне и только всей командой. Деньги, заработанные «порочными нижними чинами» полностью поступали в особую хозяйственную часть и расходовались по указанию начальника дивизии на необходимый инструмент и исправление одежды, выдача денег штрафованным на руки была необязательна и делалась только по усмотрению командира полка и с утверждения начальника дивизии.

Существовали и специальные инструкции командования: «Командирам частей распорядиться, чтобы командиры рот, батарей и сотен и начальник команд, при собрании нижних чинов, разъяснили последним обязанности нижних чинов при задержании нарушителей порядка и указали ответственность по закону, какой они подвергаются за сопротивление распоряжениям полиции и за оскорбления полицейских чинов при исполнении обязанностей службы.(Закон ст. 262и 286 Уложения наказаниях уголовных и исправительных и параграф 98 Устава внутренней службы, издания 1910 г.»[1].

В Западной Сибири тюремные заведения военного ведомства располагались в Омске, Тобольске и Усть-Каменогорске. В частности, в Омске находилась дисциплинарная рота, учрежденная 16 мая 1867 г., когда вместо арестантских рот военно-инженерного ведомства, признанных не оправдавшими своего назначения и устаревшими, были основаны военно-исправительные роты. В ходе этой реорганизации было учреждено 15 рот, одной из которых стала Омская. На момент учреждения она была рассчитана на 110 арестантов, но уже в следующем году штат заключенных был увеличен до 300[2].

---

[1] ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

[2] Афанасьев В. Дисциплинарные роты и батальоны // Военный сборник. 1890. № 7. Ч. 1. С. 120–122.

В 1868 г. было создано особое крепостное военно-арестантское отделение в Усть-Каменогорске, рассчитанное на 200 чел., а также временное военно-арестантское отделение в Тобольске, в которое били направлены около 700 заключенных из расформированных арестантских рот. В 1876 г. Тобольское отделение было упразднено, а его контингент был переведен в Усть-Каменогорск[1].

В 1878 г. вышло положение, по которому военно-исправительные роты были упразднены и заменены дисциплинарными ротами и батальонами. В соответствии с положением, в 1879 г. Омская военно-исправительная рота была переименована в дисциплинарную. Возглавлял роту начальник. Состав нижних чинов был следующим: кадровые – 34, заключенные – 300. Устькаменогорское крепостное военно-арестантское отделение прекратило свое существование в конце 1880-х гг.[2] Дисциплинарная рота находилась в Омске до 1911 г., после чего она была переведена в Усть-Каменогорск[3].

Когда войска находились в сборе, дисциплинарные команды со своими унтер-офицерами располагались при нестроевой роте, в остальное время они размещались отдельно от других нижних чинов полка, казарменно, в зданиях, отводимых от земства, отопление и освещение отпускалось по положению. Основанием служил циркуляр распоряжения министра внутренних дел губернаторам от 25-го октября 1867 года за № 235 «Г. военный министр сообщил министру внутренних дел о необходимости составления, при полковых штабах войск, команд из штрафованных нижних чинов, хотя бы не более как из 50 или 60 чел. В каждой, и потому просит меня предложить гг. губернаторам, чтобы они, с своей стороны, оказывали возможное содействие войскам к сосредоточенному расположению означенных нижних чинов, о таковом ходатайстве генерал-

[1] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 38–39.

[2] Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. III. С. 18–19; Т. IV. С. 509.

[3] Приказы по военному ведомству за 1911 г. СПб., 1911. С. 10.

адъютанта Милютина долгом считаю сообщить Вашему Превосходительству для зависящего от Вас, в чем следовать будет, распоряжения»[1].

Помощник командира нестроевой роты жил отдельно в квартире поблизости от помещений штрафованных. Унтер-офицеры наблюдательного состава располагались в том же доме, где жили «порочные нижние чины», но в отдельных комнатах. Пища для штрафованных приготовлялась отдельно исходя из приварочных денег, без добавления из других сумм. В зависимости от сложности работ, по усмотрению командира и по праздникам пища могла быть улучшенной. Постоянный состав получал более качественную пищу, из норм, положенных фельдфебелям строевых частей, кроме того по усмотрению командира полка они получали особую прибавку к жалованию из заработанных денег. Получали добавочные к столовым деньгам командир роты из расчета 62 руб. серебром и его помощник из расчета 100 руб. серебром[2].

В дисциплинарные роты, в отличие от военно-исправительных, направлялись солдаты преимущественно за военные преступления на срок от одного до трех лет. Большинство заключенных представляли собой людей, не усвоивших правил воинской службы, не сумевших подчиниться строгим требованиям дисциплины. В силу этого основной задачей дисциплинарных рот было приучение заключенных к порядку и соблюдению воинского устава. В основу организации дисциплинарных рот была положена воинская система. При этом, время в заключении засчитывалось в срок действительной службы, а заключенные оставались в списках своих частей. Это делалось для того, чтобы военной службе не придавалось значение наказания. За общие уголовные преступления нижние чины исключались из военного ведомства, лишались воинского звания и помещались в гражданские тюрьмы[3].

---

[1] Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 260.

[2] Там же.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 39.

Строгий распорядок и условия содержания в дисциплинарных командах оказали свое позитивное действие в войсках, заметно уменьшились в ротах преступления, связанные с побегами и воровством нижних чинов из воинских частей. С одной стороны это достигалось тем, что из армии устранялись люди, склонные к нарушению воинской дисциплины и совершению преступлений, с другой профилактическим воздействием на желание не попадать в дисциплинарную команду. «…наблюдения над личностями этого рода показали, что требования педантичной исполнительности относительно внутреннего порядка, строгое обхождение в пределах закона и обязательные работы отвлекли порочных от пьянства и разврата и вывели быстро многих из них на путь исправления…следствием сего было такое заметное возвышение нравственности в порочных нижних чинах, что в первое же полугодие из 114 чел. 32 были обращены в роты и удостоены Высочайше дарованной милости, объявленной в приказе по военному ведомству 1868 года № 149, затем к концу года еще 78 человек были возвращены в роты»[1].

Учреждения эти возникли в российской армии постепенно, по мере изменения законоположений, определявших виды и размеры наказаний для нижних чинов. В 60-х годах XIX столетия признано было необходимым коренным образом изменить российское военно-уголовное законодательство. Источниками его послужили воинские артикулы Петра Великого, а также уголовные законы того времени.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было основным правовым актом, устанавливающим преступность и наказуемость деяний. Однако в военно-уголовном уставе оставались составы преступлений, обусловленных правовым положением военнослужащих и особенностями военной службы. Правда, теперь оно лишалось самостоятельной роли, ему

[1] Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 263.

придавался подчинённый характер, ограниченный по сфере применения. Основным источником уголовного права являлся общегосударственный закон[1].

Все указанные постановления, внесенные в свод без согласования между собой, дополненные или измененные отдельными узаконениями, выходившими по частным случаям в разное время, представляли ряд противоречий, при существовании которых, равно как при неопределенности и неполноте некоторых статей, участь подсудимых часто предоставлялась произволу начальников. С целью исправления недостатков действовавшего военно-уголовного устава, в 1856 г. было начато проектирование нового устава о воинских преступлениях и наказаниях, который стал действовать с мая 1867 г.[2]

Новым для рассматриваемого периода стало введение военно-пенитенциарных учреждений. На основании положений 16-го мая 1867 г. определено было открыть 15 военно-исправительных рот на 5445 арестантов, обратив в состав их 37 военно-арестантских рот. Число арестантов распределялось по ротам следующим порядком: в бобруйской – 1200, в киевской – 700, в динабургской и кронштадтской – по 600 в каждой, в брест-литовской – 400, в свеаборгской – 300, в новогеоргиевской – 225, в рижской, ивангородской, херсонской, бендерской, динаминдской и выборгской – по 200 в каждой и в омской и оренбургской – по 150 в каждой[3]. Однако принятые меры не удовлетворяли потребностей армии в данного рода заведениях, часть рот была реорганизована, также появились новые. В 1869 г. образована еще одна рота на Кавказе, на 400 арестантов, открыто две новые роты – иркутская и константиновская, на 200 заключенных каждая. К началу 1871 г. состояло всего 17 военно-исправительных рот со штатным числом 6800 арестантов; между тем, по спискам, к тому же времени состояло всего 8118 арестантов (4801 разряда

[1] Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 19.

[2] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 116–117.

[3] Там же. С. 119.

исправляющихся и 3317 разряда испытуемых), так что излишек составлял почти 20% штатного числа[1].

Существовали и специальные предписания дисциплинарным судам о производстве военно-судных дел и определении наказаний обвиняемых нижних чинов[2].

Обращено было также внимание на несовершенство в устройстве существовавших тогда арестантских рот инженерного ведомства, которые возникли еще в 1833 г. и, не соответствуя цели своего учреждения – нравственного исправления преступников, служили для многих школой разврата[3].

В арестантские роты инженерного ведомства ссылались нижние чины: 1) приговоренные к крепостным работам навсегда (с лишением военного звания) или же на сроки (без исключения из военного ведомства), 2) назначаемые в арестантские роты на срок для исправления и 3) исключенные из военного ведомства и приговоренные в арестантские. Следовательно, виновные в уголовных тяжких преступлениях и легких нарушениях дисциплины содержались в одном и том же месте, почти при одинаковых условиях.

С целью нравственного исправления заключенных решено было взамен арестантских рот, устроить роты по образцу заграничных военно-рабочих тюрем и вместе с тем заменить телесные наказания для нижних чинов одиночным заключением, предоставив арестантам средства к умственному образованию и приохотив их к труду. Также было принято решение об устройстве военных тюрем для нижних чинов, виновных в маловажных проступках и упущениях по службе, взамен полагавшегося до того времени телесного наказания за эти проступки.

Как писалось в «Военном сборнике» в 1890 г., – «В виду воспоследовавшего 17-го апреля 1863 года Высочайшего повеления об отмене наказания

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 120.
[2] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.
[3] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 126.

шпицрутенами и об ограничении наказания розгами, военному министерству было вменено в обязанность принять меры к скорейшему устройству военных тюрем и исправительных заведений (приказ военного министра 1863 г., № 120-й). Составленные на основании сего проекты положений о военно-исправительных ротах, о тюрьмах военного ведомства и о крепостном арестантском отделении удостоились Высочайшего утверждения в 16-й день мая 1867 года»[1].

Военно-исправительные роты предназначались для содержания нижних чинов, приговариваемых по суду к такого рода наказаниям. Состоявшие в этих ротах нижние чины не исключались из военного ведомства, но время нахождения в них не зачислялось в срок действительной службы. Роты причислялись к составу местных войск и подчинялись начальнику этих войск в округе. Арестанты военно-исправительных рот разделялись на два разряда: испытуемых и исправляющихся; в первый разряд зачислялись все вновь поступавшие в роты, а затем, по прошествии определенного срока, арестанты, если оказывались того достойными, переводились во второй разряд, время пребывания в котором давало право на сокращение срока заключения на одну треть. Арестанты разряда испытуемых содержались половину определенного срока в одиночном заключении днем и ночью; в остальное же время они, равно как и арестанты разряда исправляющихся, содержались в одиночных камерах лишь ночью. Испытуемые арестанты, находившиеся в постоянном одиночном заключении, содержались и занимались работами и физическими упражнениями на одинаковых совершенно основаниях с заключенными в военных тюрьмах. Прочие же арестанты, находившиеся днем совокупно, обязаны были сохранять безусловное молчание. Арестанты использовались на различных работах, занимались упражнениями по строевой подготовке и обучались грамоте. Работы разделялись на хозяйственные и мастеровые внутри ограды здания; последние производились в одиночном заключении, или в отдельно устроенных мастерских. Для занятий полагалось от восьми до десяти часов в сутки. Из чистой прибыли,

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 127.

вырученной от продажи арестантских изделий, 10% обращалось в пользу арестантов[1]. Строевая подготовка проводилась со всеми арестантами ежедневно, кроме находящихся в постоянном одиночном заключении. Точно также, они могли обучаться грамоте и слушать чтение книг.

Находящиеся в заключении арестанты привлекались к хозяйственным работам: уборке территории, ремонту зданий, пошиву и починке обмундирования. Кроме того, для них были предусмотрены военные занятия: стрельбы, строевая подготовка, обучение грамоте[2].

Средствами для исправления были приняты постоянный труд, соблюдение молчания, охранение от соблазна, точное выполнение установленных правил в порядке содержания арестантов и в обращении с ними, умственное и религиозное обучение. За маловажные проступки арестанты могли быть подвергаемы разного рода наказаниям, а именно: заключению в темном карцере до 14-ти дней, увеличению срока пребывания в разряде испытуемых и наказанию розгами до 100 ударов. Пища арестантам назначалась в меньшем размере, нежели нижним чинам вообще; так, им отпускалось ежедневно: по три фунта хлеба, горячая пища (щи или похлебка из овощей с салом или постным маслом) и три раза в неделю крошеное мясо или рыба, по 1/4 фунта на человека[3].

По всем воинским частям ежегодно составлялись «Ведомости о числе проведенных следственных и судных дел»[4].

Также были созданы военные тюрьмы и крепостные арестантские отделения. Военно-пенитенциарная система в России окончательно сложилась только в 1880-е гг. и включала в себя: 1) дисциплинарные батальоны, роты и команды; 2) военные тюрьмы и тюремные отделения; 3) крепости; 4) гауптвахты[5].

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 128.
[2] Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IX. С. 118.
[3] Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IX. С. 129.
[4] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 150. Л. 1–80.
[5] Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX — начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 20.

К 1880 г. были вновь построены и открыты военные тюрьмы в Варшаве (в 1875 г.) и в Петербурге (в 1876 г.) и устроены отделения военных тюрем в Кронштадте, Риге и Херсоне. Несколько позднее открыта еще военная тюрьма в Москве и упразднено тюремное отделение в Херсоне; всего в это время состояло: три военные тюрьмы – на 200 заключенных каждая и два военно-тюремных отделения: кронштадтское – на 75 заключенных и рижское – на 50, а всего 725 мест (рижское отделение имеется в виду увеличить до 100 или даже до 125 мест). Крепостное военно-арестантское отделение было открыто в крепости Усть-Каменогорске на 100 чел.[1]

Военные тюрьмы предназначены были для содержания нижних воинских чинов, приговариваемых по суду к одиночному заключению на известный срок. Осужденные к заключению в военной тюрьме не исключались из военного ведомства, но время, проведенное в тюрьме, в срок действительной службы не зачитывалось. Осужденные должны были постоянно находиться в одиночном заключении, за исключением времени, предназначенного для физических упражнений. Работы должны были производиться в камерах, там же осужденные должны были, по возможности, обучаться грамоте и получать пищу, положенную в размере, одинаковом с арестантами военно-исправительных рот.

Крепостные отделения предназначены были для содержания в течение сроков, определенных судом, нижних воинских чинов, обязанных срочной службой и подлежавших ссылке на поселение в Сибирь. Арестанты этих отделений подразделялись на два разряда: испытуемых и исправляющихся, помещавшихся отдельно один от другого, но в общих камерах. Арестанты должны были заниматься крепостными и хозяйственными работами и обучаться грамоте. Что касается порядка перевода арестантов из одного разряда в другой, отпуска им пищи и наложения на них взысканий, то к ним были применены, с некоторыми изменениями, правила, установленные для арестантов военно-исправительных рот.

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 120.

В 1868 г., из состоящих в военно-исправительных ротах каторжных и арестантов, к числу которых относились и военно-срочные, было образовано в г. Тобольске временное военно-арестантское (каторжное) отделение. Оно было предназначено для содержания нижних чинов, приговариваемых к каторжным работам за преступления, совершаемые ими во время заключения в военно-исправительных ротах для содержания преступников гражданского ведомства, приговариваемых к каторжной работе в крепостях, и, наконец, для тех из арестантов военно-исправительных рот, которые, тяготясь строгостью содержания в этих ротах нарочно совершали преступления, с целью быть сосланными в каторжную работу. Усть-Каменогорское же отделение было назначено для содержания, в течение определенных судом сроков, тех обязанных срочной службой воинских чинов, которые были приговариваемы к ссылке в Сибирь на поселение[1]. Образованные, в 1867 г., военно-исправительные роты просуществовали до 1878 г., когда, на основании Высочайше утвержденного 6-го мая Положения военного совета (приказ по воен. вед. 1878 г., № 139-й), роты эти заменены были дисциплинарными батальонами и ротами[2].

В военно-исправительные роты заключались, на срок до шести лет, не только те из низших чинов, которые нарушили правила военной дисциплины и порядка службы, но также и те, которые совершили преступления общие, как то: воровство, кражу со взломом, растрату казенного имущества и другие тому подобные преступные деяния. С введением же общей воинской повинности, все нижние чины, виновные «в подобных позорящих» преступлениях, не могли уже более оставляться на службе в войсках, а «должны были подлежать, по произнесении над ними судебных приговоров, исключению из военного ведомства и передаче гражданскому начальству, для содержания в гражданских тюремных учреждениях»[3]. Преступления, за которые применялись эти наказания, сводятся к следующему: 1) за оскорбление начальника на словах или на письме;

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 121.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 122.

2) за оскорбление начальника из нижних чинов действием; 3) за неповиновение; 4) за оскорбление действием часовых и военного караула; 5) за умышленное повреждение здоровья себе или другому, с целью уклониться самому или способствовать уклонению другого от службы, или употребление какого-либо обмана для освобождения себя от обязанности нести службу); 6) за нарушение особых обязанностей караульной службы; 7) за противозаконное отчуждение и порчу казенного оружия, патронов или лошади, и 8) за неверность или неполноту донесения, сделанные из корыстных видов, с намерением ввести в обман.[1] Из приведенного перечня преступлений, за которые нижнее чины подлежали отдаче в учреждения, заменяющие собою военно-исправительные роты, видно, что эти учреждения предназначались для содержания лиц, совершивших преступления исключительно служебные и совершение которых, в большинстве случаев, не могло отражать состояния нравственности преступника.

С этого момента преобразование военно-исправительных рот было направлено по пути строгой военн**ой** организации и давало новым учреждениям возможность широкого применения строевой подготовки, с привития им навыков подчинения, сознания значения воинской дисциплины и важности требований воинской службы, подготовки солдат, сознательно относящихся к своим обязанностям. Цели исправительного характера в отношении нижних чинов не ставились. Вновь учреждаемые заведения получили названия дисциплинарных батальонов и рот, а содержащиеся там нижние чины получили статус заключенных. В практику занятий их все больше вводились занятия по военной подготовке «обучение фронту, гимнастика и употребление штыка в бою», словесности, обучению грамоте, сокращалось производство существовавших в военно-исправительных ротах мастеровых работ, которые оставались лишь в части обеспечения жизнедеятельности этих учреждений. Существовавшее в военно-исправительных ротах деление заключенных на разряды исправляющихся и испытуемых отменялось, как несоответственное составу дисциплинарных

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 121.

частей, в которых заключенным не требуется исправления нравственности. Ночное разобщение заключенных подлежало также отмене, так как все содержащиеся в дисциплинарной части нижние чины, за исключением находящихся в одиночном заключении, должны были располагаться казарменным порядком в общих камерах. С отменой разделения заключенных на разряды и с уменьшением срока одиночного заключения, исчезли основания к различиям в довольствии пищей заключенных, для которых размер приварочных денег и отпуск провианта должен был быть определен одинаковым с частями местных войск (приказ по воен. вед. 1880 г., № 207-й)[1].

Установленная для арестантов военно-исправительных рот серая одежда отменялась, и заключенные в дисциплинарной части должны были получать обмундирование, соответствующее форме местных войск. В порядке наложения на заключенных взысканий, и в самом виде этих взысканий введены были некоторые изменения, исключавшие, к примеру, наложение на провинившихся оков для усиления меры наказания.

На основании Устава о воинской повинности, военная служба не должна была иметь значение наказания, новым положением о дисциплинарных частях устанавливалось, что нижние чины, подлежащие заключению в эти части, остаются во все время заключения в списках тех частей, где они числились до поступления сюда, и таким образом время, проведенное ими в дисциплинарных частях (а равно и в военных тюрьмах), зачитывается им в срок действительной службы. Освобождаемые из дисциплинарных батальонов и рот нижние чины должны были зачисляться при возвращении в части войск прямо в разряд безпорочнослужащих, если признавались к тому достойными начальством дисциплинарных частей; прочие же нижние чины продолжали нести, по возвращении в части, «последствия оштрафований».

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 125.

В 1879 г. (приказ по воен. вед., № 26-й) преобразование военно-исправительных рот завершилось: были образованы шлиссельбургский, бобруйский, новогеоргиевский, херсонский, воронежский и екатериноградский дисциплинарные батальоны, из них первые пять – четырех-ротного состава, на 600 заключенных каждый и последний – двух-ротного состава, на 200 заключенных, а также омская и иркутская дисциплинарные роты: первая – на 300 и вторая – на 150 заключенных. Вновь образованные дисциплинарные части вмещали в себя до 3650 заключенных, что, отражало в полной мере потребности армии в последние три года, предшествовавшие реформе[1].

Нужно отметить, что за время проведения указанной реформы количество заключенных, состоявших в дисциплинарных частях в 1880 г., сократилось по сравнению с содержащимися в 1871 г. в военно-исправительных ротах арестантами, более чем в 3,5 раза[2]. Это объяснялось, прежде всего, постепенным уменьшением числа приговариваемых к заключению, вследствие «улучшения нравственности нижних чинов», принятием нового воинского устава о наказаниях (к заключению в дисциплинарные части стали приговаривать нижних воинских чинов только за чисто служебные преступления), передачей в гражданское ведомство, значительного числа арестантов, не подходивших под условие содержания их в дисциплинарных частях.

По мере уменьшения числа ежегодно приговариваемых к заключению в военно-исправительных ротах и дисциплинарных частях, соответственно уменьшалось также число возвращаемых в войска людей этой категории, по окончании назначенных им сроков заключения. Всего возвращено в войска было: в 1871 г. – 3740 чел., в 1872 г. – 3503, в 1873 г. – 3619, в 1874 г. –3331, в 1875 г. – 2182, в 1876 г. – 1230, в 1876 г. – 1016, в 1878 г. – 1395, и в 1879 г. – 1463 чел.[3]

Явление это было весьма неблагоприятно для войск, так как, по отзывам начальствующих лиц, нижние чины, возвращавшиеся из военно-исправительных

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 126.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 128.

рот, «имели весьма дурное влияние на товарищей и составляли, вместе с наемниками, главный контингент виновных во всякого рода преступлениях»[1]. Вместе с тем, отмечалось, что в период завершения реформы, т.е. в 1880-е гг. «... что возвращающиеся заключенные не представляли собою прежних порочных людей, а напротив того, солдат, по отбытии срока заключения и возвращаясь в ту же часть, из которой он был осужден, являлся туда воинским чином строго и сознательно относившимся к правилам воинской дисциплины»[2]. При этом, встречались со стороны нижних чинов и рецидивисты, число которых все же уменьшалось с каждым годом и ко времени преобразования военно-исправительных рот в дисциплинарные части сделалось совершенно незначительным. В общем числе заключенных в военно-исправительных ротах и дисциплинарных частях, за 10-ти летний период, рецидивистов уменьшилось более чем в 27 раз[3].

Из вышеизложенного следует, что во второй половине XIX – начале XX в. наиболее опасными и распространёнными воинскими преступлениями в армии для нижних чинов считались посягательства, связанные с исполнением воинских должностей. Военно-пенитенциарная политика характеризовалась в отношении рядовых – введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. В целом состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии оценивалось как вполне удовлетворительное, а поддержание порядка в армии достаточно строгим. Ближе к концу XIX в. наблюдается тенденция к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. В то же время наблюдалось увеличение совершения преступлений против собственности. Залогом же поддержания дисциплины в армии оставались работа офицерского и унтер-офицерского корпуса, желание нижних чинов служить честно и добросовестно своей Родине.

---

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 128.
[2] Там же. С. 129.
[3] Там же.

2.4. Санитарное состояние и медицинское обслуживание

Закон 1-го января 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности создал прочную связь между санитарным устройством русской армии середины XIX – начала XX вв. и насущными интересами всего народа России. Прежде армию комплектовали исключительно только из тех сословий, которые несли рекрутскую повинность, также отдавали в солдаты за разные провинности. Срок военной службы был настолько продолжителен, что каждый солдат после окончания своей действительной военной службы, за исключением немногих случаев, вовсе не мог уже быть полезен для хозяйственной жизни государства. Жизнь солдат того времени почти вовсе не касалась остальной части нации, другие сословия населения прямого участия в них не принимали. Человека, ушедшего в солдаты, считали как бы умершим, ибо он или вовсе не возвращался, или же после 20-ти лет и более возвращался домой инвалидом или калекой. В самой армии солдат был интересен только, будучи здоровым и сильным, до тех пор, пока мог безпрепятственно переносить все тяготы службы или войны. Больного или раненого считали бременем и старались отделаться от него с возможно меньшими расходами, не вникая в его интересы и желания. Официально считалось тогда карой быть «сданными» в солдаты.

Со времени введения всеобщей воинской повинности это положение существенно изменилось. Армия превратилась в «народное войско», которое, совместно с крестьянами и другими сословиями, собирало в своих рядах все «производительные силы народа». Из армии через какое-то время они возвращались опять в народ. Теперь служба в армии касалась почти каждой семьи, и здоровье и благополучие их существенно зависело от санитарного устройства армии. Это и определяло неизбежное государственно-хозяйственное и

нравственное последствие общей воинской повинности в деле «солидарности» армии и народа того периода, а также предмет заботы высшего военного командования военного министерства.

Ежемесячно в приказах по дивизии, корпусу, войскам округа, а также в приказе по военному ведомству объявлялись краткие сведения о санитарном состоянии войск. Ко всем приказам прикладывались таблицы с указанием частей войск, в которых смертность, заболеваемость и исключение в «неспособные» обращали на себя внимание наибольшим или наименьшим процентом. Это давало возможность старшим войсковым начальникам принимать те или иные меры к улучшению войскового быта. «Действительно – занятия и отдых нижних чинов были строго урегулированы расписаниями; пища отличная; помещения, за редким исключением, очень хорошие; одеждою солдат снабжен хорошо, если в части не увлекаются экономией в сукне; увольнение нижних чинов в кратковременные отпуски начинает получать широкое применение; чтобы отвлечь их от посещения трактиров — в частях имеются солдатские буфеты, лавочки, чайные, читальни; зимой и летом устраиваются разного рода увеселения. Одним словом, заботливость о солдате выражается во всем. А между тем, число больных, а главное исключение в неспособные**,** вызывает удивление»[1]**.**

К примеру, данные медицинских отчетов по санитарному состоянию войск, без учета Приамурского военнаго округа и Квантунской области, с августа 1899 по август 1901 г., «…показывают, что случаи заболевания и увольнения в неспособные вследствие случайных механических повреждений, как то раны от оружия, ушибы, переломы и проч., весьма редки. Значительный процент тех и других происходит от болезней органов дыхания, движения и чувств»[2]**.**

Для освидетельствования прибывших новобранцев при госпиталях создавались специальные комиссии, которые и определяли пригодность их к прохождению дальнейшей службы. Как правило, в это время увеличивался

[1] Строевой. Опротестованные новобранцы и убыль в неспособные // Военный сборник. СПб., 1902. № 9. С. 171.

[2] Там же. С. 172.

процент больных и неспособных. В первые дни новобранец скучал, чувствовал себя подавленно, но затем быстро осваивался, рота делалась для него семьей, жизнь приобретала новый интерес и через некоторое время он начинал сознательно относиться к своим обязанностям, а также «проявлял и молодцеватость, если его подбодрить»[1].

Каждая партия новобранцев по прибытии немедленно отправлялась в баню, переодевалась в казенную одежду и подвергалась полковыми врачами подробному медицинскому осмотру. Всех оказавшихся с физическими недостатками и с тяжелыми болезнями, отделяли для отправления на переосвидетельствование в особую комиссию при госпитале, а до отправления, приступали к лечению в приемном покое или в госпитале; «…над подозрительно-больными учинялся надзор»[2].

«Ввиду устранения развития болезней в рекрутских партиях при следовании по назначению каждой партии, проходящей через города непременно производить медицинские осмотры, указанным порядком 131, 132 и 133 парагр. Временного руководства для препровождения рекрутских партий, а также и в Циркуляр Главного Штаба 1870 № 321»[3].

Особые комиссии, учреждаемые при военных госпиталях, подвергали опротестованных новобранцев весьма тщательному медицинскому осмотру и, строго придерживались Устава о воинской повинности. (см. Приложение 1) Исключали только тех, кто имел явные признаки болезни или физические недостатки и вполне подходил под соответствующие статьи, при малейшем же сомнении больные признавались годными и возвращались в части. Вместе с тем процент непригодных к службе и больных нижних чинов оказывался достаточно высоким. Тому причиной был отбор их уездными по воинской повинности присутствиями, признававших новобранцев, годными к службе, неспособность которых была вполне очевидна. Просматривалась их медицинская некомпе-

[1] Строевой, Опротестованные новобранцы… С. 175.
[2] Там же.
[3] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

тентность на этот счет, а также неисполнение § 107 Собрания Узаконений и Распоряжений Правительства в 1897 году (приказ по воен. вед. 1897 года, № 299), где опубликовано было ««Наставление присутствиям по воинской повинности, для руководства при освидетельствовании телосложения и здоровья лиц, призванных к исполнению повинности», в котором даны руководящие указания и приложено «расписание болезней и телесных недостатков», по которым призванные к жеребью освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках, как совершенно к ней неспособные»[1].

При этом взамен «отбракованного» новобранца замещение его конкретным уездным присутствием не предполагалось. Порой количество новобранцев отсроченных или признанных негодными к военной службе достигало 25% от числа призванных. Кроме того существовала категория новобранцев таких как опротестованные, т.е. с физическими недостатками или больные, но признанные годными к прохождению службы. Большинство из них, никакой службы не несли, так как почти все время числились то в «околотке», то в приемном покое, то в госпитале, откуда некоторые исключались в неспособные. Остальные периодически выписывались, потом возвращались опять по болезни в приемный покой и госпиталь, снова выписывались и так тянули весь срок службы. Тем самым они доставляли хлопоты начальству, заставляли товарищей нести за себя службу и тяготились службой сами. Встречались также и уклонисты, притворявшиеся больными, которые несли ответственность по суду.

Необходимо отметить, что отчетность по санитарному состоянию в армии в рассматриваемый период была далека от совершенства. В 1886 г. при главном военно-медицинском управлении была выработана новая система отчетности, позволившая вести гораздо точнее регистрацию и учет болезней военнослужащих. Вместе с тем она почти утратила возможность делать сравнительный анализ данных отчетного года за предшествовавшее время. Отчетные данные санитарного состояния армии составлялись из общего обзора

[1] Строевой, Опротестованные новобранцы… С. 177.

состояния и деятельности всех частей военного министерства за год. Например, в течение 1887 г. заболело нижних чинов 477911 чел., умерло 5624 (сведения указаны без Амурского округа (отчет не поступал)[1].

По отношению к среднему списочному составу войск в течение отчетного года, цифры на 1000 чел. этого состава показали: больных 563,4 чел., умерших – 6,71 чел. По сравнению с предшествовавшим годом, смертность значительно уменьшилась (в 1886 г. умерших было 7,5 на 1000 чел.). Что касается заболеваемости военнослужащих, то данные также показывают значительное ее понижение (в 1886 г. больных было 653,4 на 1000 чел.)[2].

Уже рекрутские партии должны были обеспечиваться медицинской помощью: «Для препровождения рекрутских партий для оказания медицинской помощи заболевающим в пути, для каждой партии назначались фельдшеры. Они прибывали ко дню открытия рекрутских присутствий и при отправлении должны были быть снабжены потребным количеством медикаментов. В случае, если по числу партий фельдшеров было недостаточно, то Губернские Военные начальники были обязаны немедленно телеграфировать прямо от себя Окружному Военно-Медицинскому Инспектору о добавлении необходимого числа фельдшеров, от которого будут зависеть дальнейшие посему распоряжения»[3].

На основании данных, приведенных в подробных отчетах главного военно-медицинского управления по годам, можно сделать выводы относительно заболеваемости личного состава и смертности по округам, по родам и частям войск, по видам болезней, а также о размере убыли из войск неспособными. По военным округам в 1887 г. наибольшая заболеваемость была в Туркестанском (1151 на 1000 чел.), Кавказском (1061 на 1000 чел.) и Иркутском (828 на 1000 чел.). Наибольшая смертность в округах: Петербургском (9,29 на 1000 чел.),

---

[1] Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 70.

[2] Там же. С. 71.

[3] ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

Варшавском (7,99 на 1000 чел.) и Кавказском (7,95 на 1000 чел). Наименьшая в войсках округов: Финляндского, Петербургского, Омского и Виленского (на 1000 чел. 354, 363, 392 и 393)[1]. В 16-ти частях вовсе не было умерших, именно; в 20-м стрелковом, 4-м Западно-Сибирском линейном, 14-м, 28-м, 55-м, 61-м, 89-м и 93-м резервных пехотных батальонах, 29-м Одесском драгунском полку, в 1-м и 3-м Уральских 1-м Астраханском казачьих полках, 40-й артилерийской бригаде, 13-м саперном батальоне и Бендерской и Верненской крепостных артилериях[2].

По роду болезней самое большое распространение по числу заболеваний получили: перемежная лихорадка, глазные, венерические болезни, а также острый катар и воспаление желудка и кишок. Распространение болезней в том или ином округе по формам заболеваний зависело во многом от климатических условий тех местностей, в которых квартировались части.

Примечательно, что в армии были достаточно широко распространены венерические болезни. В 1887 г. ими болело в среднем 47,2 чел. на 1000 списочного состава. Более всего эти болезни были распространены в: Казанском (91,5 на 1000 чел.), Омском (92,8 на 1000 чел.) и особенно Иркутском (185,8 на 1000 чел.) округах. Из числа отдельных частей, венерические болезни имели особенно сильное распространение: в 18-м туркестанском линейном батальоне (174 на 1000 чел.), во 2-м Уральском казачьем конном полку (Самарканд 179,8 на 1000 чел.), в Тобольском резервном пехотном батальоне (183 на 1000 чел.), в 1-м Астраханском казачьем конном полку (210,7 на 1000 чел.) и в Иркутском резервном батальоне (283,1 на 1000 чел.)[3].

Основным причинами заражения сифилисом и другими венерическими заболеваниями солдат в армии считались: комплектование войск исключительно молодыми и большей частью неженатыми людьми, значительное распространение этих болезней среди населения, в особенности в торговых и

---

[1] Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 71.

[2] Там же. С. 73.

[3] Там же. С. 74.

мануфактурных центрах, слабый надзор за проституцией со стороны гражданских властей и почти полное отсутствие специальных лечебных заведений, в которых проститутки могли бы бесплатно лечиться. Наибольшую смертность влекли за собой тиф, острая бугорчатка, чахотка и крупозное воспаление легких. Различного рода тифы в 1887 г. дали на 1000 чел. списочного состава 12,3 больных и 1,64 умерших; из округов наибольшее распространение тифы имели в Петербургском (27,3 на 1000 чел.) и особенно Иркутском (41,1 на 1000 чел.). Наибольшее число заболеваний тифом отмечалось в лейб-гвардии Измайловском полку (104 на 1000 чел.), 5-м Западно-сибирском линейном батальоне (84,1 на 1000 чел.), 88-м пехотном Петровском полку (67,3 на 1000 чел.), семипалатинском резервном пехотном батальоне (66,9 на 1000 чел.), лейб-гвардии Егерском полку (66,2 на 1000 чел.) и лейб-гвардии Павловском полку (64,1 на 1000 чел.). Наибольшую смертность от тифа понесли части: 5-й Западно-сибирский линейный батальон (17,4 на 1000 чел.), Эриванскй местный батальон (13,09 на 1000 чел.), 5-я резервная артиллерийская бригада (12,7 на 1000 чел.), туркестанский саперный полубатальон (11,82 на 1000 чел.), кадровый батальон лейб-гвардии резервного пехотного полка (11,13 на 1000 чел.), 3-я артилерийская бригада (10,61 на 1000 чел.) и лейб-гвардии Финляндский полк (9,05 на 1000 чел.)[1].

Что касается убыли в неспособные, то наблюдалось постепенное снижение числа таковых в 1887 году по сравнению с предыдущими четырьмя годами (в нестроевые 1280 чел., в отпуск на родину 13879, в отставку 8712 – всего 23871 чел., т.е. 27,3 на 1000 чел.): в 1886 году – 29,69, в 1885 г. – 30,43, в 1884 г. – 32,21 и в 1883 г. – 33,24 чел.[2]

В 65% случаев причинами перехода нижних чинов в неспособные из всего числа переведенных в нестроевые послужили неправильность конечностей, особенно пальцев, и для 17% выпадение прямой кишки; увольнение в отпуск

[1] Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 75.

[2] Там же. С. 76.

преимущественно (60%) вызывалось малокровием и истощением вследствие перенесенных болезней, а также поражения дыхательных путей; наибольшее же число уволенных в отставку приходилось на бугорчатку и хроническое воспаление легких и подреберной плевы (20% от общего числа), второе место занимали грыжи (17%)[1].

Инструкции командования были категоричны: «В целях предупреждения развития в войсках дивизии во время предстоящего расположения их в лагерях, эпидемических болезней, предписываю произвести подробное санитарно-гигиеническое обследование, ко времени вступления в лагеря частей войск, лагерных стоянок дивизии, обратив при этом особое внимание на источники водоснабжения и состояние почвы относительно загрязнения ее, а также все прочие условия данного места, приведя таковое в санитарно-гигиеническом отношении удовлетворительное состояние»[2].

Нужно отметить, что военным министерством военно-лечебные заведения и части войск армии достаточно своевременно снабжались медикаментами, припасами и инструментами, нужными им, причем надлежащего качества и в необходимом количестве. Кроме того снабжались тем же довольствием морское ведомство, гражданские учреждения и лица, которым такое снабжение определено было по положению. Всего же вообще в течение 1887 г. было отпущено военному, морскому и гражданскому ведомствам на 399017 руб.[3]

Для решения вопросов, связанных с организацией санитарного дела, в армии был учрежден военно-медицинский ученый комитет. Деятельность его главным образом заключалась в рассмотрении свидетельств военнослужащих, их семейств, в т. ч. и нижних чинов, для определения прав на пенсии и других преимуществ; рассмотрении актов об освидетельствовании особыми комиссиями состояния здоровья новобранцев по прибытии в войска. В решении различных вопросов, относящихся к улучшению военно-медицинской, врачебно-

[1] Состояние здоровья наших войск…С. 76.
[2] ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
[3] Там же.

практической и санитарной частей армии, ее учреждений и заведений по снабжению военно-врачебных учреждений предметами медицинского довольствия. Рассмотрения мер охраны здоровья войск вообще и в исключительных случаях принятия мер к предупреждению и ограничению эпидемических и эпизоотических болезней, а также ряда других менее важных вопросов санитарного состояния войск.

Вместе с тем действующая организация санитарной части русской армии не соответствовала не только уровню ее развития, но и современным требованиям того времени по сравнению с армиями других государств Европы, где санитарный персонал и врачебные учреждения армии были организованы по военному принципу и соединены в одно ведомство. В них (с некоторой разницей) практиковалось единоначалие, устройство подразделений медицинских частей структурно входило в части боевые, осуществление санитарной службы возложено было на чинов санитарного персонала.

Санитарное же устройство русской армии основывалось еще на принципах, относящихся к эпохе царствования императора Александра I, частью к царствованию императора Николая I, начиная с 1835 г. С небольшими усовершенствованиями так продолжалось до 1847 г. и далее оставалось вплоть до Крымской войны, результаты которой известны[1].

После Крымской войны очевидной стала необходимость улучшения военно-санитарного устройства армии. Они отражены были в регламенте 1869 г., но относились, прежде всего, к устройству санитарной службы мирного времени. Причиною всех неудач санитарного устройства армии войны 1877–1878 гг. признавалось разъединение медицинского и госпитального ведомств и дуализм в начальствовании и управлении, т. е. плохая организация и администрация полевого санитарного дела. Об этом говорил, например в своем отчете по военно-санитарному устройству армии того времени знаменитый врач Пирогов[2].

[1] Кехер Ю. О военных врачах // Военный сборник. СПб., 1902. № 10. С. 167.
[2] Там же. С. 168.

Изменения произошли только в 1887 г., когда введено было новое «положение о военно-врачебных заведениях военного времени». Нововведением разделение врачебных заведений на полевые лазареты, служившие перевязочным целям и временные госпитали, служивших целям лечебным. Важными нововведениями положения 1887 г. стали: уменьшение лазаретов при частях войск, уменьшение военных временных госпиталей с 630 на 210 кроватей, придание двух госпиталей в непосредственное распоряжение каждой дивизии, учреждение слабосильных команд, изменение способа ведения хозяйства госпиталей. Оставались также и несовершенства, главным из них было отсутствие в проекте положений об эвакуации и больничных этапах, что важно было для санитарного устройства в армии в военное время. В 1890 г. подготовлено новое положение о полевом управлении войск в военное время, но и оно в полной мере не решило стоящих перед армией задач о санитарном устройстве[1].

При отсутствии культуры личной гигиены, всеобщей антисанитарии любое заболевание очень быстро приобретало характер эпидемии, сопровождавшейся массовой гибелью людей. Предотвращение эпидемий было государственной задачей в XIX в. Следует отметить, что эпидемии угрожали главным образом вооруженным силам, поскольку именно там существовали наиболее благоприятные условия для распространения эпидемий: большая концентрация людей, отсутствие в полевых условиях канализации, плохое водоснабжение. Например, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. абсолютные потери русской армии составили 149000 чел. На Дунае и на Кавказе всего против турок было выставлено 933726 чел., больных было за период военных действий 182700 чел.[2]

Также не маловажным оставался вопрос обеспечения армии достаточным количеством санитарного персонала и прежде всего врачами. Отсутствие надлежащего количества медицинского персонала компенсировала в некоторой степени деятельность «Красного креста», которая оказалась «просто спасительной

[1] Кехер Ю. О военных врачах… С. 170–173.
[2] Там же. С. 176.

для военно-санитарного ведомства в Восточной войне, в виду полной его несостоятельности»[1].

Для врача требовалась специальная подготовка со знанием военного дела, особенностей санитарного устройства, специфики влияния службы на здоровье военнослужащих армии, которой никто не давал кроме Императорской медицинской академии, которая не могла обеспечить всех потребностей армии того периода в медицинском персонале.

Таким образом, высшее военное командование предпринимало усилия по улучшению санитарного устройства армии, охране здоровья нижних чинов. Это стало не только проблемой военного ведомства, но и заботой всего государства. Однако, все же, эти усилия были недостаточны и далеко отставали от современных потребностей и реалий военного строительства ведущих современных армий европейских государств.

[1] Там же. С. 181.

ГЛАВА 3. МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ

3.1. Обучение и воспитание

Во второй половине XIX в. Россия переживала трудное время. Крымская война 1853–1856 гг. обнажила серьезные недостатки в организации и подготовке русской армии, показала политическую, экономическую и военную слабость России.

Дальнейшее укрепление вооруженных сил ведущих европейских государств, сложная международная обстановка, обострение противоречий внутри страны вынудили правительство отменить крепостное право, инициировать серьезные изменения в социальном, экономическом и политическом устройстве государства. Последовавшие затем реформы – земская, судебная, финансовая, средней и высшей школы и другие, значительно ускорили экономическое развитие страны, улучшили ее финансовое положение, позволили изыскать средства для осуществления ключевой по своему значению реформы – военной. Ее важнейшей составляющей стала замена рекрутской системы комплектования войск на всесословную воинскую повинность, что потребовало и существенной перестройки обучения и воспитания солдат в армии. «…Войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное… Люди, выученные лишнему и перед неприятелем будут делать не то, что нужно, а то, что они умеют делать…» – писал известный военачальник и военный педагог того времени генерал от инфантерии М.А. Драгомиров[1]. «…Что требуется от

[1] Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 54–55.

солдата на войне», – писал он далее: «Чувство долга, доведенное до самоотвержения или готовность пожертвовать собой для выручки товарищей; способность не приходить в отчаяние в самых трудных положениях: неустрашимость, находчивость, беспрекословное повиновение воле начальника во всем, касающемся службы. Способность выносить тягости и лишения военного времени без быстрого истощения сил. Искусное действие своим оружием. Умение согласовывать свои движения и действия с товарищами. Ловкость в преодолении встречаемых на местности преград и умение пользоваться ими для собственного укрытия от осмотра и выстрелов неприятеля, не лишаясь однако же, его видеть и стрелять по нем…»[1].

В ходе военных реформ изменяется система боевой подготовки войск: происходит отказ от муштры солдат, способных действовать только на смотрах и парадах, создается система обучения и воспитания войск, которая готовила к реальным боевым действиям. С этой целью вводятся учебные маневры, стрельбы, лагерные сборы, где все рода войск обучались совместным действиям. Переход к нарезному оружию положил конец глубоким построениям пехоты, окончательно оформилась и получила развитие наступательная тактика стрелковых цепей. Передовые положения этих изменений нашли отражение в новых боевых уставах.

Наравне со строевыми уставами приняты в армии дисциплинарный устав и внутренней службы. Эти два устава точно определяли права и обязанности всех военнослужащих, в том числе и нижних чинов, получив строгое и неуклонное применение в жизни войск. Они призваны были способствовать развитию нравственной самостоятельности солдат, толковали понятия о долге. Начальствующий состав отдавал предпочтение в обучении нижних чинов положениям уставов и знанию их перед знанием военно-уголовных законов, с

[1] Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 55–56.

целью заботы «…о внушении человеку того, что он должен делать, нежели того, чего ему следует избегать…»[1].

Указанные тенденции в развитии военной организации российской армии были характерны в полной мере и для Сибири. В боевой подготовке войск Сибирского военного округа командование обращало особое внимание на тактическую выучку подразделений, обучение их стрельбе в цель, саперному делу, на формирование навыков движения в различных строях (боевом и походном) и перестроении на месте и на ходу. К примеру, для обучения саперному делу от каждого линейного и резервного батальонов на лагерное время к Западно-Сибирской саперной роте прикомандировывались по два нижних чина и ряд офицеров, которые, вернувшись в свои части, обучали своих товарищей. В округе широко применялась практика проведения летних занятий в лагерях Зайсанском, Семипалатинском, Копальском, Тобольском, Томском и Омском[2]. Проводились общие учения и двухсторонние маневры с обозначенным противником. Во время общих сборов 1878 г. при обучении войск округа взаимодействию пехоты с артиллерией впервые были использованы скорострельные батареи.

Практика проведения летних сборов продолжалась и в 90-е гг. Так, в 1891 г. на сборы в округе было привлечено 6 батальонов, 13 сотен, 4 пеших батареи (Верный, Джаркент и пост Зайсанский)[3].

Сборы позволяли проверить на практике теоретические познания, приобретенные в период зимних занятий и обязательные для каждого рядового. Командующий войсками Западно-Сибирского округа (1882–1889 гг.) генерал Колпаковский так оценивал в этот период подготовку войск: «Теоретические познания, обязательные для каждого из рядовых, усвоены большей частью нижних чинов хорошо. Одиночная выправка, шаг и стройность движений доведены до желаемой степени. Сведения о винтовке, ее сборка и разборка усвоены солдатами весьма хорошо. Достаточно хорошим оказался также

[1] Там же. С. 57–58.
[2] Фабрика Ю.А. Горя пламенною любовію къ Отечеству…, Новосибирск, 2012. С. 226.
[3] Там же.

рассыпной строй батальонов, курс подготовительной, практической и боевой стрельбы окончен всеми батальонами вполне и в большей части рот дал результат очень хороший.

Аванпостная служба, упражнения в самоокапывании и учения с каким-либо тактическим предположением производились также всеми нижними чинами. Строевая и тактическая подготовка линейных батальонов была, несмотря на особо сложные условия службы, смело может выдерживать сравнение даже с полевой пехотой Европейской России, находившейся в лучшей обстановке. Столь же хорошо была подготовлена артиллерия.

Пехота прекрасно пользовалась местными укрытиями и не злоупотребляла огнем, все ее движения и построения совершались в спокойном порядке, с сохранением строя, равнения; атака велась с полной энергией: действия цепи образцово хороши.

Артиллерия выезжала на позиции лихо, предметы действия избирались правильно, а успех атаки для пехоты был подготовлен превосходно. В общем, учения были выполнены отлично. Замеченные недостатки слишком незначительны, чтобы подробно упоминать о них... В случае, если обстоятельства вынудят двинуть полевые войска округа в действительный бой, то при хорошем руководстве они как всегда будут на высоте положения».[1]

В 1898 г. кроме смотровых стрельб были произведены ночные стрельбы с приспособлениями для ночной стрельбы, произведены боевые стрельбы с маневрированием отрядов из трех родов оружия[2].

Особое внимание уделялось одиночной подготовке солдат: «…В одиночном обучении солдат умственные и нравственные качества поставлены на первом плане потому, что в бою, как и во всякой другой деятельности, человек делает собственно одно и то же дело: приводит в исполнение свои умозаключения. Если

[1] Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Т. I. Новосибирск, 2014. С. 144.

[2] Там же. С. 146.

способность составлять их правильно и решаться приводить в исполнение быстро развита в человеке, он достигает своих целей успешно; если нет, он претерпевает неудачи, т.е. так или иначе, но бывает бит… Поэтому-то Наполеон, Суворов и другие гениальные полководцы прежде всего стремились к развитию нравственного элемента в своих армиях; Наполеон даже прямо высказал, что во всяком боевом деле три четверти успеха зависит от нравственной стороны и только четверть от материальной…»[1].

Командующий войсками округа М.А Таубе (1898 г.) отмечал в своем докладе об инспектировании войск, что «…сибиряки представляют отличный материал для службы. Они в общей массе народ верный, крепкий, очень смышленый и толковый. Из них могут вырабатываться прекрасные солдаты. Дисциплина в войсках поддерживается на должной высоте…»[2]

Таблица 3

Грамотность нижних чинов Сибирского военного округа в 1898 г.

Уровень грамотности в %	**Местные команды**	**Линейные баталь-оны**	**Артил-лерия**	**Казаки**	**Резервные батальоны**
Умеющих читать и писать	30,3	76,5	36,9	28,7	33,9
Умеющих только	15,3	14,0	7,0	16,5	1,2
Не умеющих ни читать, ни писать	54,4	9,5	56,1	54,8	48,1
В войсках	66,7	83,5	19,4	61,7	56,7

Источник: Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 56.

Такой уровень подготовки войск был бы невозможен без обучения солдат грамоте, большинство которых научились читать и писать в ротных, сотенных и

[1] Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 56.

[2] Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся… С. 136.

батарейных школах. Всего в войсках округа в этот период было грамотных 7 714 чел., или 35,2% всего числа нижних чинов[1].

Вместе с тем общий уровень грамотности вообще населения в России был сравнительно низок. В течение 10-ти лет с 1874 по 1883 гг. поступило в войска: грамотных – 21,99%; неграмотных – 78,01%. В Германии в 1884 г. неграмотных было всего чуть более 1%[2]. Соотношение числа грамотных к неграмотным и к началу 90-х г. XIX столетия существенно не изменилось, и следовательно, Министерство народного просвещения не смогло достичь весомых результатов в деле образования населения страны. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что для 110-ти уездов Европейской России, исследованных, главным образом, в период 1882–1886 гг., грамотных мужчин оказалось только 21,1%. Из этого следовало, что волей-неволей войска должны сами заботиться о грамотности своих солдат[3].

Образовательный уровень призывников нижних чинов был невысок, что определялось низким уровнем грамотности основного сословия из которого рекрутировалось большинство солдат – крестьянства. Так, по подсчетам новосибирского историка В.А. Зверева, в 1867 г. из принятых на службу в Сибири новобранцев было всего 11,5% грамотных, в 1886 г. – 17,1, в 1896 г. – 23%. Этот показатель был существенно ниже, чем в Европейской России (соответственно, 20,9%, 27,8, 40,2%)[4]. Основные навыки чтения и письма солдаты получали уже в армии.

---

[1] Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся… С. 136.

[2] Шавров К. Грамотность в войсках // Военный сборник. СПб., 1892. № 5–6 (разд. 1). С. 192.

[3] Там же.

[4] Зверев В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 110.

По данным переписи населения Омск 1877 г., грамотность нижних чинов, служивших в городе, составляла 33,9%, что было ниже уровня грамотности мужского населения города (51%)[1].

Народная грамотность несравненно больше обязана своим распространением военному министерству, полагали некоторые известные деятели в области развития образования в армии. Число лиц, исполнивших воинскую повинность с 1874 по 1891 г., по отчетам военного министерства, достигает более 2500 тыс. чел. Если отсюда вычесть число грамотных новобранцев, скинуть больных и умерших, то без большой ошибки можно принять, что воинской повинности обязаны грамотности, по меньшей мере, до 1891 года 1600000 человек»... Таким образом, умственный уровень армии становится отнюдь не ниже общего уровня всего населения государства; взяв же во внимание меры, предпринимаемые в частях войск для обучения нижних чинов чтению и письму, число грамотных среди солдат окажется значительно выше, чем среди мирных обывателей.[2]

В высших военных сферах неотложность и необходимость этой заботы очень хорошо понимали. Вопросы обучения грамоте рассматривались в армии на самом высоком уровне, порядок определялся соответствующими положениями, принятыми на уровне Военного ведомства. Приказом по военному ведомству № 335 от 11 декабря 1880 г. было принято «Положение о порядке обучения молодых солдат», регламентировавшее сам порядок обучения, определявшее перечень сведений, знание которых для каждого рядового в пехоте необходимо, а также солдат других родов войск[3].

В 1883 г. была создана комиссия под председательством генерал-лейтенанта Коховского по поводу разработки программ для учебника грамотности. Комиссия состояла из лиц, известных по своей педагогической деятельности в военных кругах, всего за год она собиралась 6 раз. Важны некоторые выводы, к которым

---

[1] Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Т. 2. Омск, 1880. С. 112.

[2] Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся… С. 152.

[3] Военный сборник. СПб., 1881. № 2. С. 136–164.

пришла эта комиссия. «Обучение грамотности молодых солдат должно быть достигаемо в возможно кратчайший срок и должно иметь в виду научение искусству читать и писать. Метод обучения должен вести прямо к этой цели. Это первое условие – оно вызвано, конечно, требованиями жизни: при коротких сроках службы нельзя слишком много времени уделять грамотности; но это требование краткости не может служить в ущерб содержанию обучения грамотности»[1].

Об успехах развития грамотности в армии можно проследить по пехоте. В это время в России, как и во всех европейских государствах, пехота оставалась самым многочисленным видом вооруженных сил по отношению к другим родам войск. А именно: «…на 600000 содержимых регулярных войск, пехоты будет около 77%, кавалерии и артиллерии почти по 10% и инженерных войск около 5%. … если допустить, что кавалерия, по роду своей службы, несколько отстает от пехоты в грамотности, за то артиллерия и инженерные войска стоят выше пехоты; следовательно, средний уровень грамотности во всех войсках будет средний пехотный»[2].

Показательна также динамика роста грамотности в армии в этот период, к примеру: «… осенью 1866 года, по поголовному экзамену, произведенному всем строевым и нестроевым нижним чинам 26-й пехотной дивизии, кроме денщиков, оказалось, что на 7687 человек грамотных было 2220 человек или 29%. В августе 1867 года, в той же дивизии, но приведенной в кадровый состав, по такому же экзамену, на 4984 человека грамотных было уже 2748 человек, или 55%. А по экзамену, произведенному в конце апреля и в начале мая настоящего года, в той же дивизии, на 5162 человека грамотных было 3503 человека, или 68%»[3].

Как отмечалось военными чиновниками, ратовавшими за образованного солдата в армии – в деле грамотности в войсках для достижения таких

---

[1] Шавров К. Грамотность в войсках // Военный сборник. СПб., 1892. № 5–6 (разд. 1). С. 192.

[2] Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 379.

[3] Там же. С. 381.

результатов нужны не столько материальные средства или метод обучения, сколько внимание, забота и душевное участие к делу и со стороны младших, и со стороны старших начальников. Хотя если говорить о расходах военного ведомства на подготовку войск в мирное время они неуклонно росли. К примеру, расходы только на учебные сборы нижних чинов запаса и ратников выросли в 1890 г., по сравнению с 1889 г., с 1273268 руб. до 2907638 руб.[1]

По Западно-Сибирскому округу доля грамотных среди нижних чинов составляла в 1880 г.58,7%. В 1883 г. в линейных батальонах Западной Сибири было 45,6% грамотных, в резервных батальонах – 45,2, в местных командах – 35,1, в артиллерийских частях – 90,5. В среднем уровень грамотности нижних чинов войсках округа составлял 35,2%[2].

Польза от грамотности солдат в армии рассматривалась высокопоставленными военными чиновниками не только как собственно для нужд армии, но еще и в большем значении для государства. Генерал-лейтенант В.Д. Кренке на страницах «Военного сборника» писал: «Когда комплектование армии и рекрутские наборы придут окончательно в нормальный порядок, то можно полагать, что государство ежегодно будет давать по 100000 рекрут … следовательно, при стотысячном ежегодном наборе, ежегодное увольнение из армии сильных, здоровых людей может доходить до 80000. Если не все 80000 будут настолько грамотны, чтобы могли учить своих детей, свои семьи, то эти 80000 внесут, по крайней мере, в 160000 семейств убеждение, что грамота полезна, что грамота легко дается; эти 80000, по крайней мере, в 160000 семействах будут служить живым примером, что грамоте можно учиться и в зрелых летах… Если допустить, что из 100 грамотных солдат, только 5 человек будут на столько развиты, что, по увольнении от службы, будут в состоянии занять или должность учителя в народной школе, или должность писаря в волостном правлении, то, из 80000 ежегодно увольняемых от службы, армия

[1] Военный сборник. СПб., 1890. Т. CXXXXI. С. 169.

[2] Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 83.

ежегодно будет давать государству до 4000 таких людей, а в этих людях отечество наше еще долго-долго будет нуждаться и очень нуждаться»[1].

Динамику удельного веса грамотных среди нижних чинов региона можно проследить на примере Омского резервного батальона, подробная история которого была подготовлена Фукиным. В 1870-х гг. автор отмечал постепенное снижение уровня грамотности нижних чинов, от 100% в 1870 г., до 24,4% в 1879 г., в среднем за десятилетие – 52,8%. В 1880-е годы: от 18% (1880 г.), до 39% (1888 г.), в среднем за десятилетие – 28,9%. Начиная с 1895 г. по части наблюдался постепенный устойчивый рост грамотности. В 1897 г. доля грамотных среди нижних чинов Омского резервного батальона составила 39,4%[2]. При этом уровень грамотности среди мужчин Омска, согласно данным Первой всеобщей переписи 1897 г. составлял 51,2%[3].

В отдаленных небольших гарнизонах, размещавшихся в уездных городах региона, ситуация с грамотностью нижних чинов была еще хуже. Так, например, в 1888 г. грамотные среди нижних чинов местной команды г. Ялуторовска составляли всего 17,5%[4].

Воинские коллективы состояли из представителей разных национальностей и вероисповеданий – православных, мусульман, иудеев, католиков. В планировании мероприятий по воспитанию и обучению, в т.ч. и грамоте, учитывались социально-классовый состав и национальные особенности военнослужащих, их духовные потребности и обстоятельства поступления на военную службу, состояние дисциплины, политическая ситуация в стране и мире.

---

[1] Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 378–379.

[2] Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1904. С. 57.

[4] Палопеженцев Н. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. 3. С. 6.

Занятия по грамотности представляли собой обучение нижних чинов грамоте, а новобранцев национальных окраин – знанию русского языка[1]. Вместе с тем не было жестких требований по обучению грамоте поголовно всех нижних чинов «… Нельзя ставить обязательным выучивание чтению татар, чуваш, черемис, мордвы. И наоборот нет причины, чтобы русским не выучиться читать…»[2].

Однако же, все-таки признавалось очень полезным, нужным и важным и их приобщать к русской общности. «…Из 100000 ежегодного набора рекрут поступает в армию около 14%, или около 14000, таких рекрут не православного исповедания, которые почти ни слова не говорят по-русски и едва понимают русский язык. Эти люди, вместе с усвоением себе русского языка, легко выучиваются русской грамоте, большею частью бывают особенно прилежны и старательны к изучению грамоты и, с редкими исключениями, скоро и хорошо изучают грамоту. Если, при стотысячном наборе из армии ежегодно возвращается к семьям своим около 80000, то из 14000 иноверцев будут возвращаться к своим семьям свыше 11000 таких молодых, здоровых, развитых людей, которые, из полурусских, по языку и по убеждению сделались совершенно русскими, и которые в семьи свои внесут не только русский язык, но и русскую грамоту».[3]

В процессе военных реформ была реализована также система военного образования, которая была призвана повысить образовательный уровень будущих офицеров, от которых требовались знание службы и хороший уровень общего образования. Эти офицеры приходили в войска и уже по новому видели вопросы обучения и воспитания нижних чинов в армии. «Преподавание должно вестись в связи с выработкой в подготовляемом к званию офицера идеи о том великом призвании, которому служит офицер, как воспитатель народных масс»[4].

---

[1] Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Обучение грамоте нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX века // Уральский научный вестник. 2017. Т. 5. № 2. С. 48.

[2] Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 88.

[3] Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 378.

[4] Шавров К. Грамотность в войсках // Военный сборник. СПб. 1892. № 5–6 (разд. 1) С. 196.

Это определялось установками им как будущим воспитателям личного состава, которые закладывались преподавателями военных заведений в сознание новоиспеченных офицеров в период их обучения. «Законность всех требований, собственный пример точного исполнения закона, человеческое обращение с людьми – вот пружины, приводящие солдат к беспрекословному повиновению закону. Это первое и главное условие развитие гражданской и боевой нравственности солдата...», – писалось на страницах одного из выпусков «Военного сборника» того времени[1]. Справедливо замечалось (прим. автора), что при правильном подходе к воспитанию нижних чинов и отношению к этому со стороны начальствующего состава, включая звено унтер-офицеров «…офицеры, старые и молодые солдаты составят одно целое (дух войска), и тогда чувство страха немыслимо, а успех военных действий обеспечен…»[2].

Нужно отметить, что отдельное значение вопросы воспитания и обучения нижних чинов в регулярной армии России стали приобретать еще со времени её создания Петром I, а в военных округах Российской империи – с 1862 г., когда военный министр Д.А. Милютин инициировал военную реформу, а в 1864 г. император Александр II именным указом ввёл в действие положения и штаты военно-окружных управлений.

Поучителен взгляд на соотношение воспитания и образования в военном деле военачальника и военного педагога генерала от инфантерии М.И. Драгомирова. Он полагал что, обучение как таковое является вторичным по отношению к воспитанию и полностью зависит от состояния последнего, а обучение грамоте рассматривал как прикладное к военной подготовке солдат «…стрельба требует умственного развития, которое в грамотности находит себе немалое подспорье, следовательно, солдата грамоте учить нужно…», – писал он[3].

---

[1] Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 81.

[2] Там же.

[3] Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 54.

Анализ правовых актов, изданных военно-окружными управлениями в 1864–1917 гг. показывает, что эта работа включала военно-правовое военно-медицинское и военно-историческое направления обучения, задачу необходимости соблюдения требований безопасности в ходе повседневной жизни и службы, о примерах мужества и героизма воинов в ходе боевых действий и в мирное время, доведение обращений императора, главы Русской православной церкви и командующих войсками военных округов, подписку на периодическую печать, издательскую деятельность, а также обеспечение религиозной работы в войсках[1].

Специфика содержания этой работы была обусловлена системой комплектования войск. До введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в войска поступали рекруты в основном из крестьян, которым были свойственны религиозность, преданность государю, трудолюбие и способность стойко переносить тяготы и лишения военной службы. Поступавшие в войска с 1874 г. рабочие и другие городские жители были подвержены распространявшимся в России революционным настроениям[2].

Обучение и воспитательные мероприятия в войсках проводились отдельно с нижними чинами и офицерами. Основной формой воспитательной работы с нижними чинами в системе боевой подготовки подразделений были занятия по словесности. Их целями было укрепление воинского духа и формирование религиозных чувств солдат и унтер-офицеров, чувства долга, преданности царю и Отечеству, понимания святости присяги, укрепление духа войскового товарищества, воспитание беспрекословного повиновения командирам и начальникам. «Преданность Вере, Царю, Отечеству и бесповоротное следование в бою за начальником, заботившемся о нем и умевшем не щадить себя для блага дела, – есть особенности, искони присущие русскому человеку», – справедливо подчеркивалось в одной из статей «Военного сборника» на тему воспитания в

[1] Цибиков В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 24.

[2] Там же.

армии[1]. Это достигалось объяснением сути воинского долга и значения молитв, содержание которых обязаны были знать и понимать нижние чины — христиане, военной присяги, изучением боевого пути части, освоением правовых знаний, касающихся военной службы.

Большое значение для воспитания нижних чинов в армии имело присутствие в частях священников. В числе основных форм обучения для нижних чинов вне системы боевой подготовки были обязательные, предусмотренные распорядком дня утренние и вечерние молитвы. В это же время священнослужители проводили беседы, солдатские чтения, в том числе в полковых музеях. На общих собраниях всех чинов и построениях также велось доведение указаний военно-окружных управлений. В рамках занятий по словесности священнослужители проводили духовные беседы. «Для простого, неразвитого человека религия является живою, нравственно просвещающей, сдерживающей силою… В тяжелые и радостные минуты своей жизни привык наш крестьянин обращаться к священнику, доверчиво раскрывая перед ним свои горести и радости. Связь эта, исторически установившаяся, предоставляет прекрасное, готовое средство; необходимо, чтобы она продолжала существовать и в армии… Для духовного развития солдата, для живого воздействия на его душу священник должен быть активным участником солдатской жизни роты и полка… в живой, непринужденной беседе объясняя обязанности христианина вообще и воина в частности (присяга), опираясь на примеры из жизни той же роты, иллюстрируя свой рассказ яркими примерами человеколюбия и самопожертвования русских людей, укореняя в солдатах доблести храброго воина и честного русского гражданина»[2].

При занятиях грамотой необходимо было знакомить солдат с главными их служебными обязанностями, с десятью заповедями, которые должны были выучиваться наизусть с пониманием сути заученного, с разъяснением жизненного их применения. «Молитву Господню все обязаны знать наизусть с полным ее

[1] Фабрика Ю.А. Горя пламенною любовію къ Отечеству… Новосибирск, 2012. С. 35.
[2] Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. СПб., 1884. № 7. С. 81.

пониманием. За исключением этой молитвы и десяти заповедей, ничего более наизусть не учить…»[1]. А также: «Человек должен знать свои обязанности к Богу, к людям и окружающему миру. Всему этому можно обучиться или словесным учением, т.е. изустным, или самому из книг вычитать…»[2].

В планировании занятий не было единой системы. Их содержание зависело от числа нижних чинов, результатов их обучения, от того, в какой обстановке находилось подразделение и т.д. Проводились они в свободное время и в общий расчёт учебных часов по предметам боевой подготовки не входили.

В решении этой важной задачи заметна роль унтер-офицеров. Данная проблема приобретала стратегическое значение. Армия превращалась во «всероссийскую школу образования». Унтер-офицеры весьма охотно занимались с солдатами письмом и арифметикой, хотя времени для этого было крайне мало. Один из унтер-офицеров, обучавший солдат грамоте, писал: «Для успеха дела надо было и руку – к письму; слух – к разделению на отдельные звуки; язык – постепенно приучать глаз отчетливому произношению этих звуков»[3].

В качестве учебных пособий для первоначального обучения чтению использовались «Русская Азбука для народных школ» и «Русская Азбука» В. Золотова, в которой, наряду с упражнениями для обучения гражданскому чтению, была напечатана церковная грамота и некоторые молитвы. К середине 1860-х гг. появились первые буквари для обучения солдат. В 1866 г. в «Военном сборнике» был напечатан «Букварь. Руководство учителю», составленный по опыту обучения солдат. Из религиозных изданий наиболее распространенными были одобренные духовным начальством «Начатки христианского чтения» и «Библейская история в кратких сказаниях, заимствованных из священных книг Ветхого и Нового Завета». Для поучительного и легкого чтения, наряду со статьями из журналов «Чтение для солдат», «Солдатская беседа», «Народное чтение», рекомендовались: «Сборник русских стихотворений для чтения

[1] Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 88.
[2] Там же. С. 113.
[3] Чиненный С.Унтер-офицеры Русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 63.

простолюдинам», «Сын рыбака Михаил Васильевич Ломоносов», «Народная сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, а также «исторические и географические сочинения, примененные к степени развития солдат»[1].

Отношение к этому важному делу передовой части офицерства, радеющего за грамотную российскую армию характеризуют следующие строки из «Военного сборника» – «…Мы смотрим на обучение солдат грамоте с особенным уважением, потому что этим путем вносится, в известной степени, образование в массу народа, отчасти обеспечивается будущность солдата, и из всех знаний, которые солдат приобретает на службе, грамотность единственный предмет на службе, приносящий ему, по оставлении службы, существенную пользу…»[2].

Это имело подтверждение и в повседневной жизни уволенных со службы нижних чинов, которые возвращались из армии к месту постоянного проживания. В частности, Ю.М. Гончаров в «Очерках повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в.», ссылаясь на архивные источники, пишет о жителях сибирского г. Ишима: «желание учиться грамоте почти всеобщее… Всякий семьянин охотно пользуется первым случаем поучить сына грамоте. Бессрочноотпускные и отставные солдаты, а также поселенцы много содействуют в этом успеху»[3].

При проверках состояния воспитательной работы и обучения в войсках, их эффективность оценивалась степенью нравственного, умственного и физического развития военнослужащих, их выправкой, опрятностью и здоровьем, что отражалось на репутации командиров. Как следует из отчётов военного ведомства о проверках военных округов, критериями эффективности работы по обучению и воспитанию были субъективные оценки молодцеватости и мужественности вида войск, качества тактической подготовки и прохождения церемониальным маршем после строевых песен, состояния боевого духа, результаты групповых бесед с

---

[1] Лютов С.Н., Панченко А.М. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века). Новосибирск, 2007. С. 191–192.

[2] Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 86–87.

[3] Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014. С. 250.

офицерами, в том числе в ходе обедов проверяющих и проверяемых; оборудование казарм картинами, учебными и наглядными пособиями, наличием солдатских читален; состоянием воинских церквей, укомплектованность войск полковыми священниками по штатам; наличие офицерских собраний, инициативность командиров организации их работы; качество занятий по грамотности и словесности[1].

Разновидностью воинского воспитания, являлось правовое воспитание нижних чинов. В рассматриваемое время быстро возрастал объём обязательных знаний в области права. С 1863 г. российское военное законодательство постоянно обновлялось и совершенствовалось, поэтому военнослужащим приходилось систематически пополнять свои знания, изучая важнейшие законодательные акты. Правовое обучение в русской армии проводилось дифференцированно, оно затрагивало все категории военнослужащих. В первую очередь это было необходимо делать офицерам[2].

Командиры и начальники различных степеней доводили до сведения своих подчинённых положения российского законодательства и знакомили их с практикой его применения. Военнослужащие получали представление о причинах различных правонарушений, условиях, способствующих их совершению, о мерах борьбы с преступностью и способах её предупреждения. Беседы по военному законодательству проходили в полковых, бригадных, батальонных учебных командах и школах подпрапорщиков, пиротехнической и технической артиллерийских школах, оружейных и военно-фельдшерских школах, готовивших унтер-офицеров и младших технических специалистов[3].

Большое значение в соблюдении законности имело поведение командиров и других начальников. Очевидным было, что если командир воинской части или подразделения имел ряд негативных качеств, таких, например, как лень, грубость,

---

[1] Цибиков В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 26.

[2] Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 47.

[3] Там же.

низкая исполнительность, безответственность, халатное отношение к своим обязанностям, неопрятность во внешнем виде и одежде, проявлял безразличие к нуждам подчинённых, злоупотреблял спиртными напитками, был склонен к корыстолюбию, обману, то это не могло не отразиться на состоянии правовой и в целом воспитательной работы в худшую сторону.

Как отмечалось: «Если сегодня ротный командир горячо толкует солдату о святости его призвания, о высоком назначении воина, а завтра, при малейшей оплошности этого воина, пустит в дело кулак; если сегодня он проповедует необходимость строгого, неукоснительного исполнения мельчайших требований воинской службы, а завтра, в присутствии нижних чинов, прибегает к плутовским мерам, чтобы скрыть допущенный беспорядок, – то естественно, что при таком порядке живые факты будут заглушать всякую мораль…»[1].

К сожалению, на практике не все командиры частей в повседневной деятельности были требовательными к своим подчинённым, «домашние» меры воздействия командиров воинских частей и подразделений часто были предпочтительнее законных. Мотивы начальников, озабоченных честью мундира и личной карьерой, а также корпоративностью, существовавшей среди офицеров, были понятны. Однако же, в этом случае, упускалось важное воспитательное значение в деле формирования убежденности солдат в необходимости добровольного следования дисциплине. «…Например, ротный командир избил солдата: «лучше я его, мол, поколочу, чем отдам под суд»; фельдфебель получает от артельщика вместо положенного фунта – три фунта говядины; взводные увольняют со двора людей за угощения; младший офицер в присутствии нижних чинов «прошелся» на счет начальства, – раз если солдат заручился такими наблюдениями, то уже никакое изучение дисциплинарного устава не может водворить в его сознании чувства дисциплины. Ежели же ежечасно в ротном командире, младших офицерах и в прочих чинах рот солдат будет видеть живые образцы долга, исполнительности и справедливости, то можно быть уверенным,

[1] Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. СПб. 1884. № 7. С. 79.

что сначала из страха, а впоследствии из привычки и сознания, он не перешагнет роковой черты дозволенного от недозволенного[1].

Если же воспитатель и наставник в лице командира зарекомендовал себя трудолюбивым и исполнительным, ответственным за принимаемые решения, прослыл аккуратным, честным, принципиальным, требовательным к себе и подчинённым, придерживался установленных правил не на показ, а по внутренней установке, то, конечно же, он пользовался высоким авторитетом и уважением в глазах и начальников, и подчинённых, являлся образцом для подражания.

Значимость положительных морально-деловых качеств у военнослужащих была настолько существенна, что основные для военного дела качества закреплялись как обязательные, о чём свидетельствовали требования Устава внутренней службы. Так, в общих обязанностях нижних чинов отмечалось, что каждый из них «должен всегда и везде иметь бодрый и молодцеватый вид... держать себя с достоинством, воинскому званию присущим, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в ссоры, не участвовать в сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках»[2]. Перечисленные обязанности не являются только лишь набором требований, которые военнослужащий должен выполнять, они еще, и направлены на формирование внутренней потребности солдата соответствовать личностным характеристикам, наиболее важным для военного дела. Другими словами, это показатели уровня состояния правосознания военнослужащего, ориентиры для его качественного самосовершенствования.

Организуя правовое воспитание, Военное министерство в «Положении об обучении войск всех родов оружия» (1880 г.) выделяло следующие задачи: обучение личного состава правовым знаниям и превращение их в личные убеждения, в практические навыки и привычки правомерного поведения;

[1] Лоссовский. Забава и дело в казарме… С. 88.
[2] Устав внутренней службы. СПб., 1910. С. 44–45.

привитие военнослужащим чувства нетерпимости к любым отступлениям от требований правовых норм и формирование у них умения активно отстаивать и защищать свои права, готовности к таким действиям; укрепление законности и правопорядка в войсках. При этом на первое место ставилось обучение правовым знаниям. Усвоение же со стороны обучаемых и воспитуемых, закрепление в сознании всего услышанного и увиденного ими могло быть достигнуто только уважительным, терпеливым и гуманным отношением к подопечным самих воспитателей.

Большое внимание уделялось формированию личностных качеств: мужества, отваги, бесстрашия, терпения, стойкости, силы воли, способности переносить тяготы и лишения военной службы, инициативности, смекалки, приверженности войсковому товариществу и взаимовыручке, любви и беззаветной преданности Отечеству и народу, готовности пожертвовать здоровьем, а если потребуется, то и самой жизнью ради победы над врагом.

Высшими побуждениями признавались религиозность, патриотизм, чувство долга и чести, честолюбие и славолюбие, «осознанность корпоративности».

Много фактического материала на эту тему для исследователя содержится в различных приказах: недостатки в организации и проведении правового воспитания, отрицательно влиявшие на правовую культуру; уровень преступности; количество правонарушений в войсках; состояние законности и правопорядка в целом и т.п. Они дают правильное понимание органической связи правовой работы с состоянием воинской дисциплины, а значит, и с боеготовностью частей и подразделений, вскрывают трудности в практической деятельности командиров и военачальников[1].

Универсальным путём повышения уровня правосознания солдат и правовой работы было формирование духовных ценностей, поскольку оно способствовало осмысленному развитию личности, овладению всесторонними знаниями, росту

[1] Крылов М.В. Формирование основ правовой культуры в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 42.

правовой культуры, закреплению правомерного поведения, а также воспитанию положительных качеств, необходимых для поддержания воинской дисциплины в целом.

Что же касается ограждения от вредных влияний, то некоторые командиры считали необходимым создавать для солдат специальные артели или чайные, «которые будут давать возможность солдату провести более или менее приятно часы досуга». Безусловно, эта мера была направлена и на ограждение «нижних чинов от трактиров и других общественных заведений, где они могут встречаться с людьми, распускающими зловредные мысли»[1].

В казармах, как говорили тогда, «устраивались приличные развлечения»: работали солдатские артели, чайные, читальни, ставились спектакли с участием солдат и унтер-офицеров. «Для того, чтобы человек жил здоровой жизнью и хорошо работал, ему необходимы, кроме достаточной пищи, известные возбуждения, которые выводили бы его от времени до времени из обычно - монотонной колеи жизни; образованные люди удовлетворяют эти потребности: книгами, общественными собраниями, музыкой, театрами; солдату же мы предложим вечерние беседы священника, врача, офицеров, гуманные картины, казарменные спектакли, и полковое начальство не остановится перед средствами, так как эти затраты сторицею окупятся умственно-нравственным подъемом нашего солдата»[2].

Современник также отмечал: «Весьма важной мерой для умственного развития солдата является чтение книг и газет. Наш простой народ далеко не глуп. Яркая простонародная речь, пословицы, поговорки, наконец, весь народный эпос – результат тысячелетней умственной работы народа – красноречиво свидетельствуют о его стихийной умственной крепости»[3].

---

[1] Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XIX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 48.

[2] Лоссовский. Забава и дело в казарме… С. 83.

[3] Там же. С. 84.

Однако, характерной особенностью материалов некоторых окружных газет и журналов были суждения о жизнедеятельности и обучении войск, которые не всегда совпадали с позицией официальных изданий военного ведомства «Русский инвалид» и «Военный сборник». В войсках стали нормой указания о запрещённых для чтения нижними чинами книгах, изъятии из обращения частных изданий, не рекомендованных Главным штабом. Практически во всех военных округах проводились проверки фондов офицерских библиотек, обращалось внимание на более строгую проверку книг, доступных нижним чинам. Выбор книг регламентировался «в видах облегчения ближайшим начальникам выбора книг, соответствующим целям начального образования и нравственного воспитания нижних чинов» приказом Военного министра № 343 от 11 сентября 1879 г. и был объявлен Главным штабом Военного министерства. К этому приказу приложением шел «Системный каталог» книг, одобренный для обращения в войсках Главным комитетом по устройству и образованию войск[1].

Как писал современник: «Нравственно ответственные за правильное, умственное развитие солдата, мы должны зорко следить за книжным материалом, обращающимся в руках солдат. Надо сознаться, что желаемый спрос на чтение встречает недоброкачественное предложение в лубочных изделиях разных аферистов, и солдат тратит свой грош на безграмотные, бессмысленные, неопрятные изделия этой литературы, вроде «Битвы русских с кабардинцами», «Английских милордов», «Сонников»; литература эта давно уже вошла в моду у грамотного простолюдина и следует за ним в казарму. Вся эта «духовная пища» имеет целью лишь тешить и щекотать животные инстинкты, но никак не развивать...»[2].

«Наши ротные библиотеки имеют прекрасные издания вроде «Досуг и дело», хотя число экземпляров далеко недостаточно по числу людей; но если ротный командир и младшие офицеры роты возьмут в свои руки как направление солдата в выборе путных книг, так и самое чтение, то дело поправимо; вообще

[1] Приказ Военного министерства № 343 от 11 сентября 1879 г.
[2] Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 85.

руководить чтением обязательно должны офицеры, так как для солдата, лишенного всякой элементарно-научной подготовки, чтение – простой, механический процесс складывания букв в слова. Чтение должно быть в высшей степени занимательным, обдуманным и строго систематичным, шаг за шагом втягивая солдата в область интересных и нужных для него знаний. Вкореняя в солдате полезное знание и верное понимание вещей, мы косвенным образом проникаем в темную и невежественную среду нашего крестьянства, внося туда лучи света и теплоты; грамотный, развитой солдат, вернувшись в деревню, не раз помянет нас добрым словечком, найдя себе как кусок хлеба, так и уважение от сельчан»[1].

Необходимость организации библиотек для нижних чинов была осознана военным командованием еще в середине XIX в. Развивался этот процесс в русле активного обсуждения вопросов, связанных с дальнейшим развитием войсковых библиотек. При этом, выделение средств на эти нужды до середины XIX в. не предусматривалось, книги для солдатского чтения, приобретались за счет хозяйственных сумм, «без расходов от казны», и лишь в 1859 г. для обучения грамотности было назначено по 10 коп. в год на каждого штатного нижнего чина[2]. Таким способом в ротах, эскадронах, батареях, учебных командах начался процесс постепенного накопления книг для солдатского чтения.

В 1870-е гг. военное ведомство принимало меры к приведению деятельности по обучению солдат грамоте в определенную систему, упорядочению выпуска литературы и контролю чтения «простолюдинов в солдатских шинелях». С 1871 г. приказом по военному ведомству № 31 предусматривалось дополнительное выделение денег на обучение грамоте из расчета 5 коп. в год на каждого нижнего чина. В 1877 г. Главному комитету по устройству и образованию войск было поручено озаботиться «об устройстве читален для нижних чинов». Этим же комитетом к 1879 г. был подготовлен «Систематический каталог книг, одобренных к обращению в войсках между

[1] Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 86.
[2] Библиотеки солдатские // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 4. С. 537.

нижними чинами», который в последующие годы дополнялся, уточнялся и неоднократно переиздавался[1].

Еще дважды в рассматриваемый период военным ведомством в 1897 г. в сумме до 10 коп. на каждого нижнего чина и в 1909 г. дополнительных 10 коп. последовало увеличение средств на развитие солдатских библиотек, что считалось уже вполне достаточным в определенных военных кругах[2].

В последнее десятилетие XX в. отношение военного ведомства к вопросам обучения солдат грамоте изменилось. Контрреформы в области образования затронули и армию. С 1892 г. обучению грамоте уделяется все меньшее значение, с этого времени для офицеров эта задача не рассматривается военным ведомством, как воспитателя народных масс, несущих в нее образование. Однако, данное обстоятельство едва ли можно считать обоснованным в то время, как процент неграмотных призывников, даже при условии его снижения, оставался очень высоким.

Таким образом, осознание военным командованием необходимости образования солдат в интересах развития военного дела в условиях реформирования и перевооружения армии было очевидным. Необходимость воспитания солдат в духе патриотизма, верности вере, царю и Отечеству, следования требованиям законопослушного поведения по отношению к старшим начальникам в деле формирования здорового духа войск прекрасно понималось командованием. Стремление прогрессивно настроенных офицеров и представителей общественности к обучению солдат грамоте и повышению грамотности всего населения страны были основными точками опоры развития этого процесса.

Вместе с тем этой работе не хватало согласованности. В некоторых случаях мероприятия проводились бессистемно, что вероятно, было вызвано недостатками организации воспитательного процесса и управления им, в том

[1] Лютов С.Н., Панченко А.М. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века). Новосибирск, 2007. С. 189.

[2] Там же.

числе отсутствием должной исполнительской дисциплины. Действия в этом направлении характеризовались отсутствием системы контроля, чётких критериев оценки состояния обучения и воинского воспитания, эффективности этой работы, а в ряде случаев – сознательным игнорированием и нарушением предписаний руководства округов.

3.2. Традиции и ценностные ориентации

Важную роль в жизни военных играла религия. Религиозность в дореволюционный период была традиционной чертой мировоззрения народа, но в военной среде она усиливалась, актуализировалась. Это во многом было связано со спецификой военной службы. Традиционное религиозное понимание мира как борьбы добра и зла, божественного и дьявольского начала в мировосприятии военных преобразовывалось в понимание задач воина – быть защитником государства и православной веры, всех слабых, обиженных, противостоять злу во всех его проявлениях. Действительно, для солдата война всегда была связана с риском, смертью, непредсказуемостью. Религия, вера помогала преодолеть страх смерти, придавала дополнительную смелость и решительность. Нужно иметь в виду, что военный человек вынужден был по своему предназначению совершать на войне убийство себе подобных, пусть оправданное, но убийство. В данной ситуации вполне оправдано стремление замолить грех, очиститься[1].

Как писал один из современников, – полковник П.А. Ражепо, – «Вера и самые обряды религии тем более важны для воинов, для тех людей, которым приходится бывать часто ив тяжких обстоятельствах, где смерть смотрит им в глаза, и где одни только незабываемые основы веры могут спасти от колебаний и лукавых мудрствований»[2].

Директор Сибирского кадетского корпуса А.П. Кичеев так писал о значимости религиозного элемента в мировоззрении военных: «Храм Божий

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 68.

[2] Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX в. // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 106.

дорог сердцу каждого православного христианина и может быть еще дороже православному воину»[1].

Религиозному воспитанию нижних воинских чинов уделялось большое внимание. В солдатских школах обязательно преподавался Закон Божий. Все солдаты были обязаны регулярно посещать храм. Многие воинские части имели собственные церкви. Командование очень внимательно относилось к религиозной жизни нижних воинских чинов. Можно привести такой факт, что в Омской дисциплинарной роте на расходы по богослужению выделялось из казны 200 руб. в год, а на канцелярские расходы – 75 руб.[2] Если воинская часть не имела собственной церкви или священников, то ее военнослужащие посещали городские храмы, для совершения обрядов и религиозно-нравственных бесед приглашались городские священники.

Наиболее полно роль православного духовенства по укреплению духа и воспитанию нравственности в вооруженных силах осветил в своей монографии Ю.А. Фабрика[3].

Недостаток церквей и военных священников нередко затруднял удовлетворение религиозных нужд военных, особенно на окраинах империи. Военный министр А.Н. Куропаткин в 1899 г. в от чете по об инспекции Сибирского военного округа отмечал: «Удовлетворение религиозных потребностей далеко не обеспечено. Войска Омского и Томского гарнизонов не имеют своих церквей и священников и пользование приходскими церквями отчасти затруднено»[4].

В 1903 г. командующий войсками Сибирского военного округа генерал Н.Н. Сухотин признал необходимым назначить священников во все строевые части округа, но из-за нехватки средств на введение штатных причтов

---

[1] Степной край. 1898. 16 дек.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 69.

[3] Фабрика Ю.А. На прогнание всякого супостата. Новосибирск, 2016.

[4] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 69.

религиозные нужды, должны были удовлетворять священники, назначаемые епархиальным батальонов, расположенных в Томске, Тобольске, Омске, Семипалатинске, Барнауле и Зайсане начальством[1].

Для отправления служб военных в России строились специальные воинские храмы при военных частях и учреждениях. О.В. Гефнер относит военные храмы к «духовным воинским заведениям». Историк отмечает, что наибольшее число воинских храмов располагалось в Омске. Это: Омский Воскресенский военный собор, Скорбященская церковь, Преображенская церковь, церковь Покрова Пресвятой Богородицы 44-го Сибирского стрелкового полка, церковь Святого Николая Чудотворца, церковь Омского резервного пехотного батальона[2].

Главным военным храмом Омска являлся Воскресенский собор, построенный еще в 1773 г. на средства военно-инженерного ведомства. В 1832 г. собор был принят в полную собственность Военно-инженерного ведомства, а в 1895 ему был придан статус кафедрального[3].

У церкви существовал большой приход, в 1875 г. среди прихожан числилось 565 мужчин и 725 женщин. Большинство из них составляли военные и члены их семей[4].

Военные церкви существовали и в других городах региона. Например, в Барнауле в 1906 г. был построен храм Николая Мирликийского (Никольская церковь), существующая и поныне. Это была церковь 12-го Сибирского резервного пехотного Барнаульского полка[5].В Томске в местном воинском лазарете действовала домовая церковь, основанная в середине 1880-х гг.[6]

---

[1] Фабрика Ю.А. Церковь и армия в России… С. 11.

[2] Гефнер О.В. Роль военных храмов в культурной жизни Омска // Общество и религия. Омск, 1997. С. 32.

[3] Лебедева Н.И. Омские храмы // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1993. № 2. С. 100.

[4] ГАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 27об.

[5] Кривоносов А.Я. Православные храмы Алтая. Барнаул, 2000. С. 64.

[6] Сибирская жизнь. 1899. 26 января.

Показателем религиозности военных может служить их активное участие в религиозно-просветительских обществах, благотворительна деятельность в пользу церкви.

У каждой воинской части был свой праздник, приходившийся на дни церковных торжеств. Считалось, что каждая часть имела своего небесного покровителя, его образ находился в помещениях части, особо почитался. Например, праздник 1-го Западно-Сибирского линейного батальона отмечался 6 января (день Богоявления Господня), 2-го Западно-Сибирского линейного батальона – 16 августа (день Спаса Нерукотворного), 4-го Западно-Сибирского линейного батальона – 8 ноября (день святого Архистратига Михаила) и т.д.[1]

Обязательным атрибутом всех воинских праздников и церемоний были торжественные православные богослужения. В дни наиболее значимых праздников нижние чины принимали участие в специальных церковных парадах[2]. Каждый такой парад становился главным зрелищем для всего города. Например, в Омске на Богоявление (6 января) специально выделенные военные подразделения, неся военные знамена и хоругви, отправлялись от Воскресенского или Успенского кафедрального собора через центр города торжественным маршем на Иртыш, где на льду реки проводилось краткое богослужение и водосвятие. В момент погружения священником креста в воду фейерверкеры производили салют из орудий[3].

Религиозные традиции военных оказывали ощутимое воздействие на духовную жизнь региона, особенно это касается Омска. Так, в частности, характерной особенностью православной жизни «военной столицы» Западной Сибири было незначительное количество традиционных крестных ходов, основной состав участников которых составляли представители собственно

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири… С. 70.

[2] Скобликов С.В. Воинские праздники и церемониалы в жизни нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1. С. 21.

[3] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири… С. 70.

городских сословий, в то время как в Томске в середине XIX в. их насчитывалось до десятка[1].

Большое количество военных в населении Омска приводило к тому, что они являлись главными участниками церковных шествий.

Командование при этом учитывало многоконфессиональный состав нижних чинов армии многонациональной империи. Так, представители разных конфессий приносили присягу согласно обычаям и традициям своей веры. В воинских частях региона наряду с православными священниками вели работу и представители духовенства других вероисповеданий. Во время своих религиозных праздников, согласно приказам командования, иноверцы увольнялись от службы, чтобы иметь возможность отправлять обряды по их вере. Даже в питании евреи и мусульмане имели выбор: при невозможности употребления пищи по религиозным соображениям, они могли получать провиант и приварочное довольствие на руки. Такая практика веротерпимости была особенно актуальна для такого полиэтничного региона, как Западная Сибирь и, соответственно, для полиэтничного состава нижних чинов.

Нужно отметить, что случались и факты пренебрежительного отношения солдат в предметам культа, и даже богохульства. Так, например, О.В. Гефнер приводит следующий факт: 23 сентября 1905 г. Заключенный Омской дисциплинарной роты Максимилиан Шиндлер снял со стены принадлежавшую ему икону св. Владимира в присутствии находившихся в помещении нижних чинов, мазал ее хлебом и кашей, тыкал ее ножом и нецензурно выражался[2].

Тем не менее, религия оставалась одной из ключевых основ мировоззрения нижних воинских чинов российской армии. Даже в церковных канонах, и в общественном сознании укрепилось наименование «Христолюбивого» русского воинства[3]. Так, священник Д. Худяковский в речи, посвященной 50-летию храма

---

[1] Куприянов А.И. Общественные праздники в Омске… С. 59.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири… С. 71.

[3] Штейнфон Б. Воин Христов. // Душа армии. Русская военная иммиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 325.

при Сибирском кадетском корпусе 6 декабря 1898 г., таким образом охарактеризовал религиозность русской армии: «Наше русское воинство… в массе своей – есть самое религиозное общество из всех светски образованных обществ»[1].

Среди традиционно важных черт духовного облика военных, несомненно можно отметить патриотизм. Нижним чинам российской армии, в том числе и служившим в Сибири, было свойственно стремление исполнять свой воинский долг перед Родиной, а идеалы мужества, самоотверженности являлись одним из ключевых элементов мировоззрения военных.

Особенно ярко идеалы проявились у воинов-сибиряков во время русско-японской войны 1904–1905 гг. С первых дней войны массовым явлением становятся обращения военнослужащих к командованию с просьбой отправится добровольцами в ряды действующей армии. Такие прошения сделали, например, 28 заключенных Омской дисциплинарной роты, 14 нижних чинов служительской команды при Сибирском кадетском корпусе[2].

В военных действиях на фронтах войны войска Западной Сибири принимали самое активное участие, в том числе и в главнейших сражениях при Ляояне, р. Шахэ, Мукдене и др.

О мужестве и подвигах сибиряков существует обширная литература, как дореволюционная, так и новейшего времени[3]. Из работ последних лет наиболее обстоятельно эта тема исследована в монографии Ю.А. Фабрики «Пример служения России. Сибирский военный округ в русско-японской войне 1904–1905 гг.» (Новосибирск, 2015).

---

[1] Худяковский Д. К чествованию 50-летнего существования храма в Сибирском кадетском корпусе 6 дек. 1898 г. 1898 г. Омск, 1898. С. 14.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 80.

[3] См., например: Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 2001.

Командующий Манчжурской армией генерал А.Н. Куропатки отмечал в своем дневнике 6 сентября 1904 г.: «Сибирские войска, несомненно, лучше себя проявили, чем прибывшие из Европейской России…»[1].

Одной из характерных черт мировоззрения нижних воинских чинов был монархизм. Следует отметить, что такие категории как «царь», «монархия» являются элементами мировоззренческой системы, организующей сознание и поведение[2].

Одной из особенностей такой отдаленной провинции было т о, что военные не имели непосредственной близости с монархом, как это было в столицах, где общение армии, в том числе нижних воинских чинов, играло важнейшую роль в формировании мировоззрения военных. В то же время и в провинции существовали практики поддержания связи армии и монарха.

Система воспитания в войсках была направлена на формирование преданности престолу, любви к государю-императору – верховному главе русской армии. Наиболее почитаемыми и празднуемыми днями среди военных были так называемые «царские дни», - дни рождений и тезоименитства императора и членов его семьи, коронации и т.д. В эти дни в воинских частях в храмах проводились молебны о здравии и процветании царствующего дома, парады войск гарнизона. Традицией было отправление командующим округом поздравительных телеграмм императору и другим членам дома Романовых. О.В. Гефнер отмечает, что эти телеграммы никогда не оставались без ответа, который зачитывался перед строем во всех частях и воинских учреждениях, что создавало у солдат ощущение постоянной связи с монархом, которая не ослабевала, несмотря на разделявшее их расстояние.

Воспитанию монархизма, преданности престолу в военной среде служила также организация различных лекций, чтений, литературно-музыкальных вечеров

---

[1] Цит. по: Фабрика Ю.А. Сибирский щит (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). С. 73.

[2] Кожевин В.Л. Монарх и монархия в системе ценностей российского офицера… С. 66.

с патриотической тематикой, нередко приуроченным к юбилейным мероприятиям.

Способствовало поддержанию и укреплению связи монарха и армии также общение военных с членами царствующего дома во время их посещения Сибири. Так, например в 1868 г. Сибирь посетил великий князь Владимир Александрович. После этого посещения он стал шефом 1-го Западно-сибирского линейного батальона. Шефство членов царской семьи над различными воинскими частями было традиционно для русской армии.

В 1891 г. Сибирь посетил наследник цесаревич Николай Александрович. Войска Омского регулярного батальона составляли его почетный караул во время пребывания в Омске. Будущий император посетил лагеря батальона и Сибирского кадетского корпуса, Воскресенский военный собор, присутствовал на смотре войск. Подполковник М.Н. Фукин, сам находившийся в почетном карауле писал: «Наследник Цесаревич обошел почетный караул, здороваясь с каждым офицером, прикладывая руку к головному убору… При прохождении роты удостоил благодарить словами: «Спасибо молодцы». Уезжая из Омска, Николай Александрович пожаловал подарки… нижним чинам – деньги, фотографии и по чарке водки[1].

Это не могло не произвести глубокого впечатления на солдат и офицеров, способствовало закреплению в их сознании идеала народного монарха, близкого армии, заботящегося о ее нуждах.

Если говорить о политической культуре военных, то нужно признать, что основная масса нижних чинов были индифферентны к политике. Обзоры, направляемые начальниками жандармских управлений Западной Сибири в департамент полиции, свидетельствовали о полном равнодушии военных к политической деятельности. В политическом обзоре Акмолинской области за 1884 г. отмечалось, что в Омске «в среде войск, расположенных в городе не

[1] Фукин. История… С. 98.

возникло никаких поводов к изобличению кого-либо из офицеров или нижних чинов во вредном политическом направлении»[1].

В начале XX в. в войсках Западной Сибири развернулась социал-демократическая пропаганда. В это время в городах региона начинают распространяться в войсках издаваемые сибирскими организациями РСДРП революционные прокламации. Особенно активно эта работа велась в Барнауле, Омске, Томске и Тюмени.

Пропаганда и агитация, проводимая социал-демократами в войсках региона, приносила свои плоды. Нередкими были случаи участия солдат в распространении революционных прокламаций. Так, начальник Омского жандармского управления отмечал в 1906 г. отмечал, что революционеры, ведущие активную противоправительственную пропаганду, «хотя не смогли склонить на свою сторону офицеров, но достигают иногда желательных для них результатов в среде солдат»[2].

Так, например, В.М. Самосудов отмечал, что наибольшие успехи в Омском военном округе пропаганда социал-демократов имела в 4-м Сибирском саперном батальоне, Омской дисциплинарной роте и 11-й стрелковой бригаде, нижние чины которых привлекались к дознаниям за распространение революционных прокламаций и посещение митингов[3].

Исследователи приводили факты участия солдат некоторых гарнизонов в революционных сходках. В частности в 1905 г. начальник Томского жандармского управления докладывал губернатору об участии нижних воинских

---

[1] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура… С. 74.

[2] ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.

[3] Самосудов В.М. Революционная пропаганда среди солдат Омского военного округа в 1907–1914 гг. // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Омск, 1970. № 45. С. 142.

чинов, стоящих лагерем близ Барнаула в сходках, организованных местной группой РСДРП[1].

В то же время нередкими были случаи проявления нижними чинами верности долгу, когда солдаты докладывали начальству о противоправительственной агитации, которую проводили их сослуживцы или гражданские лица. В частности к нижним чинам 11-пехотного батальона Сибирского Семипалатинского полка Осипу Деженину и Савватию Павлову, 10 октября 1906 г., когда они стояли на платформе станции Омск, подошел неизвестный штатский и предложил какие-то агитационные листки. Увидев, что это прокламации социал-демократов, солдаты забрали агитатора и сдали его дежурному офицеру. О В. Гефнер отмечает, что иногда такие проявления сознательности приводили к курьезным случаям: 10 августа 1906 г. в Петропавловске нижние чины местной команды развязали драку с рабочими депо, которые выкатывали по пути оси для паровоза и в связи с этим держали красные флажки, как это было принято на железной дороге и поэтому были приняты солдатами за демонстрантов[2].

Подъем общественного движения в стране в годы первой русской революции конечно же оказывал влияние на политические настроения нижних чинов Сибири. Тем не менее, несмотря на заметную пропагандистскую работу среди войск, основная масса военных сохраняла верность самодержавию и политическую индифферентность.

Среди важнейших ценностей военных было чувство воинского товарищества, сплоченности, корпоративной военной солидарности.

Значительную роль в формировании чувства военной корпоративности играли различные военные праздники. Обязательными элементами воинских традиций были парады и церемониалы.

---

[1] Кондриков Б.В. Революционные выступления солдат в Западной Сибири в годы первой русской революции // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Омск, 1965. № 22. С. 94.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 79.

Воинские парады нередко устраивались во время государственных праздников, которыми считались события, связанные с важными моментами в жизни царствующего дома Романовых: рождением, крещением наследников, достижением ими совершеннолетия, вступлением в брак, коронацией. Например, в начале XX в. праздниками были 6 мая и 6 декабря – день рождения и день тезоименитства (день ангела) императора Николая II. 14 декабря и 22 июля были днем рождения и днем ангела его матери – вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Супруге императора – царице Александре Федоровне почести отдавались 25 мая и 23 апреля. К «царским» праздникам относился и день коронации правящей императорской четы – печально памятный в русской истории день 14 мая 1896 г. (в тот день во время народных гуляний на Ходынском поле в Москве погибло в давке около 1500 чел.)[1].

Парады были частью не только государственных праздников, но и общественных. Например, в 1887 г. в Тобольске отмечали 300-летие города. Тобольский резервный батальон не только провел воинский парад, но также участвовал в крестных ходах, освящении часовни в память кончины императора Александра II, принимал угощение от городского общества[2].

Особенно велико было значение военных парадов в общественном быту Омска, в котором располагался крупнейший в Сибири воинский гарнизон и центр армейского управления. Благодаря этому в Омске устраивали и военные триумфы, что не было свойственно другим сибирским городам[3]. Например, весьма торжественно праздновалось вступление в Омск войск, возвратившихся из похода, увенчавшегося присоединением к России значительной территории Средней Азии. По улицам города торжественно несли боевые трофеи, в числе

---

[1] Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014. С. 312.

[2] Голодников К. Празднование городом Тобольском 300-летней годовщины своего существования. Б.м., б.г. С. 1–12.

[3] Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 116.

которых, как утверждал в мемуарах генерал И.Ф. Бабков, случайно попал и какой-то ключ, ошибочно принятый за символический ключ от Пишпека[1].

Воинские парады и церемонии были в то время одним из любимых развлечений не только простого народа, но и высшего общества. Об этом, например, писал офицер И. Белов, служивший в Омске[2].

Нередко торжественно праздновался в войсках день святого Георгия Победоносца – 26 ноября и день святого Николая Чудотворца – 6 декабря.

Для солдат городских гарнизонов в эти дни обычно давались бесплатные угощения от городского общества. Так, в 1896 г. в Томске, во время празднования коронации Николая II, всем солдатам местного батальона раздали «по чарке водки и пирогу»[3]. Такая традиция свидетельствовала о заботе горожан о людях, которые несли нелегкое бремя воинской службы. Организация бесплатных обедов с непременной выдачей винной порции была призвана создавать праздничное настроение среди солдат в дни государственных праздников. С другой стороны, устройство бесплатных угощений для солдат являлось демонстрацией верноподданнических монархических настроений со стороны молодой сибирской буржуазии, а иногда и средством получить правительственную награду. Так, омский купец Корчемкин удостоился благодарности правительства за пожертвование в «высокоторжественные дни в 1856 и в настоящем 1857 году… нижним военным чинам в г. Омске вина 258 ведер, на сумму 1096 ½ руб. серебром»[4].

Подобные мероприятия способствовали воспитанию и поддержке воинских традиций, чувства патриотизма, воинского братства. Воинские праздники играли

---

[1] Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. С. 24.

[2] Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 41, 79.

[3] ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 139. Л. 218.

[4] Куприянов А.И. Указ. соч. С. 117.

большую роль и в общественной жизни сибирских городов, являлись частью праздничной культуры региона[1].

Значительная роль военных в жизни региона, расположение в городах Западной Сибири многочисленных воинских частей и заведений отразилось и в городской топонимике. В Омске, например, существовали улицы: Лагерная, Штабная, Манежная, Полковая, Артиллерийская, Бригадная, Госпитальная, Солдатский переулок[2]. В Томске были Солдатская слобода, Солдатская и Офицерская улицы, Лагерный сад[3].В Барнауле также была Солдатская слобода, Полковая улица, в Бийске – Крепостная улица[4].

Особе значение в воинской среде имела этика общения начальника и подчиненного. В литературе уже отмечалось, что взаимоотношения офицеров и солдат во второй половине XIX в. изменялись в лучшую сторону. В армейской среде постепенно происходит осознание необходимости уважительного отношения к личности солдата, его потребностям, понимание, что такое отношение способствует повышению духа и боеспособности нижних воинских чинов. Так, в 1884 г. штабс-капитан Лоссовский писал: «Жизнь в армии, ее быт, условия, интересы, потребности, всестороннее развитие распадаются на две категории: формальную и общечеловеческую. В солдате два существа – казенное и свое собственное… Работать над развитием первого и быть крайне чутким ко второму существу – обязанность каждого военного, на которого подчиненный смотрит как на начальника и человека»[5].

Еще в 1860-х гг. в российской армии законом были отменены телесные наказания. Их применение сохранялось только по отношению к нижним чинам, состоящим в разряде штрафованных, однако использовались нечасто. Например,

---

[1] Гончаров Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 135–138.

[2] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 44.

[3] Лясоцкий И. Прошлое Томска. Томск, 1952. С. 12.

[4] Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1980. С. 37.

[5] Лоссовский. Забава и дело в казарме // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 257.

в 1880 г. в Омской дисциплинарной роте телесным наказаниям подверглись всего 8 из 241 заключенного[1]. В 1905 г. телесные наказания в армии были запрещены полностью.

Известны случаи существования т.н. «неуставных отношений» в военной среде, хотя они строго наказывались, если командованию становилось о них известно. Например, в 1903 г., во время осмотра Петропавловской местной команды дежурным штаб-офицером Омской местной бригады полковником Волчновским было установлено, что, как начальник команды, так и фельдфебель, бьют солдат, не выдают им заработанных денег, не разрешают носить мундирную одежду. В итоге начальник команды капитан Прейн был отстранен от должности и предан суду[2].

При этом если со стороны офицеров рукоприкладство по отношению к нижним чинам было достаточно редким явлением, то унтер-офицеры, занимавшиеся непосредственным обучением нижних чинов частенько «распускали руки», вымогали деньги. Так омская газета «Степной край» в 1905 г. за подписью «Солдат» опубликовала статью, в которой писалось: «При поступлении на службу, солдата начинают обучать военному образованию старшие солдаты, так называемые «дядьки», и конечно, начинают его опаивать и обирать, а если он не станет давать водки или денег, то на него сердятся и посылают не в очередь на работы, в караул и пр., словом стараются «подставить ему ногу»[3].

О не всегда высоком моральном облике нижних чинов свидетельствуют и другие факты. Так нижние чины случалось проматывали казенное имущество, а иногда даже нападали на городских жителей. В политическом обзоре г. Барнаула за 1886 г. помощник начальника Томского губернского жандармского управления ротмистр Мозкевич сообщал: «В последнее время дурным своим поведением и нравственностью нижние чины возбудили недовольство мещан города, и

---

[1] Гефнер О.В. Военные и культура… С. 84.
[2] Приказ по Сибирскому военному округу № 42. 18 февраля 1903 г.
[3] Степной край. 1905. 16 дек.

вследствие этого при каждом удобном случае, между ними происходят одиночные уличные драки…»[1].

Достаточно серьезным пороком в армии было пьянство. В политическом обзоре Тобольской губернии за 1886 г. начальник жандармского управления отмечал, что в городе Кургане «нижние чины дозволяли себе являться на задних улицах города не в воинском платье в пьяном виде с распутными женщинами, а также при встречах с подведомственными унтер-офицерами не соблюдали правила отдания воинской чести…»[2].

Тем не менее, несмотря на подобные случаи, в целом нельзя сказать, что нарушения дисциплины нижними воинскими чинами были массовыми. Так, Фукин в истории своей части отмечал, что среди нижних чинов Омского резервного батальона в разряде штрафованных состояло в 1875 г. – 1,2%, в 1880 г. – 1,2, в 1895 г. – 2%[3].

Таким образом, нижние воинские чины являлись особой социально-профессиональной группой со своей специфической культурой, ценностями, традициями, нормами поведения и системой взаимоотношений. Для подавляющего большинства военных были характерны религиозность, патриотизм, монархизм. Жесткая иерархичная военная система поддерживала традиционность жизни нижних воинских чинов. Многие военные традиции становились неотъемлемой частью повседневной городской жизни региона.

[1] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура… С. 96–97.
[2] Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура… С. 97.
[3] Фукин. Указ. соч. С. 305, 314, 335.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военные всегда на протяжении всей истории России играли значительную роль в жизни государства и общества. На протяжении столетий российской истории они сформировали особую социокультурную общность, значительно отличавшуюся от других социальных страт, обладавшую специфическими чертами образа жизни, социальной роли, самосознания и корпоративности.

Особой группой военных в XIX – начале XX вв. являлись нижние воинские чины или, другими словами, «солдатское сословие». Эта категория состояла из солдат и унтер-офицеров российской армии, как состоящих на службе, так и бессрочноотпускных и отставных солдат с их семьями. Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в., когда при введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий.

Поскольку действительная служба была сначала пожизненной (впоследствии постепенно ограниченной 25 (1793 г.), 20 (1834 г.), 12 (1855 г.) годами, то люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним сословием, переходили в состав «воинского сословия» и свой статус впоследствии передавали жене и детям. Военная служба для этой категории являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат.

В силу действовавшего законодательства, существовал целый рад категорий населения, относящихся к военным нижним чинам, которые выделялись отдельно в дореволюционной статистике: нижние воинские чины регулярных войск, члены их семей, бессрочноотпускные солдаты с членами семей, отставные солдаты с членами семей, солдатские дети и кантонисты, обучавшиеся в специальных учебных заведениях.

Численность армии колебалась в отдельные годы, находясь в зависимости от международной обстановки, масштабов военных действий, соответственно изменялась и численность военного сословия. Однако общая тенденция состояла в уменьшении, как численности армии, так и доли военного сословия в населении.

Всеобщая воинская обязательная повинность, введенная в 1874 г., устранила сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, что исключало освобождение от нее за деньги, обеспечила русскую армию значительным запасом для пополнения штата армии нижними чинами в военное время. Короткие сроки службы не лишали возможности на долгий срок отрывать значительную часть мужского населения от привычного экономического уклада жизни. Вместе с тем, обозначились некоторые проблемы, связанные с военной подготовкой нижних чинов, комплектованием армии качественным унтер-офицерским составом.

Новый порядок означал, что отдельное «воинское сословие», как иногда именовались нижние чины армии, перестало существовать. Однако вплоть до конца XIX в. продолжали бытовать многочисленные категории отставных солдат с членами их семей, что и отмечалось в материалах учета населения. Поскольку эти категория больше не пополнялась, к концу XIX в. они растворяются среди других групп населения.

Условия жизни различных категорий нижних воинских чинов в России 60-х гг. XIX – начала XX в. были достаточно сложными. Нижние чины, находящиеся на действительной воинской службе в это время образовали специфическую

социальную общность. В то же время различные категории отставных и бессрочноотпускных солдат постепенно растворялись в социуме, преимущественно городском.

Подготовка, обучение и воспитание личного состава в армии всегда представляла собой нелегкую задачу в военном строительстве. Ключевую роль в этом играли унтер-офицеры (старшие солдаты). Унтер-офицерский состав с момента своего появления сыграл важную роль в обучении нижних чинов военному делу, поддержании порядка и дисциплины, образовании, нравственном и культурном их воспитании. На наш взгляд, трудно переоценить значение корпуса унтер-офицеров в русской армии в период середины XIX – начала XX вв., когда ему пришлось решать двуединую задачу – помощника офицера и роль ближайшего командира для нижних чинов, особенно в годы суровых военных испытаний. И он с этой задачей справился.

Одним из существенных институтов армейской жизни являлась система наказаний и дисциплинарных взысканий, необходимая для поддержания воинской дисциплины и, в конечном счете, боеспособности армии. Система наказаний выстраивалась в соответствии с общегражданским законодательством (принимая во внимание, конечно же, армейские особенности), с учетом тяжести правонарушений военных. Во второй половине XIX – начале XX в. наиболее опасными и распространёнными воинскими преступлениями в армии для нижних чинов считались посягательства, связанные с исполнением воинских должностей. Военно-пенитенциарная политика характеризовалась в отношении рядовых – введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. В целом состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии оценивалось как вполне удовлетворительное, а поддержание порядка в армии достаточно строгим. Ближе к концу XIX в. наблюдается тенденция к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. В то же время можно отметить увеличение совершения преступлений против

собственности. Залогом же поддержания дисциплины в армии оставались работа офицерского и унтер-офицерского корпуса, желание нижних чинов служить честно и добросовестно своей Родине.

Санитарное состояние армии является одним из важнейших условий боеспособности войска. В силу этого, высшее военное командование прилагало усилия для улучшения санитарного устройства армии, охраны здоровья нижних чинов. Это стало не только проблемой военного ведомства, но и заботой всего государства. Однако предпринимаемые усилия не всегда были достаточны и нередко далеко отставали от современных потребностей и реалий военного строительства ведущих современных армий европейских государств.

Осознание военным командованием необходимости образования солдат в интересах развития военного дела, в условиях реформирования и перевооружения армии, в изучаемый период очевидно. Необходимость воспитания солдат в духе патриотизма, верности вере, царю и Отечеству, следовании требованиям законопослушного поведения по отношению к старшим начальникам в деле формирования здорового духа войск прослеживается по всем использованным источникам. Стремление прогрессивно настроенных офицеров и представителей общественности к обучению солдат грамоте и повышению грамотности всего населения страны были основными точками опоры развития этого процесса.

Вместе с тем этой работе не хватало согласованности. В некоторых случаях мероприятия проводились бессистемно, что вероятно, было вызвано недостатками организации воспитательного процесса и управления им, в том числе отсутствием должной исполнительской дисциплины. Процесс воспитания и образования характеризовался отсутствием системы контроля, чётких критериев оценки состояния обучения и воинского воспитания, эффективности этой работы, а в ряде случаев – сознательным игнорированием и нарушением предписаний руководства округов.

Нижние воинские чины являлись особой социально-профессиональной группой со своей специфической культурой, ценностями, традициями, нормами

поведения и системой взаимоотношений. Для подавляющего большинства военных были характерны религиозность, патриотизм, монархизм. Жесткая иерархичная военная система поддерживала традиционность жизни нижних воинских чинов. Многие военные традиции становились неотъемлемой частью повседневной городской жизни региона.

В целом, изучение образа жизни нижних воинских чинов российской армии 60-х гг. XIX – начала XX в. на материалах Западной Сибири позволило выявить основные черты социально-правового положения, повседневной жизни, культуры и ценностных ориентаций и традиций данной группы, в ряде моментов выявить особенности жизни нижних воинских чинов региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

КГКУ «Государственный архив Алтайского края» (ГААК):

Ф. 170 – Бийское уездное полицейское управление. Оп. 1. Д. 42, 67, 103, 109, 125, 181, 244, 919.

Ф. 174 – Бийская городская управа. Оп. 1. Д. 5, 8, 296, 337, 669.

Ф. 175 – Бийская городская дума. Оп. 1. Д. 34.

Ф. 176 – Бийская мещанская управа. Оп. 1. Д. 85, 86, 94.

Ф. 198 – Бийский уездный комитет. Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 24, 33, 37.

ГУКНО «Государственный архив Новосибирской области» (ГАНО):

Ф. Д-75. – Томский горный кружок по оказанию помощи воинам, сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталей. Оп. 1. Д. 1., 2, 6.

Ф. Д-132. – 38-й Сибирский стрелковый запасной полк. Оп. 1. Д. 1, 5.

Ф. Д-135 – 11-я Сибирская стрелковая дивизия. Оп.1. Д. 2.

Ф. Д-136 – 43-й Сибирский стрелковый запасный батальон. Оп. 1 Д. 2.

БУОО «Исторический архив Омской области» (ИАОО):

Ф. 19 – Сибирский кадетский корпус. Оп. 1. Д. 197, 213, 221, 228, 230, 234, 246, 296.

Ф. 99 – Степное окружное управление Российского общества Красного креста в г. Омске. Оп. 1. Д. 17.

Ф. 107 – 8-я дружина государственного ополчения управления Омской местной бригады. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 197 – 1-я Омская школа прапорщиков военного министерства. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 270. – Омское жандармское управление. Оп. 1. Д. 56.

ОГКУ «Государственный архив Томской области» (ГАТО):

Ф. 48 – Томское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 41, 46, 47.

Ф. 130 – Томская мещанская управа. Оп. 1. Д. 1, 3, 11, 19, 41, 145.

Ф. 233 – Томская городская управа. Оп. 1. Д. 31, 123, 177. Оп. 2. Д. 51, 207.

Ф. 234 – Томский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 5, 11, 21, 34, 39, 42, 65, 144, 172, 196, 211, 221, 253, 250, 346, 453.

Ф. 502 – Управление Томского губернского воинского начальника. Оп. 1. Д. 14, 22, 45, 48, 84, 136, 150, 180. 204, 211.

Законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. – СПб., 1830–1881.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – СПб., 1884–1916.

Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма – М., 1987; Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988; Т. 9: Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций. – М., 1989.

Сборник законоположений по отбыванию воинской повинности вольноопределяющимися и охотниками / Сост. М.В. Андрушкевич. – Кутаис: Тип.-лит. М.И. Гамрекели, 1899. 109 с.

Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. Ч. 1–6. – СПб., 1879–1912;

Свод военных постановлений 1869 г. 3-е изд. Кн. 1–24. – СПб., 1900–1915.

Свод законов о состояниях / Изд. И.И. Зубкова. – СПб., 1911.

Свод законов Российской империи. – СПб., 1899. Т. IX: Свод законов о состояниях; Т. X: Свод законов гражданских.

Устав внутренней службы. – СПб., 1910.

Документальные публикации и статистические материалы

Ведомость о числе жителей Томской губернии по сословиям // Томские губернские ведомости. – 1861. – № 40, 41.

Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. – СПб., 1913.

Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1872 г. – СПб., 1874.

Гагемейстер, Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / Ю.А. Гагемейстер. – Ч. II. – СПб., 1854. – 697, XI с.

Города России в 1904 г. – СПб., 1906. XIII, 410, 440, XVI с.

Города России в 1910 т. – СПб., 1914. III, 1157, XXXII с.

Дмитриев-Мамонов, А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. / А.И. Дмитриев-Мамонов // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884. – С. 351–408.

Ильин, В. Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии / В. Ильин // Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск, 1864. – С. 77–130.

Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / Сост. Е.Н. Тарновский. – СПб., 1899. – 407 с.

Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Сибирского военного округа, исправленное к 1 февраля 1906 г. – Омск, 1906

Костров, Н.А. Однодневная перепись города Томска 18 декабря 1866 г. / Н.А. Костров // Томские губернские ведомости. – 1867. – № 16.

Костров, Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии / Н.А. Костров. – Томск, 1872. – 117 с.

Костров, Н.А. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года / Н.А. Костров. – Томск, 1880. – 54 с.

Краткое расписание сухопутных войск, исправленное по 1 марта 1904 г. – СПб., 1904.

Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. – СПб, 1889.

Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. – М., 1998. – 222 с.

Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884. – С. 351–408.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 78: Тобольская губ. – СПб., 1905. – 247 с.; – Т.79: Томская губ., – СПб., 1904. – 245 с.; – Т. 81: Акмолинская область. – СПб., 1904. – 145 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам. – СПБ., 1905. – Т. IV.

Приказы по военному ведомству за 1911 г. – СПб., 1911.

Приказы по войскам Омского военного округа № 1–200 за 1887 г. – Омск, 1887; … № 1–248 за 1896 г. – Омск, 1896.

Путинцев, Н.Д. Статистический очерк Томской губернии / Н.Д. Путинцев. – Самара, 1892. – 135 с.

Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1873 г. – СПб., 1873.

Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – 416 с.

Словцов, И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. / И.Я. Словцов. – В 2 т. – Омск: Тип. Акмолин. обл. правления, 1880.

Состав населения трех наиболее значительных городов Сибири // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. – Омск, 1880. – № 2.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882. – 310 с.

Мемуарная литература, дневники

Бабков, И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. / И.Ф. Бабков. – СПб., 1912.

Белов, И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири / И. Белов. – М., 1852. – 107 с.

Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – М., 1990.

Клевакин, Е.П. Очерки из бийской жизни / Е.П. Клевакин // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 114–127.

Клевакин, Е. Барнаульские письма / Е. Клевакин // Алтай. 1996. – № 1–2. – С. 177–184.

Чукмалдин, Н.М. Мои воспоминания / Н.М. Чукмалдин. – СПб., 1899. – 107 с.

Чукмалдин, Н.М. Записки о моей жизни / Н.М. Чукмалдин. – М., 1902. – 136 с.

Справочная и библиографическая литература

Адрианов, А.В. Город Томск в прошлом и настоящем / А.В. Адрианов. – Томск, 1890. – XII, 433 с.

Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул, 2000. – 408 с.

Библиография трудов ученых Алтайского государственного университета. Вып. 1: Отечественная история (1973–2000) / Сост. В.А. Скубневский. – Барнаул, 2002. – 126 с.

Вибе, П.П. Омский историко-краеведческий словарь / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. – М., 1994. – 320 с.

Военная энциклопедия. – Т. I–XVIII. – СПб., 1911–1915.

Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. – СПб., 1914.

Вся Сибирь: Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. – СПб., 1908. – XVI, 582, XXXIV с.

Литература об Алтайском крае: Библиографический указатель. – Барнаул, 1986. – 244 с.

Межов, В.И. Сибирская библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период

книгопечатания / В.И. Межов. – Т. 1–3. СПб., 1891–1892. – Т. 1. – 485 с.; – Т. 2. – 470 с.; – Т. 3. – 303 с.

Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск, 1897.

Памятная книжка Акмолинской области на 1909 год. – Омск, 1909.

Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск, 1864, – 454 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884, – 408, 26, 60 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год. – Тобольск, 1912.

Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. – Томск, 1885.

Скубневский, В.А. История Алтая в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): Библиографический указатель / В.А. Скубневский, Н.В. Иванченко, З.И. Задонских. – Барнаул, 1992. – 126 с.

Исследования

Абрамов, Н.А. Город Тюмень / Н.А. Абрамов // Вестник РГО. 1858. – № 8. – С. 127–150.

Абрамов, Н.А. Город Семипалатинск / Н.А. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. 1863. – № 13–14, 16.

Авилов, Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. 2015. – № 4. – С. 3–10.

Алисов, Д.А. Городская среда и население Омска в конце XIX – начале XX вв. / Д.А. Алисов // Страницы исторического прошлого Омска (XX – начала XX в.): Краеведческий сборник. – Омск, 1994. – С. 40–52.

Алисов, Д.А. Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / Д.А. Алисов // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 60–73.

Алисов, Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. / Д.А. Алисов. – Омск, 2001. – 200 с.

Алисов, Д.А. Проблемы истории, культуры и условий жизни военных на «Катанаевских чтениях – 98» / Д.А. Алисов, Н.А. Томилов // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. – № 3. – С. 164–165.

Арзамаскин, Ю.Н. Российские самодержцы и армия / Ю.Н. Арзамаскин, И.А. Шеин // Военно-исторический журнал. 1994. – № 9. – С. 72–76.

Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск, 1995.

Афанасьев, В. Дисциплинарные роты и батальоны / В. Афанасьев // Военный сборник. 1890. – № 7. – Ч. 1. – С. 120–122.

Баяндин, В.И. Военное управление Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В.И. Баяндин // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 1997. – Вып. 2. – С. 39–43.

Баяндин, В.И. Официально-документальные источники по истории русской армии на Востоке страны (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В.И. Баяндин // Восток–Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – С. 7–14.

Баяндин, В.И. Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. – № 1. – С. 24–29.

Баяндин, В.И. Московско-Сибирский тракт: организация передвижения ссыльных, рекрутов и новобранцев в XIX столетии / В.И. Баяндин // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее: Материалы региональной научно-практической конференции. – Куйбышев, 2016. – С. 76–88.

Баяндин, В.И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX – начале XX века / В.И. Баяндин // Военно-исторический журнал. 2013. – № 3. – С. 58–63.

Баяндин, В.И. Обучение нижних чинов специальных частей Российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Баяндин // Сибирский педагогический журнал. 2013. – № 1. – С. 31–36.

Баяндин, В.И. Узаконенное уклонение от военной службы в русской армии в XIX столетии / В.И. Баяндин // Восток–Запад: проблемы взаимодействия: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – С. 99–107.

Баяндин, В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. – № 2. – С. 18–21.

Баяндин, В.И. Особенности принятия присяги в русской армии в XIX – начале XX века / В.И. Баяндин // Военно-исторический журнал. 2011. – № 7. – С. 24–28.

Баяндин, В.И. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX – начале XX вв. / В.И. Баяндин // Философия образования. 2011. – Т. 38. – № 5. – С. 304-310.

Баяндин, В.И. Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российской армии и флота (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.И. Баяндин // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – С. 58–61.

Баяндин, В.И. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода / В.И. Баяндин // Пишем времена и случаи материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 31–33.

Баяндин, В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. – № 3. – С. 30–33.

Баяндин, В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. – С. 69–75.

Библиотеки солдатские // Военная энциклопедия. – СПб., 1912. – Т. 4.

Бескровный, Л.Г. Очерки военной историографии России / Л.Г. Бескровный. – М., 1962.

Будина, О.Р. Этнографическое изучение города в СССР / О.Р. Будина, М.Н. Шмелева // Советская этнография. 1977. – № 6.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских / О.Р. Будина, М.Н. Шмелева. – М., 1989. – 252 с.

Бурматов, А.А. Демографическая история Каинска–Куйбышева и его округи / А.А. Бурматов. – Новосибирск, 1997.

Бухараев, В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым / В.М. Бухараев // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М., 2000. – С. 19–33.

Валитов, А.А. Военная реформа 1874 года в Тобольской Губернии / А.А. Валитов // Катанаевские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006.

Виртшафтер, Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э.К. Виртшафтер. – М., 2002. – 272 с.

Вишневский, А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М., 1998. – 432 с.

Владимирский-Буданов, М.В. Обзор истории русского права / М.В. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995. – 640 с.

Власова, И.В. Русские Сибири в XIX в. / И.В. Власова // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. – М., 1998. – С. 117–180.

Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. – М., 1897.

Гаврилова, Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. … к.и.н.: 07.00.02 / Гаврилова Н.И. – Иркутск, 2002. – 27 с.

Гефнер, О.В. Военные учреждения города Омска (конец XIX – начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 96–112.

Гефнер, О.В. Проблемы реформирования русской армии накануне Первой мировой войны в трудах военных специалистов 1920–1930-х гг. / О.В. Гефнер // Проблемы историографии, источниковедения, исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 1997. – С. 51–53.

Гефнер, О.В. Роль военных храмов в культурной жизни Омска / О.В. Гефнер // Общество и религия. – Омск, 1997. – С. 31–33.

Гефнер, О.В. Просвещение нижних чинов Омского гарнизона в конце XIX – начале XX вв. / О.В. Гефнер // Народная культура Сибири. – Омск, 1998. – С. 189–193.

Гефнер, О.В. Воинские праздники в Омске (конец XIX – начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Катанаевские чтения-98. – Омск, 1998. – С. 178–181.

Гефнер, О.В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. 1998. – № 1. – С. 46–50.

Гефнер, О.В. Военные библиотеки г. Омска в конце XIX – начале XX в. / О.В. Гефнер // Современное общество. – Вып. 1. – Омск, 1999. – С. 196–197.

Гефнер, О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. / О.В. Гефнер. – Омск, 2004. – 222 с.

Гефнер, О.В. Отношение гражданского населения к военным в Сибирской провинции второй половины XIX начала XX в.(на материалах Западной Сибири) / О.В. Гефнер // Катанаевские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006.

Гефнер, О.В. Патриотическое воспитание нижних чинов в русской армии (конец XIX начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Русский вопрос: история и

современность. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2005.

Гефнер, О.В. Дисциплинарная рота в Омской крепости (конец XIX – начало XX века) / О.В. Гефнер // Омская крепость: историко-культурное наследие: Сборник материалов Омской городской научно-практической конференции (Омск, 25 ноября 2010 г.). – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 47–50.

Гефнер, О.В. Солдатский досуг в гарнизонах Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) / О.В. Гефнер // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17 ноября 2011 г.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. – С. 143–148.

Гефнер, О.В. Военные в г. Тобольске во второй половине XIX – начале XX века: социальная и культурная деятельность / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. 2012. – № 2. – С. 308–314.

Головачев, П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П.М. Головачев. – М., 1902. – 300 с.

Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н.Н. Головин // Военно-исторический журнал. 1993. – № 1.

Голодников, К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К Голодников. – Тобольск, 1882.

Голодников, К. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк / К. Голодников. – Тобольск, 1887. – 139 с.

Гончар, А.Е. Традиции русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: сущность, традиции, уроки.: автореф. дис. … к.и.н.: 07.00.02 / Гончар А.Е. – М., 1994.

Гончаров, Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. – № 3. – С. 113–116.

Гончаров, Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Города Сибири XVIII – начала XX в. – Барнаул, 2001. – С. 36–64.

Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул, 2002. – 384 с.

Гончаров, Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. – Вып. 2. – Новосибирск, 2002. – С. 77–86.

Гончаров, Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) / Ю.М. Гончаров. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 358 с.

Гончаров, Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. – № 4/2 (80). – С. 135–138.

Гончаров, Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – 348 с.

Гончаров, Ю.М., Скобликов С.В. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. / Ю.М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. – Т. 2. – № 3(87). – С. 50–52.

Гончаров, Ю.М. Обучение грамоте нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX века / Ю.М. Гончаров, С.В. Скобликов // Уральский научный вестник. 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 47–50.

Горелов, Ю.П. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. – Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2014. – 238 с.

Город Томск. – Томск, 1912. – 348, 79, 73 с.

Горюшкин, Л.М. Изучение истории Сибири эпохи капитализма / Л.М. Горюшкин, Ф.А. Кудрявцев, В.Г. Тюкавкин // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 175–189.

Горюшкин, Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма / Л.М. Горюшкин // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1975. – С. 75–89.

Горюшкин, Л.М. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.) / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев. – Новосибирск, 1978. – 296 с.

Громыко, М.М. Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири / М.М. Громыко // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 121–132.

Дегальцева, Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. / Е.А. Дегальцева. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 187 с.

Дмитриенко, Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2000. – 284 с.

Драгомиров, М.А. Воспитание и образование войск / М.А. Драгомиров // Военный сборник. – СПб., 1866. – № 3.

Дубинин, В.О. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири: 1865–1906 гг.: дис. … к.и.н.: 07.00.02 / Дубинин В.О. – Омск, 2006. – 246 с.

Дубинин, В.О. Особенности военной службы в Западной Сибири в период 1865–1906 г. / В.О. Дубинин, А.А. Печенкина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. – № 125. – С. 712–723.

Емельянов, Н.Ф. Город Курган. 1782–1917: Социально-экономическая история / Н.Ф. Емельянов. – Курган, 1991. – 256 с.

Еремин, И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918) / И.А. Еремин. – Барнаул, 2005.

Еремин, И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): дис. ... д. и. н.: 07.00.02 / И.А. Еремин. – Барнаул, 2006. – 618 с.

Еремин, И.А. Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918) / И.А. Еремин // Известия Томского политехнического университета. 2006. – Т. 309. – № 6. – С. 202–205.

Еремин, И.А. Степень готовности России к первой мировой войне в оценках дореволюционных, советских и современных исследователей / И.А. Еремин // Известия Алтайского государственного университета. 2015. – Т. 2. – № 3 (87). – С. 93–96.

Еремин, И.А. Подготовка людских резервов для действующей русской армии в Западной Сибири в условиях хаоса 1917 г. / И.А. Еремин // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. – № 1 (30). – С. 47–51.

Ермолович, Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) / Я.Н. Ермолович // Военно-исторический журнал. 2015. – № 3.

Ершов, М.Ф. Туринск в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX века. / М.Ф. Ершов. – Шадринск, 2000. – 22 с.

Завалишин, И.И. Описание Западной Сибири. Т. 1: Западная Сибирь – Тобольская губерния / И.И. Завалишин. – М., 1862. – 419 с.

Завалишин, И.И. Описание Западной Сибири. Т. 2: Западная Сибирь – Томская губерния / И.И. Завалишин. – М., 1865. – 277 с.

Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России / П.А. Зайончковский. – М., 1952.

Зайончковский, П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий / П.А. Зайончковский. – М., 1973.

Зайончковский, П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной / П.А. Зайончковский // Вопросы истории. 1981. – № 4. – С. 21–29.

Зверев, В.А. «Бравы ребятушки». Землякам в святцы / В.А. Зверев // Советский воин. 1993. – № 2. – С. 63–65.

Зверев, В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Зверев // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск, 1995. – С. 109–112.

Золотарев, О.В. Армия и культура / О.В. Золотарев. – М., 1991.

Иванов, Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России / Л.М. Иванов // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 312–340.

Ивонин, А.Р. Население городов юга Западной Сибири в дореформенную эпоху по данным церковного учета православного населения / А.Р. Ивонин // Историко-демографические проблемы Сибири. – Барнаул, 1995. – С. 3–16.

Ивонин, А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования) / А.Р. Ивонин. – Барнаул, 2000. – 337 с.

История российского быта. – СПб., 1999. – 263 с.

Кабузан, В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. / В.М. Кабузан // История СССР. 1979. – № 3.

Кехер, Ю. О военных врачах / Ю. Кехер // Военный сборник. – СПб., 1902. – № 10.

Клюева, В.П. Структура городского населения по российскому законодательству (II-я половина XVII – I-я половина XIX в.) / В.П. Клюева // Россия и мировой исторический процесс. – Бийск, 1999. – С. 107–109.

Ключевский, В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – Т. VI. – М., 1989. – С. 225–391.

Кожевин, В.Л. Монарх и монархия в системе ценностей российского офицера (конца начала XX вв.) / В.Л. Кожевин // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.) – Омск, 1994. – С. 61–69.

Колесников, А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска / А.Д. Колесников // История городов Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 231–252.

Колмогоров, Г. Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири / Г. Колмогоров // Северная пчела. 1859. – № 67.

Кондриков, Б.В. Революционные выступления солдат в Западной Сибири в годы первой русской революции / Б.В. Кондриков // Ученые записки Омского государственного педагогического института. – Омск, 1965.

Коновалов, И.А. Изменения в социальной структуре населения Омска в конце XIX – начале XX вв. / И.А. Коновалов // Омск, XX век (вехи истории): Краеведческий сборник. – Омск, 2001. – С. 7–20.

Копылов, Д. Тобольск / Д. Копылов, Ю. Прибыльский. – Свердловск, 1975. – 224 с.

Копылов, В.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милюхин, Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 1995.

Кочергин, П. Нужды русского солдата / П. Кочергин // Быт русской армии XVIII – начала XX века. – М., 1999.

Кренке, В.Д. Грамотность в армии / В.Д. Кренке // Военный сборник. – СПб., 1868. – № 12.

Крупина, Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX вв. / Т.Д. Крупина // История СССР. 1971. – № 1. – С. 191–205.

Крылов, М.В. Формирование основ правовой культуры в русской армии во второй половине XIX – XX веков / М.В. Крылов // Военно-исторический журнал. 2011. – № 4.

Крылов, М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века / М.В. Крылов // Военно-исторический журнал. 2010. – № 7.

Кузнецов, Я.И. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам / Я.И. Кузнецов // Живая старина. 1903. – Вып. 3. – Отд. 5. – С. 396–404.

Куприянов, А.И. Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. / А.И. Куприянов // Культурно бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XIX в. – Новосибирск, 1985. – С. 53–62.

Куприянов, А.И. Празднично-общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. / А.И. Куприянов // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 23–33.

Куприянов, А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А.И. Куприянов. – М., 1995. – 160 с.

Куприянов, А.И. Представление о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи / А.И. Куприянов // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – начала XX в. – М., 1996. – С. 83–107.

Куропаткин, А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии / А.Н. Куропаткин // Военное положение России в конце XIX века. – СПб, 1910.

Литягина, А.В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / А.В. Литягина // Вопросы истории. 2009. – № 11. – С. 157–163.

Литягина, А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.В. Литягина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 331 с.

Литягина, А.В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века / А.В. Литягина // Историческая психология и социология истории. 2013. – № 1. – С. 99–110.

Лишин, И. Образование рекрут / И. Лишин // Военный сборник. – СПб., 1866. – № 3.

Лоссовский. Забава и дело в казарме / Лоссовский // Военный сборник. 1884. – № 7. – С. 72–112.

Лукьянова, Л.С. Военные библиотеки Тобольской губернии / Л.С. Лукьянова // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск, 1995. – С. 152–154

Лютов, С.Н. Книга в русской армии (конец XIX – начало XX в.) / С.Н. Лютов. – Новосибирск, 2001.

Лютов, С.Н. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века) / С.Н. Лютов, А.М. Панченко. – Новосибирск, 2007.

Лясоцкий, И. Прошлое Томска (в названиях его улиц, построек и окрестностей) / И. Лясоцкий. – Томск, 1952. – 52 с.

Мамеев, С. Н. Краткий исторический очерк Тобольского резервного пехотного батальона (с 1711 г.) / С.Н. Мамеев. – Тобольск, 1886.

Миненко Н.А. Омск в панораме веков / Н.А. Миненко, С.В. Федоров. – Омск, 1999. – 352 с.

Мирзоев, В.Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В.Г. Мирзоев. – М., 1970. – 392 с.

Миронов, Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б.Н. Миронов. – Л., 1990. – 272 с.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. Т. 1–2. – СПб., 1999.

Население Западной Сибири в XX в. – Новосибирск, 1997. – 172 с.

Некрылова, А.Н. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XIX – начало XX в. / А.Н. Некрылова. – Л., 1988. – 215 с.

Никульченко, А. О средствах завести хороших унтер-офицеров / А. Никульченко // Ориентир. 2013. – № 7.

Оськин, М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период Первой мировой войны / М.В. Оськин // Военно-исторический журнал. 2014. – № 1.

Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск, 2000. – 693 с.

Очерки истории города Омска. – Т. 1: Дореволюционный Омск. – Омск, 1997. – 292 с.

Палопеженцев, Н. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) / Н.

Палопеженцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1895. – Вып. 3. – С. 4–9.

Паршукова, Н.П. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин о городах Сибири / Н.П. Паршукова // Города Сибири XVIII–начала XX в. – Барнаул, 2001. – С. 147–152.

Потанин, Г.Н. Города Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь, её современное состояние и её нужды. – СПб., 1908.

Поткина, И.В. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) / И.В. Поткина, Н.Б. Селунская // История СССР. 1990. – № 4. – С. 194–206.

Преображенский, А.А. Об эволюции классово-сословного строя в России / А.А. Преображенский // Общество и государство феодальной России. – М., 1985.

Пронин, В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) / В.И. Пронин // История СССР. 1981. – № 4. – С.50–69.

Рашин, А.Г. Население России за 100 лет / А.Г. Рашин. – М., 1956. – 352 с.

Режепо, П. Офицерский вопрос в начале XX в. / П Режепо // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. – М., 2000.

Ремнев, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнев. – Омск, 1995.

Риттих, А.Ф. Русский военный быт в действительности и в мечтах / А.Ф. Риттих. – СПБ., 1893.

Ростов, Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков / Н.Д. Ростов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 304 с.

Ростов, Н.Д. Алтай в военной истории России / Н.Д. Ростов // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 13–16.

Ростов, Н.Д. «Для производства практической стрельбы батарей округа…». Из истории создания Сергиево-Михайловского артиллерийского полигона Омского военного округа (1906–1913 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири.

Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 64–65.

Ростов Н.Д. Влияние революционных событий в Сибири 1905–1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Манчжурии / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов // Мир Евразии. 2017. – № 1 (36). – С. 55–66.

Рубакин, Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы / Н.А. Рубакин. – СПб., 1912. – 216 с.

Русские. – М., 1999. – 828 с.

Самосудов, В.М. Революционная пропаганда среди солдат Омского военного округа в 1907–1914 гг. / В.М. Самосудов // Ученые записки Омского государственного педагогического института. – Омск, 1970. – № 45.

Сигутов, П.Т. Население Омска в конце XIX в. / П.Т. Сигутов // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1966.

Скобликов, С.В. Быт солдат Западной Сибири во второй половине XIX в. / С.В. Скобликов // Тобольск научный – 2011: Матер. VIII Всерос. научно-практ. конф. – Тобольск: Полиграфист, 2011. – С. 212–214.

Скобликов, С.В. Хозяйственные занятия военных (нижних чинов) в Западной Сибири во второй половине XIX в. / С.В. Скобликов // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 123–123.

Скобликов, С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. – Т. 2. – № 3(87). – С. 215–217.

Скобликов, С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. / С.В. Скобликов // Известия Алтайского государственного университета. 2017. – № 1. – С. 135–139.

Скобликов, С.В. Солдатское сословие (нижние воинские чины) во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Materiały XIII Międzynarodowej

naukowi-praktycznej konferencji «Naukowa przestrzeń Europy- 2017». – Tom 9: Filozofia. Historia. Politologia. – Przemyśl: Nauka i studia, 2017. – С. 9–12.

Скобликов, С.В. Роль унтер-офицерского корпуса русской армии середины XIX – начала XX в. / С.В. Скобликов // Материали за XIII международна научна практична конференция «Ключови въпроси в съвременната наука – 2017». – Volume 1: Философия. Икономики. Закон. История. – София: «Бял ГРАД-БГ», 2017. – С. 41–44.

Скобликов, С.В. Система наказаний в русской армии для нижних воинских чинов во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Приднепровский научный вестник. 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 3–7.

Скобликов, С.В. Воинские праздники и церемониалы в жизни нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Приднепровский научный вестник. 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 21–23.

Скубневский, В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX в. / В.А. Скубневский // Актуальные вопросы истории Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 104–129.

Скубневский, В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии / В.А. Скубневский // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. – Томск, 1985. – С. 84–97.

Скубневский, В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. / В.А. Скубневский // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 98–119.

Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. – Барнаул, 2003. – 360 с.

Сметанин, С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. / С.И. Сметанин // Исторические записки. – Т. 102. – М., 1978. – С. 153–182.

Советская историография. – М., 1996. – 592 с.

Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. – Ч. 1–2. – М., 1994.

Состояние вооруженных сил России со времени введения общей обязательной воинской повинности // Русская военная сила. – М., 1897.

Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. – СПб., 1889. – № 5–6.

Строевой. Опротестованные новобранцы и убыль в неспособные / Строевой // Военный сборник. – СПб., 1902. – № 9.

Сущинский, Ф. Унтер-офицерский вопрос в нашей армии / Ф. Сушинский // Военный сборник. – СПБ., 1881. – № 8.

Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 1999. – 432 с.

Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков: Очерки истории и быта. – Омск, 2003. – 242 с.

Турчанинов, Н.В. Города Азиатской России / Н.В. Турчанинов // Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 285–360.

Фабрика, Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири) / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: Новосибирский полиграфический комбинат, 2001. – 252 с.

Фабрика, Ю.А. Горя пламенною любовію къ Отечеству…, / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 2012.

Фабрика, Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Ю.А. Фабрика. – Т. I. – Новосибирск, 2014.

Фабрика, Ю.А. На прогнание всякого супостата / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 2016.

Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907) / Фукин. – Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. – 131 с.

Худяковский, Д. К чествованию 50-летнего существования храма в Сибирском кадетском корпусе 6 дек. 1898 г. 1898 г. / Д. Худяковский. – Омск, 1898.

Цепляев, Л.Н. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма / Л.Н. Цепляев, Б.П. Шипилов // История городов Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1977. – С. 45–51.

Цибиков, В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века / В.А. Цибиков // Военно-исторический журнал. 2015. – № 10.

Чиненный, С. Унтер-офицеры Русской армии / С. Чиненный // Ориентир. 2003. – № 12.

Шавров, К. Грамотность в войсках / К. Шавров // Военный сборник. – СПб., 1892. – № 5–6 (разд. 1).

Шейнфельд, М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.) / М.Б. Шейнфельд. – Красноярск, 1973. – 399 с.

Щербинина, Ю.В. Запасные и бессрочноотпускные солдаты русской армии в 70-е годы XIX в. / Ю.В. Щербинина // Катанаевские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006.

Шишкина, С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917) / С.Ю. Шишкина. – Тюмень: ТОГИРРО, 2006. – 208 с.

Штейнфон, Б. Воин Христов / Б Штейнфон // Душа армии. Русская военная иммиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – М., 1997.

Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса 1813–1913. – Омск, 1913.

Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1892. – 720 с.

Литература на иностранных языках.

Duffy Ch. Russia’s Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power / Ch. Duffy. – London, 1981.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК – Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края».

ИАОО – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».

ГАНО – Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области».

ГАТО – Областное государственное учреждение «Государственный архив Томской области».

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

СЗРИ – Свод законов Российской империи.